2020

Мир Джалал Пашаев «Куда ведут дороги» Роман

YYSİB
www.kitabxana.net - Milli Virtual-Elektron Kitabxana
16.09.2020

www.kitabxana.net - Milli Virtual-Elektron Kitabxananın təqdimatında

"Mir Cəlal Paşayev": Gənclər üçün İnternet e-kitabxana və kreativ-innovativ mərkəz".

Elektron kitab N 33 (13 - 2020)

Bu elektron nəşrlər Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Qeyri-Hökumət Təşkilatlarına Dövlət Dəstəyi Şurasının 2020-ci ildə maliyyə yardımı müsabiqəsinin qalibi olmuş, Şura tərəfindən maliyyələşdirilən, Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyinin reallaşdırdığı, www.kitabxana.net - Milli Virtual-Elektron Kitabxananın texniki-yaradıcı dəstəyi ilə icra edilən **"Mir Cəlal Paşayev": Gənclər üçün İnternet e-kitabxana və kreativ-innovativ mərkəz"** kreativ-innovativ layihə çərçivəsində hazırlanıb və yayımlanır.

Kulturoloji layihənin maliyyələşdirən qurum - Azərbaycan Respublikası Prezidenti Yanında Qeyri-Hökumət Təşkilatlarına Dövlət Dəstəyi Şurası: www.cssn.gov.az

Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi: www.yysq.kitabxana.net

Feysbukda **"Mir Cəlal Paşayev": Gənclər üçün İnternet e-kitabxana və kreativ-innovativ mərkəz"** kreativ-geoinnovativ layihəsi çərçivəsində rəsmi səhifə: www.facebook.com/kreativlayihe

"Mir Cəlal Paşayev": Gənclər üçün İnternet e-kitabxana və kreativ-innovativ mərkəz" bölümündəki elektron kitablar:

http://kitabxana.net/?oper=e_kitabxana&cat=188

Мир Джалал Пашаев

«Куда ведут дороги»

Роман

Kitab YYSİB tərəfindən e-nəşrə hazırlanıb

YYSİB - Milli Virtual-Elektron Kitabxananın e-nəşri. 2020

Virtual redaktoru və e-nəşrə hazırlayanı: Aydın Xan Əbilov, Prezident təqaüdçüsü, yazıçı-kulturoloq

"Mir Cəlal Paşayev": Gənclər üçün İnternet e-kitabxana və kreativ-innovativ mərkəz"

YYSİB-nin kreativ-innovativ layihəsi barədə

2020-ci ilin iyul ayının əvvəlindən etibarən Yeni Yazarlar və Sənətçilər İctimai Birliyi Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Qeyri-Hökumət Təşkilatlarına Dövlət Dəstəyi Şurasının 2019-ci ilin qrant müsabiqəsi çərçivəsində maliyyələşdirilən növbəti kreativ layihəsini həyata keçirilməyə başlayıb. “Mir Cəlal Paşayev": Gənclər üçün İnternet e-kitabxana və kreativ-innovativ mərkəz” layihə, İnternet və sosial şəbəkələrdən yararlanaraq, dünyada yaşayan 55 milyonluq azərbaycanlı soydaşlarımız, xüsusən də gənclərə ünvanlanıb. Üç aylıq layihə çərçivəsində "Mir Cəlal Paşayev" İnternet resursu, kitabxana.net – Milli Virtual-Elektron Kitabxana polratlında eyni adda elektron kitabxana bölümü və sosial platformalarda kreativ-innovativ kontentlər yaratmaqla, son illər xaricdə ölkəmizə qarşı böhtanxarakterli materiallar yayanlara qarşı intellektual-mədəni cavab vermək nəzərdə tutulur. Layihə icraçıları yeni nəslin nümayəndələrinin marağını cəlb edəcəyinə əmindilər.

Layihə, görkəmli yazıçı, dəyərli alim Mir Cəlal Paşayevin yaradıcılığını, kitablarını, ədəbi-bədii, elmi-filoloji irsini İnternet, elektron kitabxana və sosial şəbəkələr vasitəsilə gənclərə çatdırmaqla, onların milli-mənəvi dəyərlərimizə sayğı və sevgi hisslərlə böyüməsinə təkan vermiş olacaqdır. Xalqımızın sevimli yazıçısı və alimin mobil elektron kitabxana bölümü zənginləşdirməklə, sosial şəbəkədə "Mir Cəlal Paşayev" Kreativ-İnnovativ Mərkəz yaratmaqla ədibin indiyə qədər nəşr olunmuş kitablarının elektron variantlarını bir resursda cəmləməyi, eləcə də onun aforzmlərindən ibarət kitabın kağız və elektron variantda nəşrə hazırlanaraq çapı-yayımı, ictimai-virtual təqdimatı nəzərdə tutulur.

Məlum olduğu kimi 55 milyonluq dünya azərbaycanlılarının böyük əksəriyyəti xarici ölkələrdə yaşayır və onların arasında dəyərli elmi və bədii yaradıcılıq nümunələrini yaradan, ədəbiyyatımızın, filoloji-humanitar elmimizin görkəmli nümayəndəsi Mir Cəlal Paşayevin intellektual-ədəbi düşüncə məhsullarını, əsərlərini yaxından tanımayan gənc nəsil böyüyür. Layihə virtual imkanlardan yararlanaraq milli ədəbiyyatın, bütöv Azərbaycanı birləşdirən kulturoloji-ədəbi model kimi izləməyi, tanıtmağı, e-kitblarla humanitar düşüncəmizin bu istiqamətinin araşdırılmasını, tədqiqini, populyarlaşdırılmasını dəstəkləyir.

YYSİB Analitik-İnformasiya Bölümü

DİQQƏT!

Müəlliflik hüququ Azərbaycan Respublikasının qanunvericiliyinə və əlaqədar beynəlxalq sənədlərə uyğun qorunur. Müəllifin razılığı olmadan kitabın bütöv halda, yaxud hər hansı bir hissəsinin nəşri, eləcə də elektron informasiya daşıyıcılarında, İnternetdə yayımı yasaqdır. Bu qadağa kitabın elmi mənbə kimi istifadəsinə, araşdırma və tədqiqatlar üçün ədəbiyyat kimi göstərilməsinə şamil olunmur.

Куда ведут дороги, роман /Мир Джалал; пер. с азерб. [А.Шариф, В.Василевского; стихотвоные пер. П.Панченко].- Москва: Советский писатель, 1979.

Мир Джалал Пашаев

«Куда ведут дороги»

Роман

Куда ведут дороги, роман /Мир Джалал; пер. с азерб. [А.Шариф, В.Василевского; стихотвоные пер. П.Панченко].- Москва: Советский писатель, 1979.

БАКУ - 2007

МИР ДЖАЛАЛ ПАШАЕВ. РОМАН. Баку – 2020. 240 стр.

Включенные в книгу роман «Куда ведут дороги» видного азербайджанского писателя двадцатого века профессора Мир Джалала (1908-1978) представляют несомненный интерес для выяснения исторических корней и современного автору периода жизни азербайджанского народа.

Куда ведут дороги, роман /Мир Джалал; пер. с азерб. [А.Шариф, В.Василевского; стихотвоные пер. П.Панченко].- Москва: Советский писатель, 1979.

ПРЕУСЛОВИЕ

Мир Джалал Али оглу Пашаев (1908-1978) родился в селе Андебир близ центра Южного Азербайджана - города Тавриз в крестьянской семье. Детские годы будущего классика протекали в Гяндже, куда перебралась его семья. В 1923-1928-ом годах Мир Джалал обучался в Гянджинском педагогическом техникуме, по окончанию которого преподавал и директорствовал в школах Гянджи и Кедабека. Литературный дебют его датируется 1828 годом. Он становится членом гянджинского филиала литературного общества «Qızıl qələmlər» («Красные перья»), публикует свои произведения на страницах одноимённых журнала и газеты, а также альманаха «İlk addımlar» («Первые шаги»). Особый читательский успех выпал на долю рассказа Мир Джалала «Мирза», увидевшего свет в одном из номеров газеты «Qızıl Gəncə» («Красная Гянджа») за 1930-ый год.

Стремясь повысить свой образовательный уровень, Мир Джалал в 1930-ом году поступает на факультет языка и литературы Казанского восточного педагогического института, где проучился два года. По возвращению в Азербайджан, в Баку, он в 1931-1933-ом годах обучается в аспирантуре при Азербайджанском педагогическом институте, по окончанию которой приступает к преподавательской деятельности на кафедрах республиканских высших учебных заведений. Преподавательскую деятельность он успешно сочетает с научно-исследовательской и в Азербайджанском филиале Академии наук Советского Союза работает над

кандидатской диссертацией на тему: «Особенности поэтики Мухаммеда Физули». Это был фактически первый монументальный научный труд о творчестве великого азербайджанского поэта ХУ1 столетия, открывший широкую дорогу для последующего изучения его богатого литературного наследия. Диссертация эта была успешно защищена на заседании Ученого Совета Азербайджанского Государственного Университета в 1940-ом году, присудившем соискателю искомую учёную степень кандидата филологических наук.

Этот приход в науку вовсе не означал отхода от литературного творчества. Мир Джалал – это единственный представитель азербайджанской литературы двадцатого столетия, удачно совместивший писательский труд с научной и преподавательской деятельностью. Нам представляется, что именно поэтому его произведения выгодно отличаются

глубиной проблематики, монолитностью сюжета, насыщенностью языка, чёткостью образной системы, композиционной стройностью.

Симптоматично поэтому, что ещё в период обучения в аспирантуре, в 1932 году, Мир Джалал выпускает первый сборник своих рассказов и очерков «Sağlam yollarda» («На здоровых путях»), привлекший внимание читателей. И в последующие годы, параллельно с педагогической деятельностью на университетской кафедре, он один за другим публикует небольшие по объему, но глубокие по содержанию рассказы, привлекшие внимание как

читателей, так и представителей нарождающейся азербайджанской советской литературной критики тонким сочетание юмора и сатиры. Скупая на похвалы азербайджанская литературная критика середины 1930-ых годов сразу провозгласила Мир Джалала достойным продолжателем богатых литературных традиций видных представителей национальной прозы Джалила Мамедкулизаде и Абдуррагимбека Ахвердиева. Уже в это время его называют большим мастером малой прозы. Вместе с тем писателя начинают сковывать узкие рамки малых эпических жанров, рассказа и очерка, и с середины 1930-х годов Мир Джалал приступает к созданию одного из первых в национальной литературе широкого эпического полотна, романа «Воскресший человек» (1935). Этапное в истории азербайджанской прозы, произведение это посвящено отображению исторических событий одного из самых сложных периодов истории азербайджанского народа – времени обретения азербайджанским народом независимости, времени установления первой демократической республики на Востоке – Азербайджанской Демократической Республики. Вслед за этим произведением Мир Джалал один за другим издаёт такие романы и повести, как «Манифест молодого человека» (1939), «Открытая книга» (1941), «Мои ровесники» (1947), «Новый город» (1952). Мы сознательно не указываем жанровую принадлежность каждого из названных писателей, поскольку проза Мир Джалала столь необычна и оригинальна, что трудно

определить где роман, а где повесть. Не случаен поэтому тот факт, что разные литературоведы по-разному трактуют жанровую принадлежность названных произведений. Так, одни исследователи считают «Манифест молодого человека» романом, другие – повестью. То же самое можно сказать о произведении «Мои ровесники». Это происходит потому, что проза Мир Джалала необыкновенно богата, но в то же время удивительно лаконична.

Ясно, что написание вышеназванных романов отнимало немало времени, но несмотря на это Мир Джалал ни на минуту не оставлял ни педагогическую, ни научную деятельность. Он приступает к работе на кафедре истории азербайджанской литературы Азербайджанского (ныне Бакинского) Государственного Университета, где проработал до конца жизни и которой заведовал с 1961 года, одновременно работая над докторской диссертацией. В 1947 году на заседании Учёного совета Азербайджанского Государственного Университета им была успешно защищена докторская диссертация на тему: «Литературные школы в азербайджанской литературе XX века».

Характерно, что включённый в настоящее издание роман Мир Джалала «Куда ведут дороги», написанный в 1957 году, освещает деятельность одной из национальных литературных школ – молланасреддиновской. Это лишний раз свидетельствует о том, какого успеха может добиться писатель, совмещающий творчество с научной деятельностью. Нет сомнения, что работа над докторской диссертацией и подсказала писателю тему и идею этого романа.

Проза Мир Джалала – это важный этап в развитии азербайджанской литературы двадцатого столетия. Она интересна не только как творение яркого и самобытного писателя, но и как реалистическое отображение того сложного пути, через который азербайджанский народ пришёл к сегодняшней независимости.

Агиль Гаджиев,

доктор филологических наук,
профессор

КУДА ВЕДУТ ДОРОГИ

РОМАН

Глава первая

Я БУДУ УЧИТЕЛЕМ

Годами скитаясь по странам чужим,
Встречаю я всяких людей - не боюсь.
Но если ко мне мусульманин идет,
Аллахом, святыми поклясться могу, -
Его-то, при храбрости всей, я боюсь.

Сабир

В то далекое время, когда революция 1905 года была разгромлена, когда Ленин неустанно, с титаническим размахом ковал и сплачивал партию большевиков для нового, победоносного штурма, когда в Баку Нобель, Ротшильд, Тагиев, Манташев качали из недр Апшерона тысячи и тысячи тонн нефти, обрекая рабочих на бесправие, голод, нищету, когда в Южном Азербайджане множились народные восстания под водительством Саттархана, когда Джалил Мамедкулизаде издавал в Тифлисе журнал "Молла Насреддин", - на узкой, выложенной камнем улице Шемахи возвращавшийся с богослужения из Джума-мечети Гаджи Ахунд повстречался с поэтом Мирза Алекбером Таирзаде, известным под именем Сабира.

Почтенный седобородый Ахунд был в длиннополой хорасанской шубе, чалме из тонкой белоснежной шерстяной материи - термы, кушак опоясал его выпуклое чрево; правой рукой священнослужитель опирался на посох из кизилового дерева, а левой сжимал драгоценные черные четки.

Скромный, неприметно одетый Таирзаде вышел из здания почты с новым номером "Моллы Насреддина". Опустив голову, ничего не видя, машинально слушая нежный хруст подтаявшего снега под башмаками, он шел к дому, перечитывая напечатанное в журнале свое стихотворение, и

ему хотелось увидеть в мельчайших исправлениях, даже в знаках препинания, перо своего мудрого друга Мамедкулизаде, следы его таланта, влияние его замысла.

Заметив поэта, Гаджи Ахунд нахмурился, а когда зоркий взгляд его упал на страницу и он прочел известное всему Закавказью название журнала, то сердце набожного первосвященника преисполнилось ненависти. Отпрянув, будто от неожиданного удара, он разгневанно стукнул посохом по каменной плите и в сердцах воскликнул:

- Тьфу, проклятие!

Подняв глаза, Таирзаде с недоумением посмотрел на искаженное злобой, с лохматой бородою лицо Гаджи Ахунда и только сейчас понял, что его прокляли. Пожав плечами, он спокойно сказал:

- Не плюй, у самого же во рту горечь останется. А так как правоверный Гаджи Ахунд, подобрав подол шубы, торопливо семенил в проулок, то поэт, подняв вверх руку, обращаясь будто к неведомым слушателям, плавно, выразительно прочитал стихотворение:

Плюется, встретив нас, худой аскет,–
Но панцирю какой от камня вред?
Мы - океан в огромном этом мире
И начисто смываем грязи след.

Гаджи Ахунд сделал вид, что не расслышал, и убыстрил шаги, чтобы не осквернить близостью безбожника, более мерзкого и гадкого, чем любой баби1.

Он лелеял сладостную надежду, что вечером расправится с поэтом, во время проповеди в мечети обрушит на голову Таирзаде громоподобные проклятия.

Ступая на минбар2, Гаджи Ахунд обретал смелость барса, голос его гремел, словно труба горниста в военном лагере, слова, длинные-предлинные, тянулись шуршащими лентами, будто стих Корана.

Вечерняя проповедь прошла с особым подъемом. Никто из бабистов не осмелился и носа просунуть в мечеть. Здесь царила глубокая, зловещая тишина. Слова Ахунда разили вероотступников, подобно остро отточенному булатному клинку.

- Гре-е-е-ех!.. Лю-у-у-уди-и-и, внемлите! Взявший в руки "Моллу Насреддина" сапожищами растоптал Коран. Слушавший в чайханах "Моллу Насреддина" впал в неизбывную ересь. Таких вероотступников давно пора бой-ко-ти-ро-вать!

Это слово Гаджи Ахунд произнес по-русски, полагая, что так получится пострашнее.

- Бабист, богохул, клятвопреступник, безбожник! Да

падет божья кара на журналистов и стихотворцев! Проклятие!

И, зная, что преследуемый судьбой поэт вынужден для пропитания семьи заниматься мыловарением и торговлей, Гаджи Ахунд припас к концу проповеди самое веское, самое грозное предостережение:

- Хуже собачьей крови доход от торговли таких бабистов, как внук Гаджи Таира, именуемый Сабиром. Входящие к нему покупатели отлучаются от лица мусульманской веры. Проклятие! Тысячу проклятий! Читайте молитву, правоверные!..

Молящиеся покорно шептали "аминь" и проклинали бабистов и обращались со смиренной просьбой к богу сурово наказать внука Гаджи Таира Мирза Алекбера Таирзаде, более известного под именем Сабира, который на весь мир опозорил шемахинцев.

Скорбно вздыхая, правоверные беспорядочным стадом понурых овец выходили из мечети, благословляя красноречивого Гаджи Ахунда, и разбредались по темным, узким улочкам Шемахи.

Но - странное дело! - чем дальше от мечети, тем люди шли быстрее, и смелее посматривали по сторонам, и разговаривали увереннее, громче, а оставшись наедине с близкими во двориках, обнесенных полуразвалившимися каменными оградами, и вовсе стряхнули с себя, словно пыль, молитвенное оцепенение, и трудно было поверить, что всего-навсего полчаса назад именно они плакали и причитали, ударяя себя по стриженой голове... Да, правоверные уже смеялись и веселились, а самые отважные искали у соседей номера "Моллы Насреддина", не страшась богохульных стихотворений Сабира, возводящего на благочестивое духовенство всевозможные клеветнические наветы.

Нашлись и такие, которые никогда в жизни ни в журналы, ни в газеты не заглядывали, но все же, не таясь, высказывали недовольство проповедью шемахинского златоуста Гаджи Ахунда.

Взять хотя бы благоразумную и почтенную вдову Месьму. Окружив себя квохчущими, словно курицы, соседками, она настойчиво спрашивала:

- Сестры, да отсохнет мой язык, не подумайте обо мне скверное," но многое не поняла я в проповеди. О чем это со злобой кричал, выпрямившись во весь рост и размахивая кулаками, наш богоспасаемый Гаджи Ахунд?

- Чего ж тут не понять? Послал проклятие вероотступникам. Пока язык шевелится, проклинай и ты на каждом перекрестке "Моллу Насреддина".

- В этом, тетушка, и состоит долг шиитов. Нас,

грешников, праведный Гаджи Ахунд наставляет на путь истины. На том свете, ох, все спросится!

У вдовы Месьмы отыскалась единомышленница:

- Как ни стращай, а "Молла Насреддин" очень ядовито высмеивает разных злочестивцев. А если бы он плохому учил, так зачем бы люди всюду - в Тифлисе, в Гяндже, в Баку - тратили деньги и покупали журнал? Тетушка Месьма только об этом и толкует.

Тотчас в разговор вступила Мелекниса-ханум, непоколебимая последовательница поучений Гаджи Ахунда.

- Не нахожу ничего смешного в том, что "Молла Насреддин" издевается - ой, страшно вымолвить - над шариатом пророка!

- Когда же это он издевался над шариатом? Если написать, что молла Баба пьянствовал и отнимал имущество у сирот, - это значит защищать, а не отвергать шариат.

- Нет, нет, - не сдавалась поклонница Гаджи Ахунда, - он всех мусульман запихал в один мешок и оплевал сверху донизу! Об этом читали и молла Баба и Гаджи Расул. Они даже хотели послать телеграмму в Тифлис богоспасаемому Шейх-уль-исламу с просьбой о заступничестве.

Месьма, увидев, что немало соседок сочувствуют ей, расхрабрилась и запальчиво сказала:

- Гаджи Ахунд-ага, проклиная бабистов, сделал праведное дело. Для кого же господь бог ад создал, как не для этих отпетых грешников? Но зачем вмешивать в эту компанию внука Гаджи Таира? По правде говоря, сестрицы, это кажется мне нелепостью. Теперь нам даже запрещено торговать с ним. Но послушайте, мужчины с утра до вечера торгуют и с русскими, и с армянами, и с евреями. Неужели внук Гаджи Таира хуже иноверца? Он наш земляк, он мусульманин, как все мы, он человек образованный. Если горожане прислушиваются к словам Гаджи Ахунда, то скоро Сабир превратится в филина1.

Женщины так и ахнули:

- Как в филина?

- А вот так! - Месьма в полнейшей растерянности развела руками. - Разговаривать с ним нельзя, торговать нельзя. Не принимай его в своем доме. Не ходи к нему. Да такого филина уместно закидать камнями и прогнать подальше от развалин!

- Бросать камень в филина - грех, страшный грех, - вздохнула сморщенная, с трясущейся головой старушка.

- И поделом такому ворогу, сидел бы в сторонке да помалкивал! - сурово поджала губы поклонница Гаджи Ахунда, готовая идти за проповедником в огонь и в воду.

- Вай! Можно подумать, что Сабир кого-то ограбил. С разбойниками водится. Не твоей ли курице ногу камнем перешиб? - с негодованием воскликнула тетушка Месьма. - День-деньской бедняга возится у котла, варит и продает мыло, чтобы заработать несколько копеек на хлеб детишкам.

- Не водись с "Моллой Насреддином"!

- Почта привозит "Моллу Насреддина" в кожаных мешках из Тифлиса. Если б Сабир имел свою газету, то разве его семья голодала бы? Написал человек пять-шесть смешных стихотворений, так теперь положили его под язык и перекатывают, будто жвачку. У нас в народе издавна уважали ашугов, - до упаду смешивших людей разными песенками и побасенками. Чем же наш Сабир не сладкоречивый ашуг? А может, он боится ослушаться начальников из Тифлиса, Баку и самого Фитильберга1, которые приказывают ему сочинять стихи? - Вдова Месьма напряженно придумывала все новые и новые доводы в защиту поэта. - Раз не написал, два не написал, вот и начнут таскать туда-сюда, приговаривая: "Грамотный? Образованный? Почему не выполняешь приказа?" Ведь недаром царь держит на каждом перекрестке городового, - попробуй-ка, не подчинись!.. Если Гаджи Ахунд всесилен - да продлит бог его благостные дни, - то пусть проклянет забастовщиков, выходивших на улицы с красными флагами. А лишать куска хлеба главу такой огромной семьи - грех брать на душу. Сам пророк сказал, что сострадание к ближнему- половина шариата. В день столпотворения пусть Сабир и держит ответ перед богом.

Тетушка Мелекниса, преклонявшаяся перед Гаджи Ахундом, трепетно ловившая каждое его слово, напоследок язвительно уколола вдову:

- Ну, что ты видела в жизни? Стираешь чужое белье, от корыта голову не поднимаешь, а тоже мне - лезешь в споры о шариате... Наш Гаджи Ахунд прочел на своем веку столько книг, сколько у него волос на макушке. Он до корки изучил жизнеописания и творения ста двадцати четырех тысяч пророков. И знает их наизусть, как стихи Корана...

Месьма на такое неслыханное оскорбление ответила с достоинством:

- Если я зарабатываю свой хлеб стиркой, то, значит, живу по шариату. Такова воля божья. Крепки и сильны мои изъеденные щелоком руки, - их мне даровал господь. Так-то, сестрица!.. Полночь уже. Оставим эти разговоры. Домой пора.

- Тьфу, проклятие дьяволу! - Тетушка Мелекниса дернулась, услышав, как одобрительно загудели женщины, - ведь они-то были всем сердцем с прачкой Месьмой, а не с нею. И поплыла со двора, колыхаясь жирными телесами, дав

слово завтра же поутру донести Гаджи Ахунду, что у заклейменного анафемой Сабира появилась рьяная заступница.

А вдова Месьма проводила ее кротким напутствием:

- Спокойной ночи, сестрица! Да хранит тебя аллах и самый любимый его пророк Гаджи Ахунд.

Отлученный от лика божия, Сабир не присутствовал на проповеди, но, как только молящиеся разошлись из храма, в скромную хижину поэта постучался верный его друг и соратник Мирза Аббаскули 1.

Он был худенький, такой же низкорослый, как Сабир, с неизменно приветливым лицом.

Окончив медицинский факультет Тегеранского университета, Аббаскули вернулся в родную Шемаху, но занялся здесь не врачеванием недугов, а приватным преподаванием в национальной школе и литературной деятельностью.

Этому были свои причины: царское правительство не считало законными дипломы об окончании зарубежных, особенно восточных университетов, а кроме того, Мирза Аббаскули не соглашался с некоторыми, казалось бы, незыблемыми основами официальной медицины, и кавказские врачи единодушно изгнали его из своей касты...

Не слишком огорчившись этим обстоятельством, Аббаскули поспешил познакомиться с Сабиром и в дружбе с ним нашел успокоение. Их сближало многое: оба были стойкими противниками религиозного фанатизма и суеверия, оба чутко прислушивались к запросам современной жизни, оба с недоверчивой насмешкой относились к поучениям молл и ахундов.

В задушевных полночных беседах они черпали вдохновение, ободряли друг друга. Сабир ценил глубочайшие познания Мирза Аббаскули, в совершенстве владевшего русским, арабским и французским языками, а тот преклонялся перед исключительной одаренностью Сабира, с гениальной прозорливостью проникшего в тайники народной мудрости.

Дружба не скрывала их различий: в поэзии Аббаскули чувствовалось книжное влияние, да и стиль его был вычурным, витиеватым, нарочито усложненным, Сабир же с поразительным мастерством живописал быт родного народа, и язык его был простонародным, как песня. Мирза Аббаскули с наслаждением предавался отвлеченным мечтаниям, Сабир же весь был устремлен к жизни. Порою неудавшийся врач робел и в стихах, и в повседневном быту, но неудавшийся мыловар не ведал смирения и рвался в битву.

Однако это была подлинная творческая дружба, ибо и

Сабир, и Мирза Аббаскули мучительно переживали горе своей отчизны и страстно верили в ее светлое грядущее.

В их словах, в их произведениях, зачастую даже в выражениях их лиц чувствовалось упорное спокойствие путников, изнуренных долгой каменистой дорогой, преследуемых солнцепеком, жаждой, ночными ветрами, но не ищущих отдыха, а, наоборот, благословлявших свою стезю, ведущую к счастливой цели.

Передав омраченному поэту суть вечерней проповеди неистового Гаджи Ахунда, благоразумный Мирза Аббаскули посоветовал ему вести себя осторожнее, и особливо сейчас, в дни мовлуда1.

- Переждать требуется грозу в укромном убежище. Посмотрим, как события будут развиваться дальше. Уместно сделать краткий перерыв в сатирической деятельности.

Сабир с непререкаемой гордостью вскинул голову," и в глазах его блеснули злые, упрямые искорки.

- Что ж, прикажешь молчать?

Мирза Аббаскули пожал плечами, полузакрыв затуманившиеся смущением глаза.

- Я не говорю: молчать всю жизнь. Прошу пока помолчать. Пока!.. - И добавил деловым тоном: - А что касается торговли, то мыло можно посылать в лавку Самедовых, они переложат бруски в свои ящики, и никто не заметит. Об этом я договорюсь... За провизией посылай ребятишек. А вообще-то дышавшие злобой слова Гаджи Ахунда забудутся со временем, как и любые слова...

Поглаживая корешки лежавших перед ним на столике книг, Сабир хотел показать этим другу, что он предан поэзии, что жребий его решен, что жизнь его отдана творчеству и ничем прочим он не интересуется.

Мирза Аббаскули знал эту возвышенную отрешенность Сабира от мирских дел и предчувствовал, что сегодня же ночью думы, волновавшие поэта, выльются на бумагу строками нового стихотворения.

Жена Сабира Биллур-Ниса-ханум страшилась этого свойства мужа вести "внутренний разговор с самим собою", и едва он погружался в раздумье, склонившись над тетрадкой и позабыв обо всем на свете, горько вздыхала и сокрушалась:

- Вот напасть-то, опять целый день рта не раскроет!

Но Мирза Аббаскули ценил в Сабире поэта, и только поэта, и благоговейно относился к часам вдохновения и, почувствовав, что хозяин удаляется в "свой мир", немедленно же обрывал беседу и удалялся.

Часто Сабир именно в такую минуту как бы стряхивал с себя дремоту и останавливал друга, с виноватой улыбкой

просил остаться и закончить разговор.

Так случилось и сейчас.

Со смущенной улыбкой, как бы прося прощения: "Не сердись, что я не такой, как все", Сабир вопросительно сказал:

- А что, если вовсе отказаться от мыловаренного котла? И так-то мою жизнь трудно назвать подлинной жизнью. Это существование, а не жизнь. С хлеба на воду перебиваемся, чуть-чуть не нищенствуем. И без того мы - поэты - считаем "бессмыслицей блага мира земного".

- Кому-кому, а Сабиру1 приходится быть терпеливым, - безрадостно усмехнулся Мирза Аббаскули. - Не вечно ж так будет продолжаться! Посмотрим, что покажет нам зеркало жизни.

- Ничего отрадного мы уже не увидим, - утомленно вздохнул Сабир.

Мирза Аббаскули напомнил ему слова Фирдоуси:

Пускай на голову мою обрушит небо гнев,

Меча не выроню из рук, опасности презрев.

- Ах, друг, средневековье миновало, и мы с тобой не стародавние богатыри! - Сабир рассмеялся. - Против нынешних врагов нужно выходить в бой не с мечом, не с палицей, а с оружием сатиры. Лишь остро отточенная сатира способна совлечь с минбара седовласого мракобеса и осмеять его, опозорить перед народом. Ведь ты слышал, как широко сегодня раскрыл передо мною Гаджи Ахунд врата ада! Нет, здесь нужен Физули с его мудрым предостережением:

Пока ты молод и горяч - вино твоя отрада,

И мудреца не вопрошай о страшных муках ада!

- Это Гаджи Ахунд мудрец? - с недоверием спросил Аббаскули.

- Если бы он не был мудрецом, то люди не сопровождали бы его проповеди смиренными возгласами "аминь", - насмешливо сказал Сабир. - Все беды мусульманского мира проистекают из-за того, что мы почитаем мудрецами священнослужителей. Французы называют пророками своих писателей. Каждый англичанин считает светилом Ньютона. Русские гордятся Пушкиным и Львом Толстым. Лишь мы безропотно склоняемся перед громовержцами, изрыгивающими хулу на просвещение, науку, литературу.

- Поэтому-то бедняга Намик Камал и отказался добровольно ото всего, - подтвердил Мирза Аббаскули. - Вот его слова:

Извериться в истине - вот мой удел;

И с честью уйду я от суетных дел.

Подумав, Сабир отрицательно покачал головою: - И это

не выход. Отступать перед лицом врага - значит помогать врагу. Слышал притчу? Жена уста Мехти как-то подметала комнату и попросила мужа подвинуться. Тот отошел в сторону. Через минуту жена с веником опять подступила к нему. Уста Мехти снова сделал несколько шагов. Немного погодя жена говорит: "Отойди!" Отчаявшись, муж схватил чемодан и убежал в Петербург, оттуда прислал письмо с вопросом: довольна ли жена или еще придется отодвинуться?.. Значит, сколько бы я ни отступал, все равно станут преследовать по пятам. Действительно, я собираюсь уехать из Шемахи, но это не отступление, нет!.. Для того чтобы справиться с тупоголовыми, убеленными сединами мудрецами, мне нужно жить и бороться в Баку, и только в Баку! Лишь там я по праву смогу сказать:

В дни революции отвагой наполнились сердца.
И недруг не увидит спину упорного бойца!

- Хорошие слова, но только...

- А русский писатель Некрасов указал мне еще более точный путь. "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть... но гражданином быть обязан", - взволнованно продолжал Сабир.

- Сейчас все нити опутавшей и облепившей наш несчастный народ паутины находятся в руках священнослужителей. Но близятся решающие перемены! Почему "Молла Насреддин" так широко распространен по всем городам Закавказья? Да потому, что он является провозвестником светлого будущего.

Аббаскули согласился с другом:

- Да, большинство молящихся произносят "аминь" после проповеди Гаджи Ахунда невольно, под страхом наказания как божьего, так и полицейского. А днем они же читают и перечитывают и заучивают наизусть твои стихотворения. Они следят за каждым вдохновенным словом пламенного Мамедкулизаде. Приближаясь к мечети, многие правоверные украдкой нащупывают спрятанный за пазухой номер "Моллы Насреддина". Да ведь и богобоязненный Гаджи Ахунд, не утерпев, взглянул туда и прочитал твое стихотворение о духовенстве. - И, поднявшись, Аббаскули громко, будто находясь перед многочисленными слушателями, продекламировал:

Слушай, нас до этих дней уважал всегда народ:
Люди кланялись молле, где бедняга ни пройдет!
Изобилье, благодать вековали на земле,
Выполнял простой народ приказания господ.
Что бы я ни повелел - тут как тут убогий люд:
То, что белым я назвал, кто же черным назовет?

Нечестивцы стали все на гяуров походить –
И сомненьем отдает к мусульманству их подход!
Ох, встревожили они племя, спавшее досель,
Безмятежности былой нам никто уж не вернет!

Помолчали. Из соседней комнаты слышалось ровное дыхание спящих детей Сабира. Одинокий прохожий, громко стуча сапогами по булыжнику мостовой, прошел мимо окон, и снова стало тихо.

- А ты слышал, что сегодня случилось на базаре? - спросил Аббаскули. - О, весь город гудел россказнями. Вот слушай.

У Мешади Кязыма, нашего почтенного купца, славящегося по всему Закавказью не только крупной оптовой торговлей мукой, но и набожностью, появился некий амбал1 - любитель изящной поэзии.

Безропотно таскал он на спине пятипудовые мешки в амбар, но, неизвестно для чего, повторял вслух слова твоего стихотворения:

Изобилье, благодать вековали на земле, Выполнял простой народ приказания господ.

Услышав это, благочестивый Мешади Кязым словно обжегся кипятком и крикнул: "Эй, амшара, сколько мешков перетаскал?" - "Двенадцать, господин, двенадцать, сейчас за тринадцатый берусь". - "Получи два рубля и убирайся к дьяволу в преисподнюю". - "А что стряслось, господин? Разве я плохой работник?" - "Работник ты отличный, но больно язык у тебя длинный. Я люблю работников молчаливых. Убирайся в преисподнюю!" - "Что ты, что ты, господин, зачем мне идти так далеко? Я уж лучше в Баку пойду. Амбар - твой, магазин - твой, мешки с мукою тоже твои, но ведь земля-то еще не твоя. Вот я и пойду по родной земле в Баку. Пойду по деревням и стану читать людям веселые стихи:

Нечестивцы стали все на гяуров походить –
И сомненьем отдает к мусульманству их подход!"

Мешади Кязым заорал с такой силой, что весь базар притих. Даже ослы перестали кричать.

"Правоверные! Слышите, видите: ищем смутьянов с красными флагами, а смутьяны и подстрекатели к бунтам среди нас, вот здесь, со стихами Сабира на устах. Какую расправу учинили они с Мамедали-шахом, помните? Теперь под мудрых священнослужителей, под торговцев подкапываются. Полюбуйтесь этим грязным амбалом! С ног до головы не стоит пятака, а тоже мне - наизусть читает богохульные песнопения. Вон, во-о-он, негодяй!"

Сабир, задумавшись, смотрел сосредоточенно вдаль, будто видел перед собой злосчастного амбала, поплатившегося за

приверженность творениям поэта.

- Спасибо, друг, - негромко сказал он, - спасибо за преданность. За доброту. За рассказ о несчастном амбале.

- А может быть, он счастливый, потому что Теперь хранит в душе слова Сабира? - остановил его Аббаскули.

- Может, и счастливый.

И, медленно наклонив голову, Сабир отпустил друга.

Ночью уснул весь город. Погасли огни в особняках купцов и хибарках бедняков. Бродячие собаки грызлись на пустыре. Ворочался в жарких перинах Гаджи Ахунд, слагая в уме очередную громоподобную проповедь, после которой испепелится зловредный поэт. А в окне домика Сабира, все еще лучась, светилась лампа.

Напрасно Биллур-Ниса несколько раз подходила к столу и ласково, но настойчиво хотела потушить лампу и взять из рук мужа заветную тетрадь. Сабир ласково отводил ее руку, благодарил безмолвным взглядом и снова погружался в раздумье.

Ему было отрадно слышать безмятежное дыхание детей.

"Счастливцы! Они еще не ведают коварства Гаджи Ахунда, они еще не сталкивались лицом к лицу с человеческой несправедливостью. И не так уж страшно, что жизнь их сурова, что бессилен отверженный поэт потчевать своих детей вкусными яствами, что рваными одеялами покрыты сейчас их зябнущие в сырости подвала ножки.

Это все преходяще.

Вы - молодое поколение двадцатого века - увидите солнце счастливого будущего. Вы забудете гнет и темноту старого мира. Вы принесете родному народу просвещение, науку.

Счастье улыбнется вам - не мне, но не забывайте, что именно ради вас, ради народа смиренно сносил страдания ваш отец".

Сняв башмаки, Сабир бесшумно зашагал по комнате. С его двухлетнего сына, Мамеда Салима, сползло одеяло. Нагнувшись, отец заботливо прикрыл мальчика, коснулся губами нежной, как персик, раскрасневшейся щечки.

Холодны были губы Сабира, но ребенок не прб-снулся, вздохнул, сладко зачмокал во сне. О, беспечность детства! Будущее своих сокровенных замыслов, заветных дум, будущее своего народа увидел поэт в сыне, и сердце Сабира содрогнулось, будто в глубину времен заглянул он вдохновенным взором и убедился, что сбылись вещие предсказания наимудрейших... И, вернувшись к столу, взял перо, склонился над тетрадью.

Он не мог не думать о вечерней проповеди Гаджи Ахунда, открывшего перед ним врата ада. Ведь были годы,

когда сам Таирзаде, именуемый ныне Сабиром, повторяя неоднократно "аминь", терпеливо слушал такие же проповеди таких же сладкоречивых проповедников с высокими чалмами на челе, раскачивавших на минбаре рыжими бородами и с пеной у рта изрыгавших проклятия безбожникам и бабистам.

О, как давно это было - скитания по Ирану, Ираку и Турции, но еще не отзвучали в его ушах заунывные, как бы плачущие, голоса муштеидов, дервишей, нищих, бездомных бродяг, неустанно повторявших: "Эмирельмемюнюн... Эмирельмемюнюн..." И высокие, небосводу подобные, купола мечетей эхом отражали и умножали эти заклинания.

Но ведь в стенах этих же мечетей, под этими же куполами из века в век отлучались от мечети Бабеки, Надыры, Юсифсараджи, Аббасы 1.

И все же они не страшились преследований, анафемы и не сворачивали с раз и навсегда избранной жизненной тропы.

Вспоминая этих доблестных богатырей, титанически сильных и прекраснодушных, Сабир чувствовал, как сердце его наполняется гордостью и мужеством, и уже не стыдился, что долгие годы покорно внимал витиеватым проповедям священнослужителей, упиваясь их сладкозвучным красноречием, повторяя с роковой обреченностью "аминь".

Да, все это было. Но ведь Таирзаде прозрел, очнулся от головокружащего тумана, скинул с себя рабское оцепенение. И не красные ли знамена вышедших на улицу бастующих нефтяников повели его за собою, указали верную и прямую жизненную тропу!

Перо Сабира как бы толчками, от слова к слову, двигалось по бумаге. И под тихим и нежным в тишине уснувшего дома шорохом этого пера рождались пророческие строки:

Бушующей со всех сторон я ненавистью окружен.
Утесом древним под грозой в открытом море мне стояты
Каких ударов ни обрушь на грудь Бистуна молоток -
Бистун не дрогнет! Так в любом смертельном споре мне стоять.
Беда ли, если некий час меня предаст небытию -
Живой мечтой в глазах людей, врагам на горе, мне стоять!

Он поднялся и беззвучно, чтобы не потревожить спокойствия спящих детей, про себя перечел стихотворение. Но казалось ему, что он стоял перед многотысячной толпой народа и народ, затаив дыхание, проникновенно внимал ему.

Сабир, как и подобает истинному поэту, был скромным, требовательным к себе, беспощадным к своим творениям. Но одновременно он и сознавал свои достоинства и понимал сейчас, что стихи удались.

И все же что-то мучило и терзало его сердце, будто бушующее пламя жгло грудь. И он спросил себя: а способно ли это стихотворение изменить жизнь?

Да, стихотворение написано, прочитано. Пусть пока прочитано самому себе. Но ведь Ширван остался Ширваном, а Джума-мечеть стоит неколебимо там, где и положено возвышаться Джума-мечети.

Может быть, Сабир виноват, что не нашел места в строю борцов нового века? Не распознал друзей, соратников, единомышленников в бурлящем водовороте событий? Пусть он порою и оставался вдали от борьбы, но ведь он и в эти дни настойчиво, упорно чего-то искал, не погружался в дремоту. А чего нужно Сабиру? Правды. Справедливости. Всю жизнь он искал пути к миру, в котором каждому человеку уготовано счастье. Где же этот мир, как назвать его? Где справедливость, по которой тысячелетиями тоскуют люди?

Юным Сабир отправился на поиски этой справедливости и посетил Багдад, Нишабур, Кербалу, Хорасан, Бухару, Мерв, Ашхабад, Хиву, но нашел там вековечное горе людское и услышал мольбы бедняков о спасении.

Пыльные, полные невзгод дороги вели к святым местам. По ним, спотыкаясь, брели правоверные, неся на плечах или везя на мулах завернутые в священные ткани кости своих родителей.

В годы скитаний Сабир видел надменных английских чиновников, неукоснительно сдиравших с путников таможенные сборы; и бородатых чавушей, которые величественно восседали в седлах арабских скакунов, размахивали платками, созывали к себе паломников, обещали им наикратчайшую дорогу в Мекку и брали за услуги деньгами и продовольствием; и длинноволосых, опоясанных синими кушаками дервишей, самозабвенно восклицавших: "О аллах!" - и размахивавших маленькими топориками; и проворных нищих, которые шныряли в толпе, вымаливая подаяние, но не брезговали и воровством; и проституток, манящих и соблазнительных, из-под чадры подмигивавших мужчинам; и рабов, которые, выбиваясь из последних сил, работали под палящим южным солнцем и замертво падали в борозду; и фанатиков шиитов и суннитов, богословские диспуты коих зачастую переходили в свирепые драки; и ухватистых купцов, которые с божбой и клятвами всучивали доверчивым беднякам чулки за цену халата, платок за цену одеяла, одну понюшку за цену фунта.

Отправившись в дальние страны искать добра и справедливости, Таирзаде прикладывался к чудотворным мощам праведников и пророков, с благоговением прислушивался к го-

лосу проповедника, несущемуся с минбара, усердно молился, орошая впалые щеки слезами, и мечтал познать все тайны мира в Коране и поучениях муштеида,

Теперь Сабир стыдился своей богомольной юности.

Ему представлялось, что все эти годы, годы сомнений и поисков, несбывшихся надежд, вели его и действительно привели к крутому, самому трудному подъему, который нужно было одолеть либо погибнуть.

Начался новый век, двадцатый, и фундамент его был выложен не из вздохов молящихся, не из мечтаний фантазеров, не из проповедей фанатиков, не из камней и глины, а из железа и стали.

Ясно видел Сабир два лагеря, противостоящие друг другу на пороге нового века. Он слышал отзвуки забастовок, прокатывавшихся шквалом по заводам, нефтепромыслам, фабрикам, городам; он как бы сам стоял с восставшими на рабочих баррикадах и сознавал, что это движение миллионов всесильно, всемогуще, оно, и только оно, способно сдвинуть надгробную плиту, давящую народы. И тогда каждый человек увидит над головою цветущее, как весенней порою, небо мира.

Молодость с ними, строителями и борцами; молодость - на баррикадах. И как же нужны им солдаты пера, творцы бичующих стихов, полководцы грозного свободолюбивого слова, которое грознее любого оружия!

Когда судьба раздавит нас, не думай: мир на слом идет.
Когда на мельницу пора, крестьянин за мешком идет.
Где бесталанный, где талант, у нас теперь не разберешь.
Просеяв, чистое возьмем, пусть пыль за ветерком идет.
Волненье времени сравнить я с маслобойкою могу,
В которой пахтанье на дно, а масло вверх комком идет.
Кто любит человека, тот влюблен в свободу, верен ей.
Да, человечность вместе с ней всегда одним путем идет.

Таирзаде было ясно, что ему теперь не жить здесь, в убежище святошей и ханжей, что нет здесь места ни его мечтам, ни ему самому; сердце поэта билось и трепетало, словно в тисках, он стремился уехать отсюда, броситься, словно с утеса, в новую жизнь, очутиться там, где гремели революционные битвы.

Но кто поможет Сабиру покинуть Шемаху, перебраться в Баку?

Усталый поэт придвинул к себе лист бумаги, чтобы высказать горе своего сердца.

"Уважаемый просвещенец Солтан Меджид! 1

Привет и уважение!

Простите, что я беспокою Вас, но мне необходимо

рассказать Вам, другу просвещения и прогресса, немного о своей жизни.

Положение в Шемахе Вам, конечно, известно. Вы понимаете, что для таких людей, как я, здесь и в самом деле тюрьма.

Среди руин Ширвана никогда
Я радости не знал за все года.
Одним страданьем век наполнен мой,
Мне стала родина моя тюрьмой.
Я вместо счастья видел столько зла,
И прахом, прахом жизнь моя пошла.

Вот уже пять месяцев я изучаю методику преподавания, расширяю и обогащаю свой педагогический опыт.

В газете "Новая жизнь" было объявление, что школе "Саадат" требуются учителя. Я обратился туда, но, к сожалению, уже два месяца не получаю ответа. Я стремлюсь к просвещению своего народа. Многие годы я пытался служить своим согражданам, но лишь оскорбления и насмешки сыпались на мою голову.

Иссякло мое терпение. Подобно Юсифу, остаюсь пленником собственных братьев. Один из них бьет меня по лицу, - иду, раскрыв любовно объятия, к другому, и тот наносит удар кулаком. Так обращаюсь то к одному, то к другому, а братья отталкивают меня и пинают в спину, в грудь, и я падаю лицом вниз на землю.

Короче говоря, положение мое нестерпимо. Жизнь превратилась в трагедию. Больше нет сил оставаться в Шемахе.

Вся надежда на таких друзей просвещения, как Вы.

С преданностью и любовью

Алекбер Сабир Таирзаде Ширвани".

В день курбан-байрама древний город, так уютно и счастливо расположившийся в солнечной долине, проснулся необычайно рано. Еще было прохладно на пустынных затененных улицах, еще были плотно прикрыты ставнями окна торговых контор, магазинов, бакалейных лавок, и создавалось впечатление, что дома не раскрывали скованных глубоким сном очей, но во дворах уже кипела веселая, праздничная суета.

Женщины и подростки в бедных семьях, слуги в особняках богатеев носили в ведрах и кувшинах свежую колодезную и родниковую воду, кололи дрова и сучья, разжигали очаги, а хозяева и дети тем временем отсчитывали последние минуты жизни обреченных на священное заклание овечек...

Тщательно расчесанная шерсть заранее выбранных для жертвоприношения овечек была выкрашена хной, а глаза им,

будто кокетливым модницам, подвели сурьмой. Тучных, впавших от жира в равнодушную дремоту животных месяцами откармливали росистой травой, корками арбузов и дынь, дикими лесными фруктами, виноградными и тутовыми листьями, холили и нежили, словно знатных гостей, сегодня утром наименовали курбан-исмаилом1 и последний раз баловали сахаром, солью и подогретой водою.

Наконец явились с засученными до локтей рукавами мясники, сверкая в первых лучах солнца остро отточенными с нитевидными лезвиями ножами, и через полчаса священные агнцы, которые еще так недавно беспечально блеяли и резвились, превратились в висящие на крючьях в амбарах или прямо на толстых суках деревьев освежеванные белые, будто очищенное от скорлупы, сваренное вкрутую яйцо, тушки.

Затем ловко, рьяно трудившиеся мясники рубили тушки на куски, складывали в медные тазы и вручали благоговейно притихшим хозяйкам и стряпухам.

Дети, позабыв, сколько радости приносили им кроткие овечки, не оплакивали курчавых любимцев, а, наоборот, с азартом выпрашивали у мясников:

- Дяденька, мне вон ту косточку!

- Почки я беру себе.

- Пузырь отдайте мне, я его высушу, насыплю внутрь гороху и буду бренчать, как на таре!..

В полдень принаряженные дети с подносами ходили по домам бедных соседей, поздравляли с праздником, одаряли обиженных судьбою кусками сочившейся жиром баранины2.

Случалось, что кое-кто из детей возвращался домой с еще более тяжелым подносом, - из-за груды кусков мяса еле виднелось покрасневшее от напряжения ребяческое личико. Бедняки ведь тоже не хотели ударить лицом в грязь и, зная, что в десятый день месяца зальхаджи правоверным мусульманам полагается приносить жертву, ставили на ребро последний грош. Если ты сам не сможешь купить барана или овцу, то вступи в долю с соседом. Нету грошей - одолжи, бегай высунув язык по городу, унижайся, выклянчивай! Не удастся перехватить в долг денег, покупай овечку в рассрочку, требуй кредита. Если и эти хлопоты не увенчаются удачей, укради барана, но помни, что в десятый день месяца зальхаджи руки богобоязненного мусульманина или нанятого мясника.

Что, в сущности, одно и то же, неукоснительно должны обагриться кровью заколотого агнца.

Праздник курбан-байрама1 был торжеством чревоугодия. Во всех дворах пылали очаги, тяжелый, приторный запах шашлыка, каурмы, возбуждавший в обожравшихся правоверных уже не аппетит, а отвращение, стлался, словно туман,

по улицам, прилипал сальной коркой к стенам домов, покрывал, будто коростой, пленкой застывшего жира руки и лица людей.

Бедняки наедались до отвала, пьянели от баснословного изобилия мяса, дышали с трудом, потирая взбухшие животы, охали, ахали, стонали, а из подворотен, с крыш, из конур на них с удивлением взирали тоже пресыщенные жратвой кошки и собаки: они-то позабыли прошлогодний праздник, им была в диковинку щедрость хозяев...

Состоятельные горожане и в сей день вкушали пищу умеренно - их шашлыком-то не удивишь! - и хотя выражали тысячи благодарностей всевышнему, надоумившему пророка Ибрагима заменить ягненком обреченного на жертвоприношение сына, но совершенно не задумывались над тем, чем же питаются остальное время года их впавшие в нищету братья по шариату.

Сабир не надеялся отговорить жену от выполнения священного обряда и безропотно, но с внутренней брезгливостью наблюдал за хлопотами Биллур - Нисы у очага.

В памяти поэта всплывала известная с детских лет легенда:

"На десятый день месяца зальхаджи пророк Ибрагим Халил поднялся на рассвете, взял нож и веревку и разбудил маленького сына Исмаила, сказав ему:

- Пора.

- Отец, куда мы пойдем?

- За дровами.

Взойдя на холм, святой Ибрагим спеленал веревкой первенца и занес над сыном нож, дабы принести жизнь ребенка в жертву богу.

И тогда послышался с небес благостный голос всевышнего:

- Оглянись!

И пророк Ибрагим оглянулся, и узрел запутавшегося в кустах ягненка, и погрузил в него нож, остудив свой пыл, и пролил кровь агнца во славу вседержителя.

И этим же ножом пророк перерезал путы сына своего, и отрок Исмаил возблагодарил господа за милосердие..."

Сердце Сабира не мирилось с этой богобоязненной жестокостью: он буквально места себе не находил, созерцая во всех домах обжорство, в разгуле изголодавшейся за год и неспособной насытиться человеческой плоти он видел величие глупости и смиренной покорности изуверским обычаям.

Настроение его было беспросветно мрачным еще и пото-

му, что, приобретя накануне на паях с соседом барана, Сабир распорядился, чтобы самый лакомый кусок был отнесен в квартал молочников вдове Месьме, и, конечно, жена повиновалась, но раздраженно заворчала, упрекнула:

- Что за человек! Совсем не ценит собственной выгоды. Самую жирную пайку следовало бы послать с дочкой Гаджи Ахунду, а не какой-то прачке!

- Ахунд абсолютно не нуждается в моем приношении: у этого святоши каждый день свой курбан-байрам!

- Пусть не нуждается, и слава богу, что не нуждается, но уважение-то к богослужителю проявить бы надо.

- Наш богослужитель твоего мужа не уважает, значит, обойдется и без моего уважения. Даже по шариату мясо курбан-исмаила принадлежит бедным, а не разжиревшим тунеядцам, - с невозмутимым видом сказал Сабир.

Биллур-Ниса-ханум вздрогнула от столь дерзкого кощунства, но прекословить не решилась, спросила как бы вскользь:

- А куда подевалась шкура священного барана?

- Во-первых, мне принадлежит половина шкуры, как сама понимаешь, а во-вторых, священная шкура с согласия моего пайщика отправлена в школу в фонд помощи бедным ученикам.

- Только ты и можешь так поступить! - вырвалось у опечаленной жены.

Сабир знал, как угнетала и мучила Биллур-Нису постоянная нужда, и не имел права осуждать ее за скаредность, но и изменять слову своему он тоже не собирался.

- Если я пожалею половину шкуры, то купец Пири не даст ближним волосинки со шкуры целого быка.

- А тебе-то что!..

- А то, что по шариату, которому ты во всем и всегда повинуешься, сегодня и в домах бедняков надлежит быть пиршеству. И ты, ханум, это лучше меня знаешь!.. - с грустной усмешкой добавил поэт. - Если же в одном доме радость, а в соседнем траур, то это является богоотступничеством! И это ты тоже знаешь. Я не способен бесстрастно смотреть, как один правоверный еле дышит от пресыщения, а другой потирает урчащий с голоду живот, - это преступление и против мусульманства, и против нынешнего праздника, и против человечности!

Биллур-Ниса ответила поучениям супруга протяжным безотрадным вздохом и отправилась к клокочущему на очаге, нетерпеливо звенящему крышкой казану, а поэт сполоснул под умывальником руки и вошел в дом, дабы начертать на клочке бумаги стихотворение, которое он как будто знал давно, весьма давно, но позабыл, а сейчас неожиданно

вспомнил и поспешил сохранить потомкам.

Странное дело! Он повздорил с женой, он смотрел с балкона на чавкающий, сопящий, хищно рвущий зубами сочное мясо, стонущий от переполненных жиром желудков город, а в душе его вскипали, будто пляшущие капельки воздуха в бокале нарзана, отдельные, разрозненные пока, отрывочные слова, образы, рифмы, и оказалось, что достаточно усилием воли откинуть от себя все земное, суетное, как бумага почти мгновенно покроется вязью арабских букв.

Идет-идет курбан-байрам к нам опять.
И все, кто важен, толстобрюх - наша знать,
Велят барашка изловить и заклать.
У них обряд, Халилуллах1, в честь тебя,
А нищие вопят, аллах, в честь тебя.
Соседи вышли, как всегда, на порог.
У них и нация одна, и пророк.
Но вот у этого - мясцо и жирок.
И праздник свят, Халилуллах, в честь тебя.
И тот потупил взор, аллах, в честь тебя.
Сын богача идет гулять разодет.
И галстук и воротничок - краше нет.
Отец с улыбкою глядит сыну вслед.
Глаза блестят, Халилуллах, в честь тебя.
На бедном - тьма заплат, аллах, в честь тебя.
Смотри, смотри - Гаджи Пири к нам идет:
Не даст и кости никому, живоглот.
Сосед-бедняга палец свой знай сосет.
Гаджи пузат, Халилуллах, в честь тебя.
Распухнет он стократ, аллах, в честь тебя.
- Гаджи, - сказал я толстяку,-загадай:
Куда по смерти попадет скупердяй?
Баранью шкуру школярам ты отдай!
Согрей ребят, Халилуллах, в честь тебя.
Зимой они дрожат, аллах, в честь тебя.
- Обычай не велит, - Гаджи молвил тут, -
Отдам, а женщины начнут пересуд:
Во что они тогда квашню завернут?
Отдать я рад, Халилуллах1, в честь тебя,
Но пусть в дому лежит, аллах, в честь тебя!

Вечером к Сабиру зашел Мирза Аббаскули, учтиво поздравил хозяев с высокоторжественным праздником, принял участие в трапезе и воздал похвалы кулинарному искусству просиявшей Биллур-Нисы.

А хозяин оставался неразговорчивым, хмурился, часто потирал висок, а когда Биллур-Ниса удалилась к очагу, протянул без предисловий другу только что законченное стихотво-

рение.

Мирза Аббаскули внимательно прочел - к произведениям Сабира он относился с истинным благоговением - и не улыбнулся и перечел еще раз, уже вслух, вполголоса, дабы насладиться мелодичным звучанием стиха, но воздержался от одобрения.

- Вам не понравилось? - спросил с нескрываемой тревогой Сабир, ибо дорожил мнением просвещенного собеседника.

Тот пожал плечами.

- Я бы не советовал вам выступать против религиозных празднеств.

- Каждый из нас по велению своей совести относится к священным дням, - горячо возразил Сабир. - Убежден, что вы сами не разделяете воззрений Гаджи Пири!

- Сейчас речь идет не обо мне, - мягко, но твердо заметил Мирза Аббаскули, превыше всего заботившийся о спокойствии поэта. - Невежды разгласят по белу свету, что вы глумитесь над курбан-байрамом.

- Я творю не для невежд!

- Однако невежды в одеянии священнослужителей - самые коварные и опасные противники. Не повторяйте хоть имени пророка Халилуллаха, снимите эти строки.

Сабир не счел возможным затупить остро разящий клинок.

- Пусть останется неприкосновенным рожденное душою!..

На этот раз Мирза Аббаскули не смог скрыть смеха:

- Значит, брюхо благочестивого купца Пири пухнет в честь Халилуллаха? Да ведь это настоящее богохульство!

- Но это правда и только правда!- Сабир взял из рук друга листок со стихотворением и потряс им в воздухе, словно мечом. - А для меня правда - верховный судия всего сущего!

Мирза Аббаскули безмолвно склонил голову, преклоняясь пред безграничным мужеством поэта.

Глава вторая

СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД

Сердце, все свое биенье благодетелям отдай,
Бедняки - они же все не из стана твоего.
Искра воздуха не затронет никого - пойми, Хоп-Хоп!
Лишь годна она для сердца, как ни странно, твоего.
Сабир

Почтенный Солтан Меджид не замедлил откликнуться на мольбу поэта, и вскоре в Шемаху прибыло его благосклонное послание. Выразив восхищение последними стихотворениями

Сабира, передав ему приветы и уважение от бакинских учителей и в первую очередь от выдающегося просвещенца Фри-дун-бека, Солтан Меджид заверил, что в предстоящем учебном году Сабир обязательно получит место преподавателя в государственной школе либо в одной из школ мусульманского благотворительного общества "Нешри Маариф".

К письму был приложен обширный список педагогических трудов и методических пособий, - высокопоставленный друг поэта настоятельно советовал тщательно готовиться к экзаменам.

Счастье переполнило душу поэта. Наконец-то сбывалась самая заветная и сокровенная его мечта: он получил право стать наставником и воспитателем молодого поколения своего родного народа, учить детей азербайджанскому языку, приобщить их к необъятному и баснословно богатому миру национальной культуры.

Сабиру было приятно, что видные деятели просвещения признали его достойным занять пост преподавателя даже в государственной школе.

Значит, решено: он покидает шемахинскую темницу, благополучно уходит от преследований здешних молл и ахундов. Навсегда ли?

Но жизнь безжалостна к беднякам. Не смилостивилась она и над поэтом, поторопилась и на этот раз омрачить его кратковременную радость... Поговорив с женою, подсчитав долги, Сабир убедился, что не сможет покинуть ненавистную Шемаху, предварительно не расквитавшись с кредиторами, а их скопилось целая уйма. Но откуда же добыть денег? Журналы и газеты платили гроши, а чаще всего вообще не платили ни копейки... От продажи мыловаренного котла, казана, медных тазов и кружек тоже не ожидалось крупной выгоды. Пришлось вызвать с базара старика букиниста, и он, перерыв и пересмотрев библиотеку Сабира - единственное сокровище обездоленного поэта, - отложил в сторону религиозные, действительно редкие и ценные книги, на которые был всегда устойчивый спрос. Благорасположение к Сабиру не помешало торговцу придирчиво рассматривать каждую страницу, показывать хозяину порванные листы, потрепанные корешки и переплеты, дабы этим предупредить, что цена-то будет подешевле.

Церковные фолианты были теперь Сабиру всего лишь воспоминанием о его юности, полной молитвенных вздохов и философского догматизма. И все-таки ему было прискорбно расставаться и с книгами, и с юностью. На полях книг сохранились его записи, пометы, - кому же достанутся ныне эти древние тома, кто разберет беглый, как бы задыхающийся от

усталости почерк поэта? А может быть, всю его библиотеку приобретет оптом какой-либо богатей для хвастовства, для возвеличения, и сложит в шкафы, и никогда не заглянет в сие хранилище глубокомыслия? Суровая судьба приучила Сабира к беспечности, он всегда говорил жене, что домашнее имущество можно покупать и продавать бесконечно, лишь честь, единожды проданную, не вернешь ни за какие сокровища мира. И все же поэту взгрустнулось.

Внезапно глаза букиниста вспыхнули затаенным корыстным блеском: он хищным движением выхватил из груды книг тяжелый том в коричневом кожаном переплете.

- Подождите, это не продается, - остановил его Сабир.

- Господин Таирзаде, "Хамсе" бессмертного Низами - верные деньги, - благоразумно заметил торговец, выразительно разведя руками.

- Я не способен продать ее, Мешади!

- А говорите, что нуждаетесь.

- Разве голодный солдат променяет клинок на шашлык с чуреком?

- Так-то так, но у меня есть заказчики, давно охотившиеся за "Хамсой". Могу предложить десять, нет, пятнадцать рублей.

- Не отдам и за миллион. Скорее с голоду умру!.. Давайте об этом не говорить, Мешади. Подбивайте итог!-непреклонно сказал Сабир и бережно положил любимую книгу под подушку на кровати.

Но старик не унимался, нервно надевал и снимал очки, то и дело бросал вожделенный взгляд на торчащий из-под подушки переплет, и, заметив это, Сабир прикрыл книгу одеялом, словно зябнувшего во сне ребенка.

- Подсчитывайте, подсчитывайте! - прикрикнул он на торговца. - Не скупитесь! Гумру, Дахил - светочи ортодоксального мусульманства, да верующие у вас с руками оторвут эти дивные творения.

Старик с огорченным видом завздыхал, но из вполне понятной предосторожности не возразил, будто тыквами набил книгами вместительный мешок, затем медлительно расстегнул все пуговицы чухи, архалука и вытащил из потайного кармашка старенький, потрепанный кошелек. Одновременно он продолжал кидать завистливые взгляды на надежно укрытую поэтом книгу Низами, бормотал что-то в усы. Наконец деньги, всего несколько замасленных кредиток, были вручены Сабиру, - как видно, поэты в то время на шемахинском базаре уже ценились куда дороже, чем богословы.

Проводив букиниста до дверей и пожелав старику

здоровья и милостей всевышнего, Сабир аккуратно разделил деньги на две части, отдал Биллур-Нисе-ханум.

- Эта половина - кредиторам, эта - тебе. Можешь выбирать любую, какая нравится, - пошутил не умеющий долго горевать и уже приободрившийся Сабир.

- Но ведь этого не хватит, - робко заметила жена.

- Как-никак, а все же деньги. Настоящие! С царским портретом. - Чем веселее говорил он, тем заметнее печалилась Биллур-Ниса. - Надеюсь, что в школе мне дадут хоть какой-то аванс в счет жалованья: сразу же пришлю. Авось за два-три месяца разочтемся и с бакалейщиками и с мясниками. Не унывай, не унывай, о ты, любимая невестка моей матери, справедливо сказано в народе: у плохого дня и жизнь коротка!..

- Когда мы хорошие-то дни видели? - улыбнулась сквозь слезы жена.

- Значит, дети увидят! - без колебания заверил ее Сабир. - В жизни нет ничего неизменного, вечного, неподвижного. Ведь это так!.. И теперь время движется быстрее, стремительнее, - близок рассвет счастливого, на этот раз уже нескончаемо счастливого дня!

Он говорил с женою задушевно, мягко, ибо чувствовал себя виноватым и перед Биллур-Нисою и перед детьми: ведь его поэзия обрекала их на беспрерывные лишения... Мог ли он обижаться на постоянную воркотню жены? Нет, он уже свыкся, что лицо Биллур-Нисы вечно хмуро, словно осенняя туча. В нужде и лишениях она растила детей, молитвами пыталась скрасить убогую неприглядность обеденного стола. Сабир не верил в чудодейственную силу молитвы, но и не прерывал супругу, ибо сам не мог даровать ей даже такого утешения.

Он знал, что если бы в сундуке Биллур-Нисы хранилась последняя драгоценность, заветный подарок матери, то и с нею жена рассталась бы бесповоротно, чтобы хоть как-то укротить безжалостную нищету. Но сокровища дома сего лежали не в сундуке, а в колыбельке и кровати - каждый год появлялся на свет божий ребенок, оглашавший мир требовательным плачем, вовсе не тревожившийся о грядущем.

На какой-то скоротечный миг Сабир покаялся, что удержал подле себя поэму Низами, - ведь за нее можно было получить без промедления пятнадцать рублей: сумма огромная... Но тотчас же он решил, что пусть это будет его последним прегрешением перед семьею, - ведь из этой великой книги он щедро черпал и вдохновение, и одобрение, и мудрость. Как знать, может, его приверженность поэзии скоро окупится сторицей!.. И, стремясь утешить спутницу

своей горемычной жизни, Сабир напомнил ей стихи:

Утри ты слезы, мой дружок, не плачь.
Печаль пройдет - наступит срок, не плачь.
Вчера захлопнул двери рая бог,
А нынче пустит на порог, - не плачь!

Биллур-Ниса любила мужа, и даже когда ворчала, осуждая Сабира за неумение устраивать житейские дела, то тоже любила, вероятно, еще сильнее, чем обычно... Видя его старания полностью расквитаться с долгами, она пожалела лишенного практической сноровки поэта и упрекнула себя, что недостаточно заботилась о нем последние дни, хотя упрекать было не за что - делала, что могла... И теперь она сказала ему миролюбиво:

- Я ведь не жалуюсь, лишь бы кредиторы отвязались. Мы-то как-нибудь проживем, ты не беспокойся! А мыловаренный котел тоже продадим?

- Ну, его-то придется продать накануне отъезда, когда еще придет вызов, - подумав, сказал Сабир. - Пока будем жить так, как жили... Конечно, тебе я стану присылать все жалованье, оставив себе только на самое необходимое.

- Мы-то проживем, - повторила Биллур-Ниса с несгибаемым упорством. - Только бы твои дела были в порядке, дай бог тебе здоровья, а врагам - погибели.

- Должен же я тебе оставить хоть пять рублей! Ну, на первое-то время, пока не начну регулярно получать жалованье, - сказал Сабир. - Может, из редакции пришлют. - В глубине души он не надеялся, что пришлют. - Вот и перебьемся!

- Конечно, конечно, - вздохнула жена, отлично знавшая, что даже редакция "Молла Насреддина" не имела возможности исправно расплачиваться с Сабиром. - Обязательно пришлют, а как же иначе!.. - И, догадавшись чутким сердцем, как угнетает поэта вид пустых, опустошенных букинистом книжных полок, задернула занавеску, затем взяла с кровати фолиант в кожаном коричневом переплете, с коим не согласился расстаться муж, сдунула с него пыль, как святыню, положила на самое видное место, - на лице. Биллур-Нисы в этот момент появилось набожное выражение. - Ай, Мирза Алекбер, а ведь это как будто очень ценная книга!

- Еще бы! - с упоением воскликнул Сабир.

- Кто же сочинил такую книгу: имам или пророк? - заинтересовалась жена.

- Наш пророк. Пророк поэзии. Султан поэзии!..

- Почему же ты не читал нам до сих пор его поучений?

Сабир уже примирился с тем, что жена безучастна к книгам, да, в сущности, и к его творчеству, и не пытался

превратить ее в ценительницу поэзии.

- Я сам-то еще не вник в мудрость его гениальных предначертаний, - потупившись, слукавил он. - Нужны годы, чтобы постичь дивный мир художественных образов Низами!..

- Да буду жертвой всеславного султана поэзии, - с подкупающей искренностью сказала Биллур-Ниса.

Сабир растрогался.

- Для такого творца любой жертвы не жалко, ты права, дорогая... - И он выразительно, страстно прочитал:

Мейдани - Сохэн фэрах байэд

Та тэб'и дэр у хунэр нумайэд1.

Биллур-Ниса не поняла ни единого слова, но почему-то почувствовала сладостное блаженство и улыбнулась так просветленно, как давно уже не улыбалась.

- Опять "Хамсе" сладкоречивого Низами? - послышался за дверью голос Мирза Аббаскули, и, церемонно отвешивая хозяевам поклоны, в комнату вошел верный друг дома Сабира.

Приветствовав желанного гостя, Биллур-Ниса удалилась, как того и требовали правила благоприличия.

- Несколько веков назад автор "Хамсы" выразил и твое и мое горе, - сказал Сабир, приглашая Мирза Аббаскули садиться.

- И ты вновь и вновь приникаешь устами к этому горькому источнику?

- Лекарство тоже горькое, но приносит занедужившим исцеление, - возразил Сабир, с любовью взирая на доброе, одухотворенное возвышенными помыслами лицо друга.

Мирза Аббаскули кивком высказал свое согласие, но тут же осторожно заметил, что, вероятно, путь к всенародному счастью откроет юное поколение. И показал на принесенные им из школы ученические тетрадки.

- Кто же с этим станет спорить? - Сабир пожал плечами. - Молодежи всегда принадлежит будущее!.. Ты - счастливец, ибо отдаешь свои познания школьникам, а я все еще лишен этой завидной доли. Разумеется, лучше чертить несмыва емые священные письмена в детских душах, чем на бумаге: ведь из тысячи азербайджанцев всего лишь один грамотей, да и тому недосуг взять в руки стихи Сабира.

Мирза Аббаскули на этот раз не согласился с поэтом.

- Конечно, и учителем нужно родиться - так во всяком случае говорят, - и учителю нужно обладать обширными знаниями, любить свое призвание, но все-таки учителей много, а скоро станет еще больше, а Сабир один, и каждое стихотворение Сабира - сокровищница благородных чувств и жизнетворящей философии. Счастливец-то не я, а ты, ибо

твоим сочинениям принадлежит вечность! Наступит день, когда весь наш народ станет поголовно грамотным и в каждой сельской хижине зазвучат стихи Сабира. Тебя по праву таланта и вдохновения следует именовать вождем народа!

Сабир знал, что Мирза "Аббаскули не краснобай и никакая сила не заставит его баловать и лелеять лестью сердце друга. И все же он, страдальчески сморщившись, прервал гостя:

- Не терзай понапрасну сердце нашего несчастного народа, сейчас вождем его является молла!

- Это - преходящее. - Мирза Аббаскули подумал и повторил еще тверже и решительнее: - Преходящее! Вчера вечером я работал над своими "Западными светилами" 1. Как будто мне удалось художественно перевести один отрывок из Максима Горького, полный невыплаканного и невысказанного народного горя.

- Рассказ? - с живейшим интересом спросил хозяин, относившийся с глубоким почитанием к творчеству Горького.

- Нет, маленькая песенка.

- Бриллиант тоже мал.

- Да, без преувеличения эту песню можно назвать бриллиантом русской поэзии, - сказал Мирза Аббаскули. - Я бы хотел прочитать ее вам по-азербайджански и выслушать ваше мнение, прежде чем отдать рукопись в типографию.

Сабир и Мирза Аббаскули называли друг друга в обыденном разговоре то на "ты", то на "вы" и не тяготились этим разнобоем, да, вероятно, даже и не замечали его.

Признавая незаурядное поэтическое мастерство друга, любя его переводы, Сабир, однако, не привык слушать стихотворений и посему с ласковой настойчивостью взял из рук Мирза Аббаскули тетрадку. С минуту он любовался красивым почерком, изящным кружевом арабских начертаний, - сразу было понятно, что автор с любовью и неустанным прилежанием выписывал каждую буковку: строчки так и улыбались, радуя и глаз, и душу читателя.

Сперва он бормотал стихи, затем молниеносно воодушевился, и металл зазвучал в его крепнущем голосе, и сердце поэта содрогнулось от счастья единения с русским поэтом.

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Дни и ночи часовые - э-эх! -
Стерегут мое окно.
Как хотите, стерегите,
Я и так не убегу.
Мне и хочется на волю... Эх!

Цепь порвать я не могу.

Сабиру пришлось помолчать с минутку, чтобы справиться с волнением: его душили слезы восхищения и гордости за чужое творение.

- Да-а, друг, ты превзошел самого себя! - наконец-то выдохнул он и устало полузакрыл глаза. - Меня в дрожь бросил звон тюремных цепей. Какой же это перевод? Это стон твоего измученного сердца! Но, в отличие от прочих людей, ты поэт, как говорится, божьей милостью, даже стонешь стихами! О, какое величие духа! - Сабир снова погрузился в чтение. - Максим Горький написал это о нашей Шемахе, он на русском языке выразил и выстрадал трагедию нашего народа!.. "И - эх вы, цепи, мои цепи!"

- У каждого народа - своя трагедия, - заметил обрадованный похвалою Сабира Мирза Аббаскули.

- Разумеется, но положение нашего народа еще ужаснее, чем других. Гнет царских властей у нас сочетается с освященными шариатом правами беков и богатеев, с произволом молл и ахундов. Цепи нашего узника еще тяжелее, темница еще темнее, а облеченные в одеяния священнослужителей часовые еще свирепее и кровожаднее. О, теперь я постиг величие Максима Горького, понял, почему в России он пользуется такой сказочной славой. "И - эх вы, цепи, мои цепи!" Но как вы удивительно придали наш национальный колорит этой русской песне, - нельзя даже усомниться, что эти строки рождены душою азербайджанского поэта.

- Видимо, таким и должен быть истинно художественный перевод, - скромно потупился Мирза Аббаскули.

- А, конечно! - пылко поддержал его Сабир. - Я наотрез отказываюсь считать поэзией писанину Гашим-бека, каковую он выдает невеждам за переводы бессмертного Шекспира... А где вы намереваетесь напечатать этот замечательный перевод?

- Боюсь, что газеты и журналы испугаются столь резкого тона, - невесело усмехнулся Мирза Аббаскули, откидываясь на спинку стула. - Гораздо легче издать отдельной брошюрой. Но попытаюсь, конечно... Сейчас же хочу почитать школьникам, - детские сердца удивительно отзывчивы. Мои ученики еще не привыкли скрывать свои чувства: рыдают и смеются, слушая истинные творения национальной поэзии.

- Пожалуйста, дайте мне копию, - попросил Сабир. - Если мне судьба улыбнется и я этой же осенью стану тоже педагогом, то по вашему примеру прочту старшеклассникам песню Максима Горького. Кроме того, дам рукопись моему

другу народному учителю Мирза Рзе - одному из наших старейших национальных просвещенцев. Мирза Рза - вдумчивый ценитель поэзии, он настойчиво ищет полезных в воспитательном смысле стихотворений для деревенских школьников.

Мирза Аббаскули обещал собственноручно переписать песню и Сабиру, и учителю.

- Скажите, пожалуйста, у Горького много стихов?

- Нет, он, конечно, прежде всего автор прозаических произведений, - ответил Мирза Аббаскули. - Но он уверенно и смело владеет стихотворной формой, особенно охотно и умело Горький вводит песни и стихи в свои замечательные пьесы.

- Как видно, и Горький побывал в когтях нужды,- помолчав, заметил Сабир; в его устах эти слова были и выражением сочувствия и высшей похвалою.

- О, Максим Горький долго скитался по Руси, он и в Тифлисе был и - говорят - посетил Баку... Он - неутомимый странник, подобно Саади. Русские называют его поэтом бедняков.

- Почетный титул, - горько улыбнулся Сабир. - Если он повидал божий свет, то, разумеется, познал страдания народа. Даже слепец в пути незримо увидит нищету, даже оглохший услышит стоны бедняков! - Положив руку на плечо друга, он обратился к Мирза Аббаскули с трогательной задушевностью: - Ради бога, не бросайте переводческой деятельности, мой просвещенный и высокоталантливый соратник! Вы свободно владеете русским, арабским и французским языками, глубоко знаете классическую мировую литературу. Несите же на нашем родном языке бессмертные творения гениев человечества в гущу народа. Пусть азербайджанские труженики при помощи ваших переводов приобщатся к культуре, широко открытыми очами окинут мир, поймут, что гнет и бесправие присущи не только мусульманам, что и у русских есть злобные и хищные угнетатели, с которыми нужно вести самоотверженную борьбу, что, кроме Фазили Дербенди и прочих религиозных схоластов, человечество породило великих свободолюбцев и правдоискателей! И как был бы я рад, если б поскорее ваши "Западные светила" вышли из печати отдельной книгой, да, к слову, не очень дорогой по цене...

Смущенный сердечным благорасположением Сабира, Мирза Аббаскули признался, что мечтает при содействии богатых меценатов братьев Оруджевых издать свои наилучшие переводы и пустить в продажу по сходной цене, но согласятся ли почтенные благодетели терпеть убытки на

художественной литературе - еще неизвестно.

Сабир, казалось, не слушал гостя, погрузился в забытье, но через минуту пытливо взглянул на Мирза Аббаскули, спросил, чуть запнувшись:

- Скажите, а поэт бедняков в России тоже подвергается преследованиям?

- Горький окружен всенародным почитанием, но... но... - Мирза Аббаскули с вполне понятным значением развел руками. - Но уже сидел в тюрьме, находится под постоянным надзором полиции. И думаю, что это естественно: каждый писатель своим творчеством плодит и друзей и врагов, и чем больше у него последователей, тем больше и недругов! Так было во все века и у всех народов. У великого русского народа - великая душа. Конечно, он не отдаст на поругание певца свободы Горького, но царские власти лютуют, бесятся...

А Сабир уже думал о другом: он обычно в разговоре не задерживался на одной теме, его интересовало всё: и люди и книги. Вероятно, потому беседы с ним и протекали так увлекательно.

- Мне очень понравилась последняя статья Мирза Джалила о Гоголе. Написана с волнением, с открыто выраженными авторскими симпатиями. Я считаю, что равнодушные сочинения никому не нужны, всегда надлежит писать либо с любовью, либо с гневом, чтоб каждое слово было насыщено чувством. Сердце - колыбель священных чувств, значит, в книге я - читатель - жажду услышать голос писательского сердца!

Не успел Мирза Аббаскули ответить, как Сабир, прищурившись, спросил опять об ином; как видно, он умел думать сразу о многих предметах:

- Скажите, а на Западе и в России писателей уважают сильнее, чем у нас?

- Гм, конечно!..

- Н-да, самые отверженные писатели на свете- о мусульманские, - с безотрадным мужеством сказал Сабир. И, как бы позабыв о собеседнике, припомнил вслух свое же стихотворение:

Встречаю я всяких людей - не боюсь.
Но если ко мне мусульманин идет,
Аллахом, святыми поклясться могу -
Его-то, при храбрости всей, я боюсь.

В этот вечер они долго читали друг другу стихи, и, вероятно от близившейся разлуки, их беседа была еще откровеннее, теплее, многозначительнее, чем обычно.

Уже светало, когда Мирза Аббаскули покинул хижину

Сабира.

Через несколько дней Сабира навестила замужняя дочь Сария: она давно уже жила отдельным домом и, поглощенная семейными заботами, все реже и реже бывала у отца, - поэт считал себя не вправе упрекать ее за это, не сомневался в ее любви и преданности.

- Папа, я слышала, что господин Ганизаде обещал тебе место учителя?

- Да. И вижу, что ты рада этому.

Сария замялась. Конечно, она возликовала, узнав, что отец бросит наконец-то вовсе бездоходное ремесло мыловара и станет получать аккуратно солидное жалованье, - ей, притерпевшейся к нужде, скудный оклад народного учителя казался венцом денежного изобилия. Но дочь одновременно страшилась отпускать больного отца на чужбину, в далекий город, о котором в народе ходили мрачные толки...

- Как же ты там устроишься? Сабир ответил бодро:

- А вот и устроюсь! - И на мгновение отвернулся, чтобы дочь не приметила его увлажнившихся ресниц. - Учителю полагается казенная квартира, дрова или уголь, освещение - словом, все удобства. Да я заживу как персидский щах! - Он коротко хохотнул.

- А кто ж за тобою будет присматривать?

- Доченька, спасибо за внимание, - дрогнувшим голосом сказал Сабир. - Как-нибудь проживу... Ты же знаешь, не раз приходилось бывать одному на чужбине, скитаться.

- В те годы... - Сария хотела сказать, что в те годы отец был молодым, сильным, здоровым и, разумеется, легко и беспечно сносил жизненные тяготы, но вместо этого тоже отвернулась и уныло вздохнула.

- А как только устроюсь прочно и надежно, то возьму к себе маму с ребятишками, - продолжал успокаивать ее Сабир.

Но, может, он стремился вдохнуть светлую надежду прежде всего в свое же израненное, уставшее сердце?

- И в большом городе живут люди мирно и благополучно.

"Богачам-то всюду счастье", - подумала Сария.

- Часа в три-четыре дня я уже освобожусь от уроков, - значит, смогу уделять внимание детям, маме, читать книги, сочинять. Вот ты, бедняжка, была лишена отцовского надзора, я до сих пор чувствую вину перед тобою! Теперь не обделю младших любовью и попечением.

Сарию судьба беспощадно преследовала и в замужестве нищетою, потому детские годы ей представлялись ныне сплошным праздником, полным веселья, смеха, песен и игр. О, если б ты никогда не кончалось, беспечное детство!.. И, с

трудом удерживая теснящие грудь слезы, дочь прошептала:

- Не говори так, папа. Я тебе благодарна за все, за все... Ты самый умный, самый благородный человек в мире! - Она хотела добавить, что у отца в Шемахе много недоброжелателей и недругов: дай бог, чтобы они после отъезда перестали преследовать Сабира, но вместо этого повторила: - Я так тебе благодарна!.. - и коснулась благоговейным поцелуем отцовской руки и вышла.

А заплакала она позднее, на пустой ночной улице... Нет, всевышний навсегда отвратил благосклонный взор от ее отца: не выйдет ничего путного из этой поездки. А помирился бы отец с Гаджи Ахундом, с моллами, распростерся бы перед ними в смиренном поклонении, так, глядишь, и в Шемахе можно было б прожить безбедно.

Из Баку не приходило никаких вестей, и Сабир покорно занимался мыловарением, сидел днем в лавочке, с мудрым спокойствием созерцая исчезновение покупателей: проклятия Гаджи Ахунда все же подействовали на правоверных...

Слава богу, еще не перевелись деньги, вырученные от продажи книг!

В лавку к нему часто заходил Мирза Аббаскули, не страшившийся анафемы богослужителей, и за стаканом совсем не крепкого и совсем не сладкого чая они коротали время в нескончаемых беседах.

Как-то раз Сабир сказал, что переезд на постоянное жительство в Баку представляется ему путешествием в Мекку, хотя он признает, что и Хорасан обладает святынями, требующими поклонения1.

- Опомнитесь, уважаемый! - вырвалось у Мирза Аббаскули. - Баку - шумный, грязный торгово-промышленный город, небо его запакощено копотью фабричных труб. Мыслимо ли сравнивать сей ад со священной Меккой?

Сквозь открытую дверь виднелся край нестерпимо синего знойного неба; в солнечном луче плясали пылинки.

- Если господину Али-беку разрешается называть султанский Стамбул нынешней Меккою, то тем более я обязан именно так именовать рабочий Баку, нефтяной Баку, - твердо, словно о давно продуманном, выношенном в сердце, сказал Сабир. - Тысячи лет мы, обратив лицо к Мекке, творим молитву, от непрерывных поклонов белки глаз уже пожелтели, а лбы покрылись мозолями, но все еще не видно избавления народа от угнетения и страданий. А в Баку рабочий люд неустанно трудится, умножая земные богатства, дарует свет миру, и в это же время героически борется против тиранов и угнетателей. Воистину Баку ныне - священный город!.. Если бы мы обнимали наших нефтяников так, как

обнимаем вшивых, зловонных дервишей в Мекке, если бы мы слушали призывы к забастовкам и единению так же набожно, как проповеди ахундов и молл, то умы наших братьев-мусульман уже очистились бы от ржавчины смирения и суеверия.

Сабир разгорячился, охваченный страстно-тревожным вдохновением, говорил с пленительной для собеседника убедительностью.

"Как бы ты с такими-то речами не уехал дальше Баку, прямым маршрутом в Сибирь", - испуганно подумал Мирза Аббаскули и, дабы отвлечь поэта от столь пагубных размышлений, быстро спросил чрезвычайно деловым тоном:

- Когда намерены отправляться в путь?

- Жду приказа попечителя учебного округа. Как будто назначат в Баку или пригород.

- Сильнее всего я радуюсь тому, что вы будете далеки от шемахинских фанатиков, спаси вас господи, - заметил Мирза Аббаскули.

- Мои счеты с богослужителями не завершатся и после моей смерти, - с трезвой осмотрительностью ответил Сабир. - У ахундов руки длинные, дотянутся и до Баку. А там есть свои святоши и фарисеи, вероятно еще более хитроумные и лживые. Мне ведь еще предстоит идти на экзамен к благочестивому казию. О, как страшно!.. - И поэт поежился, будто от пронизывающего до костей озноба.

- У вас есть твердая опора, это журнал "Молла Насреддин", - успокоительно сказал Мирза Аббаскули. - Кстати, Мирза Джалил знает о вашем предстоящем назначении?

- В общих чертах, о подробностях я ему не писал...

- Вчера я перечел рассказ Джалила "Свобода в Иране" и отдал должное его мастерству и таланту, - сказал Мирза Аббаскули, делая вид, что не заметил, как хозяин подвигает ему вазочку с единственным куском сахару. - Внешне произведение напоминает пародию, но когда вчитаешься, то видишь, что это чрезвычайно удачный прием изображения невежества и отсталости народа.

Сабир оживился.

- Мой наимудрейший редактор только что закончил замечательную сатиру на мусульманское духовенство, но не спешит ее обнародовать. Мирза Джалил - судья строгий: пока произведение "сырое", ни за что не опубликует, ждет, когда вылежится!.. Его работа над словом поистине филигранная. И он полностью прав. Чем художественнее вещь, тем неотразимее ее влияние на сердца читателей.

Собеседник осторожно, как бы мимоходом сказал:

- Надо думать, что стамбульским витиям не по душе

"Молла Насреддин".

- В ортодоксальных церковных кругах превыше всего ценят романтические поэмы о любви, а сатира им - нож острый, - согласился Сабир, рассеянно прислушиваясь к гомону и шуму базара, стуку колес по мостовой. - Все журналы и газеты, идущие из России, тщательно просматриваются: ведь, по мнению стамбульских богословов, каждая наша строчка дышит революцией и безбожием!

- Кое в чем они правы!

- Да, если бы не "Молла Насреддин", то кавказские Гаджи с крашенными хной бородами окончательно задушили бы всякое свободолюбие. Теперь они добиваются даже закрытия газеты "Иршад", якобы за склонность к бабизму, - презрительно скривил губы Сабир. - А в чем наша вина? Да только в том, что мы показываем султана Гамида беспутным проходимцем, кровожадным тираном.

Мирза Аббаскули, не в пример Сабиру, отличался кротостью характера.

- Все же он халиф, падишах исламского мира...

- Да, и, как подобает всякому падишаху, держит в гареме ровно четыре сотни наложниц. А на соседнем троне, персидском, сидит деспот Мамедали, продающий оптом и в розницу свое отечество, истребляющий южных азербайджанцев... И наш православный царь-батюшка дружит с ними, они обмениваются ласковыми поздравительными телеграммами. Вспыхнуло революционное восстание в Тавризе - царь немедленно послал туда карателей-казаков. А случись революция на Кавказе, - убежден, по просьбе царя сюда примчатся янычары султана и шаха. Так что, борясь против восточных деспотов, "Молла Насреддин" исподтишка, но неуклонно расшатывает царский трон!

Гость бросил боязливый взгляд на распахнутую дверь и предостерегающе кашлянул.

- Я слышал, что Наримана Нариманова исключили из университета.

- Не только его, но и всех, кто восторженно рукоплескал его подрывным речам! Пока ты твердишь изо дня в день "аминь", то тобою довольны и городовой и молла. Едва заикнулся о гражданских правах, о свободе, то сразу превращаешься во врага императора. - Сабир произнес это монотонно, безучастно, будто разговаривал с Мирза Аббаскули о пустяковых делах, но это было, разумеется, не равнодушием, а самообладанием. - В Сибири уже сто лет воспитывают ссыльных в духе верноподданности и покорности.

- Фу, опять на прежний лад, - крякнул гость и заерзал на скамье, отыскивая глазами трость и шляпу.

- Но революция не идет на спад, и бакинские нефтяники становятся год от года все сильнее, сплоченнее, могущественнее, - продолжал Сабир: создавалось впечатление, что он говорил все это себе, а не собеседнику. - И потому я стремлюсь в Баку, чтобы трудиться рука об руку с рабочими, учить их и учиться у них. Здесь, в Шемахе, - о сонная заводь, а сила народа - это сила бурного полноводного потока. И поэт, и ученый, и врач, и служащий должны жить единой жизнью с рабочими. Песня бакинских рабочих - самая могучая и ободряющая песня нашей эпохи. Мы обязаны вплести свои голоса в эту песню.

- Боюсь, что я со своими переводами... - замялся Мирза Аббаскули, вставая.

- В бою пригодится и снаряд, и пуля, и верный удар мечом.

В лавку ввалился запыленный крестьянин с торбой за плечами, - как видно, до окрестных деревень еще не докатилась весть о грехопадении Сабира, - и попросил отвесить полфунта самого дешевенького и самого наилучшего мыла.

Воспользовавшись удобным моментом, Мирза Аббаскули отвесил хозяину низкий поклон и зашагал к дому.

Он любил поэта, отчетливо сознавал, какое место занял шемахинский мыловар в национальной литературе, видел, что на небосклоне рядом с "Западными светилами" ослепительно засияла и ясная звезда Сабира, но не ощущал в себе сил и мужества быть плечом к плечу с другом на поле боя.

Глава третья

АНТИГА

С наступлением весны бутон
превращается в розу.
М. Физули

Справедливо говорят, что весна повсюду хороша. Но в наших благословенных местах она бесспорно прекраснее, чем где бы то ни было. Когда на рассвете выйдешь в цветущий сад, то от аромата голова пойдет кругом. Цветы абрикоса, черешни, персика, распустившиеся розы переливаются многорадужными, густыми красками и манят к себе. Ростки и побеги, только-только выглянувшие клейкими нежными лепестками из-под земли, ликующе восклицают: "Жизнь! Жизнь!" Снежные склоны далеких гор сочатся влагой, рождают студеные, прозрачные, как слеза, родники; соединяясь, сливаясь, шумящие потоки низвергаются в долины, вбирают в себя жар солнца и наполняют поля буйным, молодым смехом. У птиц, перепархивающих с ветки на ветку, голоса чистые, словно родниковая вода; запрокинув головы к небу, они приветствуют жизнетворящее солнце. Монотонное,

дремотное жужжание пчел, кочующих с цветка на цветок, сливается с плеском быстротекущей воды в арыках, со скрипом колес на дорогах, с задорным ржанием коней. Таким пестроцветущим, полным запахов и песен, солнечного блеска и прохлады предстает перед тобою весенний мир.

Но час, другой, и на дорогах становится тихо.

Крестьяне, батраки прошли и проехали на поля спозаранку, и теперь в пыли струятся следы колес, ног, копыт. Чем дальше от деревни, тем безмолвнее тишина. Остановись! Вдохни глубоко, полной грудью свежий, приятный утренний воздух, и ты почувствуешь себя самым счастливым человеком на свете. И в самом деле, разве ты не имеешь права на счастье?

Дороги нашей округи усажены высокошумными деревьями. Стройные красавцы тополя, вплотную стоящие друг к другу, так стремительно тянутся ввысь к небесам, будто не могут вдосталь насытиться ни солнцем, ни дуновением ветерка. Дурманяще пахнет низкорослое пшатовое деревцо. Развесистые ивы, уткнувшись корнями в воду арыков, построили густотенистые шатры над обочинами, призывая путников отдохнуть в холодке. Могучие чинары стоят незыблемо, твердо, словно исполинские утесы; корни их так глубоко впились в почву, что дотянулись до самого сердца земли. И, глядя на небо, любуясь ими, веришь, что - случись землетрясение - они устоят, не рухнут.

А за дорогой, за арыками, на лужайках буйствуют заросли полыни. Да здесь такое приволье - можно найти все, что угодно: дикая холодянка спускается к воде; пушистое облачко одуванчика гордится мимолетной, до первого ветерка красою; одинокая фиалка обиженно прижимается к земле; влюбленный в солнце лотос .сияет льдистым блеском, пламенеет гордый мак; неукротимо цепляется, извивается, ползет вверх вьюнок; благоуханная мята, нарцисс, узорный тюльпан - все, все цветет, зреет, наливается соками, сахаристой сладостью, соперничает друг с другом в окраске, росте, аромате.

Обернись назад - и деревни как не бывало: вся утонула в зеленой дымке, скрылась за зеленой завесой; даже гребней крыш не угадаешь глазом. Посмотри вперед - до горизонта раскинулись поля, тоже густо-зеленые, прочерченные телеграфными столбами, проводами, несущими из городов вести о жизни мира. И птицы, сидя на проводах, вполголоса перекликаются между собою.

Но если ты выйдешь с деревенского проселка на большую дорогу, называемую с давних пор караванной, то тишины там уже не найдешь. Ни на миг - ни днем, ни ночью -

не прекращается движение: арбы, фаэтоны, повозки, всадники, стада, бараньи отары оглашают окрестность скрипом, щелканьем бичей, ржанием, мычанием, блеянием скотины, руганью кучеров и погонщиков.

Сверни с караванной дороги в поле - и через несколько шагов, через несколько минут ты опять очутишься в тишине. Колосья вымахали в рост человека, колышутся, струятся, волнами бегут вдаль.

Весною крестьяне вспаханную влажную землю берут горстью, плотно сжимают в кулаке и говорят: "К счастью". Бросят зерна в почву, опять повторяют: "К счастью".

И в самом деле, счастье крестьянской жизни зависит от урожая, а урожай - от погоды.

Выдалась засушливая погода, небесные стражники, такие же злые, как и земные, не пропустили к шемахинским полям ни единой тучки, и такая началась здесь сушь, что все растения, тщетно взывая: "Воды, воды", рассыпаются прахом, пеплом, чернеют; земля покрывается ветвистыми трещинами; раздолье лишь саранче - дожирает то, что не спалило солнце.

А в баснословные годы огромные чернопарусные корабли туч, плывущие в поднебесье с моря, ударяются о вершины гор, рассыпаются, сбрасывают ливнями, дождями свой тяжелый груз на нивы, и тогда тучный, литой колос гнется долу, призывая к себе жнецов; в ниве не то что человека - всадника не сразу приметишь.

Нынешнее лето и выпало именно таким - влажным, урожайным, радующим сердце.

Потому-то светло было на душе Антиги. Радовалась девушка, любуясь тяжеловесными колосьями золототканой нивы, синевою неба, пышно-яркими цветами, тенистыми кронами деревьев; вольно летел ее чистый, звонкий соловьиный голос по полям, садам, достигал караванной дороги:

Весна цвела, вишня цвела, когда к тебе, любимый, шла.

Ах, был весь сад в цвету.

Где молодость моя? Прошла. И вишня тоже отцвела.

Судьба мой жребий прокляла и на чужбину прогнала.

Ах, помню сад в цвету!

И, заслышав ее песню, сладкозвучные баяты, герайлы, сейгах, шикястэ1, жнецы, бостанщики бросали работу, фаэтонщики натягивали туго вожжи, останавливая лошадей, путники застывали в изумлении и запрокидывали головы, отыскивая в вышине чудесного жаворонка.

- Ох ты, вот голосок!

- Иса-бек, Иса-бек, что это - соловей или жаворонок? Слышишь, как заливается?

- Слава матери, родившей такую замечательную певунью.

Мою белую грудь пронзили стрелою, ай, стрелою.

От стонов моих мир содрогнулся.

Не бывать мне в саду весною, ай, весною.

Увяли цветы. Ты отвернулся.

Мой стройный стан согнулся, ай, согнулся, ай, согнулся.

Жнец с бронзовым от загара лицом, положив на плечо сверкающий серп, жадно вслушивался в песню и оглядывал поля, луга, отыскивая владелицу этого дивного голоса.

- Бессердечная, не умолкай, порадуй меня еще звуками баяты.

Куда б ты ни пришел, а следом осень.

Исчезла неба молодая просинь.

И старость постучалась в дом костлявою рукой.

Пусть, пусть. Я разгоню осеннее ненастье.

Я принесу тебе, любимый, счастье.

Ты ж помяни меня слезой. Всего одной слезой.

- Кажется, эти слова сложены про меня, про мою судьбу. Ей-богу, эта песня обо мне!

Вместительный фаэтон, ползущий по караванной дороге в облаках пыли, остановился; лошади, звякнув бубенцами, понуро опустили морды, нюхая горячую пыль; изнемогающие от зноя седоки оживленно обменивались впечатлениями.

- Вот плутовка, будто у самого Карягды1 училась.

- Да разве в учении дело? Это божий дар, благословение всевышнего.

- Неужели и это зависит от бога?

- Да, да, конечно, это жребий свыше. И она, несчастная, даже не подозревает о своем таланте.

А голос Антиги, подобно падучей звезде, разрывающей ночную тень, сверкал, переливался и исчезал, чтобы никогда не повториться, но, вечно обновляясь, приобретая новое звучание и новый блеск, снова взвиться в поднебесье.

Владелец бакинского ресторана Гаджи Расул, сложив на выпуклом животе маленькие пухлые ручки, с наслаждением слушал, причмокивая губами.

- Ахмед, Ахмед, кто так заливается? - спросил он кучера.

- Девушка, сирота. А зовут ее Антига1. Вот имя! - ответил кучер.

- Антига так Антига. Действительно удивительная певица!

- Нет, Гаджи, какая ж она певица? Бедная девушка, сирота. Вот когда душа у нее веселится, она и затягивает песню. И тут уж поет, не умолкая. А с людьми в это время прямо чудеса творятся.

- Гм, чем же она занимается? - настойчиво расспрашивал Гаджи Расул.

- Да ничем и не занимается, с матерью горе мыкает. То понесет в поле кому-нибудь из жнецов кувшин с водой, провизию, то собирает в лесу дрова, то пасет овец. Совсем молоденькая, девочка почти. И скажи - от бога дан такой голос. Заслушаешься, так ни есть, ни пить не захочешь. А какая упрямая! - восхищался Ахмед.

- Гм, упрямая?

- У-у, не говори! Не захочет петь, так пусть юзбаши или сам губернатор прикажет, - рта не раскроет.

- М-м, не раскроет? - глубокомысленно мычал Гаджи Расул, почесывая щетинистую бороденку. - А кто ее хозяин?

- Да никакого хозяина-то и нет, вот в чем беда. Отец умер от тифа года два назад. Батраком был у Башировых, - очень тихий, скромный мужчина. Звали Керимом. Керим-киши. С Той стороны2 сюда пришел. Старший брат Антиги ушел куда-то на заработки. Вот с матерью и бедствует несчастная девица. Только и радости - баяты да шикястэ.

- Да, да, - кивнул Гаджи Расул и толкнул фаэтонщика в плечо, приказав: "Трогай!", потому что Антига умолкла и душная тишина опустилась на дорогу и седоков.

А грузно слезая с фаэтона у дома Мешади Иса-бека, где намеревался на лето снять семье дачу, Гаджи Расул строго приказал Ахмеду:

- Ради бога, сегодня же вечером приведи ко мне Антигу, предстоит серьезный разговор.

Раскаленный воздух зыбкими волнами поднимался от земли, переливался в солнечных лучах, подобно расплавленному стеклу.

В саду Мешади Иса-бека под куполом тесно сомкнувшихся деревьев сидели, обливаясь потом, на расстеленном на траве паласе босые, в нижних рубашках хозяин и Гаджи Расул. Даже здесь, в тени, было нестерпимо душно. Солнце будто об одном заботилось: чтобы скорее созрели фрукты - и поливало деревья потоками жидкого золота.

Неподалеку от хозяина и знатного гостя у низкого жаркого костра суетился Валигули, слуга Мешади Иса-бека. Он жарил шашлык и совсем выбился из сил - то отбрасывал в сторону сырые поленья, чтобы не прели, не чадили; то подолом рубахи раздувал огонь, чтобы он равномерно охватывал сочившиеся жиром куски баранины; то на славу поджарившиеся лакомые кусочки складывал на ломти белого лаваша и прижимал их сверху тоже лавашом, чтобы не остыли.

Гаджи Расул, прислонившись мягкой, широкой, как тюфяк, спиною к стволу вишневого дерева, сидел, вытянув по

паласу ноги, и сосредоточенно раздумывал: "Мне нужна для ресторана певица. И не обычная певица, а певица-мусульманка, которой бы любовались, заслушивались постоянные клиенты - и правоверные и христиане. Года два днем с огнем ищу и никак не могу найти! Известные горожанам певички никуда не годятся: сплошные скандалы с битьем посуды и пьяными драками. Да мне Антигу сам бог послал! Буду кормить, одевать, обувать, в люди выведу. Мусульманка! Доброе дело сделаю. И богу слава, и девушке приятно".

По коре дерева нескончаемым потоком струились вверх-вниз, от корня к вершине и обратно, серые крохотные муравьи, заползали, падали за рубашку Гаджи Расула, на мягкую, вспотевшую его спину. Увлеченный заманчивыми мечтами, Гаджи Расул не обращал на муравьев никакого внимания, а когда уж особо нестерпимо начинала чесаться спина, то протягивал пухлую, поросшую рыжими волосиками руку, ловил муравья, подносил к глазам, внимательно разглядывал, давил и отбрасывал в траву.

Наконец он обратился дружелюбным тоном к хозяину:

- Слушай, Мешади Иса-бек. Это же подлинное чудо! Я поражен пением этой босоногой девчонки. Какой голос, какой тембр! Ангельское пение! Неисповедимая тайна, что в таком захолустье появилась замечательная певица. Ей-богу, будто сам Карягды чудом превратился в эту девчонку. Или старинный ашуг воскрес, чтобы очаровать нас бессмертной шикястз.

Мешади Иеа-бек важно кивнул головой в знак согласия. И вдруг протяжно, с завыванием зевнул.

- Ей-богу, приятель, такого, как ты, нельзя назвать мусульманином, - рассердился Гаджи Расул и окинул взглядом сонное, вялое лицо хозяина, чтобы проверить, какое впечатление произвели его слова.

Хозяин ловко поймал за пазухой муравья, раздавил его, опять зевнул и равнодушно осведомился:

- А почему?

- А потому, что в тебе нет ни совести, ни сострадания, ни капли исламской крови. В любой стране за один концерт Антигу купали бы в золоте, а у нас, мусульман, обладательница этого ангельского голоса собирает сучья в шемахинском лесу, рассекая босые ножки каменьями, царапая руки. А животик-то, наверное, подвело с голодухи. Ей-богу, нет в вас национальной гордости, - пылко напустился на приятеля Гаджи Расул. - Если бы вам были дороги интересы мусульманского мира, то эта девчонка не блеяла бы жалобно в степи, как отбившаяся от отары ярочка. Нет, наши мусульмане спят

вечным сном, - даже голос Антиги их не разбудит. Нашу нацию не пробудили от спячки ни японская война, ни всадники Рахимхана, ни годы бунта.

Мешади Иса-бек хотел что-то возразить, но пожевал мясистыми губами и молча вздохнул.

- Заклинаю тебя Меккой, в сторону которой мы оба каждодневно молимся, заклинаю всеми святителями, пригласи этого соловьиногорлого ребенка сюда, ко мне, - продолжал наседать на хозяина взволнованный ресторанщик. - Только вызови, дальше не твое дело, сам знаю, о чем стану говорить. Сейчас же пошли за Антигой. Умоляю!

Хозяин пожал плечами и приказал Валигули, протиравшему в этот момент рукавом слезящиеся от дыма глаза:

- Управишься, беги за Антигой - дочерью вдовы Месьмы. Привезешь в фаэтоне. Живет у Джума-мечети, в квартале молочников.

Глава четвертая
ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Каждый человек рождается добрым,
чистым, справедливым и честным...
Если сердце его стало холодным, то
потому, что люди потушили его пламя;
если крылья его надломлены и ум
поражен, то потому, что люди
стеснили его в узкой клетке.
В. Гюго

Босоногая девочка с вязанкой дров за плечами, с растрепанными черными, давно не знающими гребешка волосами, в застиранном, старом платье боязливо заглянула в окно школы. Что искала она здесь? Может, хотела продать дрова учителю?

И учитель, прервав урок, строго приказав школьникам сидеть смирно, не шуметь и не толкаться, вышел на порог. Но девочки уж и след простыл - быстрыми шагами уходила она в сторону воскресного рынка.

- Эй, доченька, не беги! - крикнул учитель. - Чего испугалась?

Но то ли от страха, то ли от стыда девочка пустилась со всех ног и скрылась в узком, извилистом, стиснутом каменными заборами переулке.

Учитель приложил правую руку ко лбу, потер крепко виски, будто хотел унять нестерпимую головную боль, и, проводив грустным взглядом девочку, прошептал:

Когда бы человека вдруг в тебе народ нашел,
Он понастроил бы тебе национальных школ.

Увы, до этого еще народ наш не дошел –
И честь раздавлена твоя ордою страшных зол.
Глубоко в землю твой талант зарыт, мое дитя.
Бредешь и сердцем плачешь, ты навзрыд, мое дитя!

Вернувшись в класс, учитель вынул из ящика стола книгу, перелистал и протянул сидевшему на первой парте вихрастому мальчику:

- После уроков отнесешь Антиге, дочери вдовы Месьмы. Скажешь - от учителя. Читать не умеет, так пусть хоть картинки посмотрит. У Джума-мечети живет, в квартале молочников.

На мгновение учитель замолчал, задумался, а затем вполголоса повторил:

Глубоко в землю твой талант зарыт, мое дитя.
Бредешь и сердцем плачешь ты навзрыд, мое дитя!

Но школьники услышали; сорванцы, не терявшие ни одного случая, чтобы порезвиться, напроказить, притихли и навсегда запомнили эти вдохновенные слова.

Антига не впервые заглядывала в школьное окно. Каждый день, проходя мимо, она прислушивалась с завистью к монотонному гудению детских голосов, наблюдала, как мальчики сидят за партами, то внимательно слушая учителя, то читая вслух, то вставая и отвечая на его вопросы, и глубоко, жалобно вздыхала.

А когда школьники пели песни, то девочка и вовсе не знала, куда деваться от тоски. Ведь она-то спела бы эти песни куда лучше, звонче, проникновеннее!

Вот счастье-то было бы, если б Антига также ходила в школу. Не глупее же она мальчишек, не хуже б их училась. Ранним утром она бы тщательно умывалась, наряжалась и чистенькая, аккуратная являлась бы в класс. Все учебники Антига выучила б наизусть, да, да! А песни, о-о, песни она бы пела не по-мальчишески, а по-соловьиному.

Жил бы отец, так наверняка отдал бы Антигу в школу.

Однажды девочка рассказала о своем заветном желании матери, но тетушка Месьма подняла ее на смех:

- Да ты в своем уме или нет? Мать рук не покладая работает, чтобы сколотить копейку, а она вон о чем мечтает. Я хочу сделать из тебя помощницу, чтобы на старости меня поддерживала, мне приносила кусок хлеба. А она вон какими пустыми фантазиями занимается. Ты - сирота, си-ро-та! Была б дочерью Аллахъяр-бека или Гаджи Меджид-эфенди, так училась бы, конечно. Разве детям бедняков подобает учиться? Что за чепуха! Школы строят для детей ахундов, беков, купцов. Не тебе, доченька, бездельничать, зубрить буквы, а потом, вернувшись из школы, тереть урчащий от голода

живот. Не будь глупенькой, не увлекайся несбыточными мечтами, а беги-ка поскорее в лес. Соберешь дровишек, вот, гляди, и заработала пятак на хлеб. И мать пожалей, не приставай к ней, не мучай ее пустяками.

Антига соглашалась с матерью, считала себя виноватой, что расстроила, огорчила ее. Да, она твердо знала, что ей не суждено учиться, и старалась образумиться, выкинуть из головы наивное желание.

Но почему-то всюду - дома, когда она подметала дворик, разжигала в очаге огонь; в лесу, когда она собирала валежник, с трудом разламывая тяжелые, упрямые сучья, царапая и ноги и руки шипами кустарников, - она по-прежнему воображала, как входит в класс, здоровается с добрым, очень добрым, симпатичным учителем, садится за парту и раскрывает учебник с красивыми картинками.

Как-то ей рассказали, что мальчик из соседнего дома по пути в школу поскользнулся на обледенелой мостовой, упал и разбил колено. "Ах, счастливец! Да я согласна каждое утро падать, - пусть ноют и кровоточат ноги и локти, пусть лицо покроется синяками, лишь бы только каждое утро идти в школу с сумкой, а в сумке тетрадки, карандаши, книги. А если бы вход в школу сторожили волки, медведи, змеи, даже свирепые разбойники - я бы их не испугалась!" - думала Антига.

Приснился однажды ей брат Бандалы. Вернувшись из города, он не разделся, не снял чарыхов1, не поставил в углу посоха, а торопливо позвал сестру:

- Антига, Антига!

Ликующая, она помчалась к брату, чтобы подпрыгнуть и повиснуть на его шее, поцеловать в щеки, в губы, болтая в воздухе ногами. Но Бандалы строго остановил ее, не поздоровался, не приветил, а взял за руку и куда-то повел.

- Братец, куда же мы идем?

Бандалы не ответил, шагал крупными шагами, и босоногой девочке было трудно поспеть за братом, - в кровь разбила ноги о камни мостовой.

- Братец, куда мы идем? Куда?

Бандалы молчал, а дорога была длинна, камениста, и вокруг стояла гулкая тишина, и пусто было в степи до самого горизонта.

Когда Антига совсем выбилась из сил и ухватилась, споткнувшись, за подол рубашки брата, то увидела, что стоит перед школой, а на пороге - учитель Таирзаде.

Сердечно улыбнувшись, он положил руку на голову девочки, и Антига почувствовала, что он надел на нее тюбетейку. Ей не терпелось посмотреть - а что же это за тюбетей-

ка, и она быстро сняла ее. Сняла и залюбовалась. По красному бархату пестрыми, яркими шелками были вышиты блестящие крупные буквы, обведенные золотой каймой. Но Антига не смогла понять, что же здесь написано, ведь она не умела читать.

- Ну, доченька, а теперь ты споешь нам школьную песенку.

Антига застеснялась, вопросительно посмотрела на брата.

- Учитель - твой отец, слушайся его, - посоветовал Бандалы. - Не робей.

И девочка запела, сперва тихо, очень тихо, еле слышно, затем все звонче, сильнее, громче. Но все-таки она зажмурилась, то ли от смущения, то ли от страха.

О школа, ты прекрасна, как дивный райский сад!

Здесь ангельские песни без умолку звенят.

Услышав свой голос, Антига очнулась, глубоко вздохнула и на всякий случай пробормотала: "Бис-миллах!", чтобы оградить себя и мать от дьявольского соблазна.

Скинув одеяло, она долго шарила по паласу, искала тюбетейку, но ничего в темноте не нашла. Куда же закатилась чудесная шапочка?

Тетушка Месьма, выслушав рассказ дочери, обрадовалась:

- Значит, скоро Бандалы приедет. А тюбетейка - к счастью. Верь, сон в руку, сбудутся твои желания.

Опираясь на суковатую палку, Таирзаде гулял над рекою, погруженный в глубокую задумчивость, когда поравнялась с ним тетушка Месьма с корытом стираного белья и почтительно поздоровалась с учителем:

- Да благословит тебя всевышний.

Таирзаде отрешенным взором посмотрел на нее, подумал о чем-то и наконец улыбнулся - узнал.

- Сестра, дочь твоя хочет учиться в школе. Девочка умная, прилежная. Ты знаешь об этом?

- Как не знать! Но, брат мой, ведь беднякам всюду закрыты дороги к счастью, - пригорюнилась вдова Месьма. - Мне бы на кусок хлеба стиркой заработать - вот о чем думы. Неразумный ребенок моя Антига. В ум не может взять, что не про нас учение.

- Нет, сестра, не .обижай напрасно девочку,- остановил вдову Таирзаде, - Дочь твоя понятливая, воспитанная, скромная. А какой голосок! Вот денег у вас нет, - что правда, то правда. В старину говорили, что не деньгами славен человек, а умом и талантом. Но, как видно, эти благословенные времена прошли безвозвратно. С деньгами ныне и хромая коза

имеет право величать себя Гаджи Фейзулахом.

За деньги и злодей святым слывет на свете,

Без денег и святой попасть в злодеи метит.

Как-то дервиша спросили: "Как тебя зовут?" - "Дай гроши, - зови беком", - ответил тот.

Тетушка Месьма не смогла сдержать восхищенной улыбки: как приятно, как поучительно слушать учителя; кладезь премудрости - этот скромный, учтивый внук Гаджи Таира.

- Ты ребенка не упрекай, - продолжал учитель, - а лучше пришли ко мне в школу. Ну, пусть приходит в свободное время, хоть азбуку выучит, и то благо. Голос у Антиги родниковый, кристальной чистоты. А тут грамоте выучится, все жить будет легче. Денег с тебя за учение Антиги не возьмем, все расходы - за счет школы. И тетрадки и книги тоже найдутся.

Месьма рассыпалась в благодарностях:

- Да продлит господь твою жизнь. Я одинока, беспомощна. Сын пропал где-то в городе, никаких вестей не подает. Проклятие тем, кто сбил его с пути праведного. Вся надежда на Антигу. И верно, умная, славная девочка, трудолюбивая. То дров принесет, то с чужими ребятами нянчится, - несколько копеек получит, а матери подспорье. Спасибо, братец, да благословит тебя за доброту господь.

Когда к вдове явился запыхавшийся Валигули и сообщил поразительную новость - владелец бакинского ресторана Гаджи Расул желает видеть дочь ее Антигу, тетушка растерялась и перетрусила.

Но, собравшись с силами, Месьма твердо заявила, что ребенка к чужим людям не пустит - это неприлично, не положено, а пойдет в дом Мешади Иса-бека она сама.

Валигули не спорил, но фаэтона не нанял: пешком доберется, - прачка, не барыня, привыкла мерить шагами версты в поисках заработка.

Гаджи Расул встретил вдову приветливо, но не усадил, подчеркнув этим собственное величие.

- Эй, арвад, счастливая ты среди смертных, дочь твоя прекрасна, как джейран, звонкоголоса. Не губи ее в здешних лесах. Я обучу ее разным премудростям. Денег не пожалею, все расходы беру на себя. - И при этих словах Гаджи Расул так сильно шлепнул себя ладонью по красной, потной шее, что даже в соседних домах услышали этот влажный шлепок. - Слышишь? Расходы беру на себя.

Месьма вынула изо рта конец платка, низко поклонилась великодушному богачу, поблагодарила:

- Мирза Алекбер Таирзаде, внук набожного Гаджи Таира, тоже велит учить девочку.

- Кто это такой? - нахмурился ресторанщик. Хозяин вмешался в беседу:

- Мыловар Таирзаде, известный больше под именем Сабира. Он и в школе преподает, но, конечно, без жалования, не знаешь, что ли?

Гаджи Расул побагровел. Глазки его забегали. Тяжело, прерывисто задышав, он крикнул:

- Ух эти мне поэты! На слова-то мастера, а не замечают, что все их поучения летят на ветер, впустую, как мякина. Но мы, арвад, не поэты, а честные предприниматели - слуги господа бога, и наши слова имеют солидный вес. Спроси у почтенного Мешади Иса-бека, кем является для нации Гаджи Расул. Завтра утром приводи ко мне Антигу. Усажу дочку в фаэтон, отвезу в город, буду кормить, одевать, холить, учить.

Отзывчивый благотворитель быстро вынул из кармана трешку, подумал и прибавил к ней замасленную рублевку, протянул тетушке:

- На платье. Все-таки в город едет, не куда-нибудь. Жить станет подле меня. Там-то я наряжу ее, как куколку. Это на первое время. - И, видя, что вдова упорно молчит, встревожился: - Мало, что ли? Ты скажи, прибавлю.

- Да возблагодарит тебя господь, - тетушка еще раз поклонилась благодетелю до самой земли.

- Знай, что я Гаджи Расул. Имя мое известно всей нации. Дочь твоя мусульманка. Значит, ее честь - моя честь. Ее слава - моя слава. Ее деньги...- Тут ресторанщик поперхнулся, закашлял. - Гм, да, да, все расходы беру на себя. В пятницу отвезу в город. Купи платье, туфли. Есть постель - пусть захватит, нет - не надо, там куплю. Жить Антига будет в пансионе. Я присмотрю, присмотрю... Как-никак мусульманка, исламского вероисповедания. Не хочу, чтобы пропала напрасно в шемахинских лесах. Человеком сделаю, введу в общество. Поняла?

Месьма, опустив голову, переступила с ноги на ногу и терзалась сомнениями. А последние слова Гаджи Расула ввергли тетушку в трепет.

- Куда, куда ты введешь ребенка?

- В высшее общество! - отрывисто, высокомерно подтвердил ресторанщик. - В люди, в люди. Поняла теперь? Хватит ей жить, подобно барсуку, в темной норе. Вот в этом-то и состоит вся беда нашего мусульманства: никуда не стремимся, ничего не добиваемся. Побывала бы ты в чужедальних странах! Там люди взялись всерьез за технику, науку, за торговлю. А чем занимается наша богоспасаемая нация? Амбальством. Дрессировкой змей. Выделкой посуды. И прочей ерундой. Пора бы понять, что наступил двадцатый век.

Гаджи Расул разошелся. Раскачиваясь из стороны в сторону тучным телом, он выкрикивал, как одержимый:

- Наш долг - воспитать молодое мусульманское поколение. Всех сделать грамотными! Каждому юноше дать специальность. Признаюсь, тетушка, у меня детей нет, наказал за какие-то, чужие наверно, грехи господь. Но скольких я кормил своим хлебом! Вся нация видит, что от слуг и рабочих мне пользы ни на копейку, одна божья благодарность. Это дело чести - не дать беднякам - мусульманам помереть с голоду. Страшные беды пережил я, - ни один волос не упал с моей головы. Ты спросишь - почему? А потому, что бога, бо-о-ога не забывал. Курица, сделав глоток, с благодарностью глядит на небо. Вот и я - помогаю всем обездоленным. Теперь дошла очередь до твоей дочери...

Тетушка Месьма истомилась. Ей бы бежать, забиться куда-нибудь в укромный уголок, чтобы не спеша обдумать лестное, заманчивое предложение. Но пылкий Гаджи Расул не отпускал ее.

Меня зовут Гаджи Расулом. Останови на караванной дороге прохожего, - каждый знает... Я не богат. То есть богат, но за богатство не держусь. Не трясусь над копейкой, ибо забочусь о благе нации. Его превосходительство Гаджи Зейнал Абдин Тагиев совершает богоугодное дело, открывая мусульманские школы. Мы должны по мере сил споспешествовать этому. Шемахинец - в Шемахе, гянджинец - в Гяндже, шекинец - в Шеки, бухарец - в Бухаре, багдадец - в Багдаде, - все, все правоверные без исключения должны действовать также едино и совместно. Пророк сказал не напрасно: "Альмуслимина ихватун"1. Внезапно Гаджи Расул понизил голос и с таинственным видом сообщил окончательно растерявшейся вдове:

- Родством я тебе не близок, сестрица, но верь, что, когда я услышал голос Антиги, зарыдал от восхищения. А когда узнал, что дочь твоя голодна, разута, то снова зарыдал от сожаления. И сказал спутникам: эту девочку спасу, не оставлю среди дикарей. Не подумай плохо! Лжемоллы вкривь и вкось объясняют шариат. Но создатель шариата не запретил девушкам учиться. Нет, нет. Великий творец, наоборот, благословил мусульман - и мужчин, и женщин, и юношей, и девушек - постигать книжную мудрость, дабы нести в народ просвещение, добро, красоту. Да, да, это божий наказ! Следовательно, учиться надо и девушкам. Но с одним условием - не терять чести, благовоспитанности, скромности, набожности. Наш религиозный долг - обучать наукам таких смиренниц, как твоя Антига. Согласна? Согласна со мной, да?

У вдовы Месьмы голова шла кругом от усталости, от

волнения, и она не смогла вымолвить ни слова, только кивнула.

Гаджи Расул крикнул слуге:

- Валигули, положи шашлыка и печеных помидоров в леваш, угости сестрицу. Издалека пришла, устала, бедняжка, проголодалась.

- Не беспокойся, господин, я сыта.

- Валигули, слышишь?

- Спасибо, господин, у меня совсем нет аппетита. Да продлит всевышний твою праведную жизнь, господин

Гаджи. - Тетушка хотела добавить, что она одинока, силы ее год от году слабеют, единственная опора в жизни - Антига. И как же она расстанется с дочерью, как перенесет разлуку? Антига еще мала, сущий ребенок, застенчива. Трудно ей будет в шумном городе у чужих людей. Да и с Бандалы надо бы посоветоваться.

Но Гаджи Расул строго повторил:

- Значит, в пятницу! - и прошел в дом. Месьма держала в кулаке деньги с отвращением, будто кусок осквернённой ткани.

Ворча в усы о каких-то нахальных побирушках, Валигули подал ей завернутый в леваш шашлык. Вдова не притронулась, оттолкнула его локтем.

- Пост же, пост, великий грех - оскоромиться. Спасибо.

Грубый с бедняками и раболепный с хозяевами, Валигули не стал упрашивать тетушку, а зашел в кусты и сам мигом покончил с вкусным шашлыком.

А Месьма шла виноградниками, садами к городу, прижимая к груди плотно стиснутые руки. Губы ее шевелились, словно вдова разговаривала сама с собой.

И тот из прохожих, кто мельком взглянул бы на нее со стороны, обязательно понял бы, что тетушка Месьма озабочена важными делами.

"Что теперь будет, боже, что будет? - думала тетушка; в душе ее бушевала буря. - Бедный ребенок на чужбине, в огромном городе. Без отца, без родных, без друзей. А можно ли довериться Гаджи Расулу? Ослушаться такой уважаемой персоны тоже боязно: вдруг до пристава дойдет? Согласиться? Но что скажет Бандалы? Одобрит или, наоборот, рассердится? На кого же мне доверить Антигу в городе? Как расстаться с нею?"

Месьма шла, не разбирая дороги, ступала на грядки чужих огородов, обдирала плечом кусты чужих виноградников. Рот ее был прикрыт по обычаю краем платка. Полные слез глаза ничего не различали.

Нет, нет, она не может обрекать дочь на вечную нищету.

И сейчас-то на кусок хлеба не каждый день хватает. А что будет, если она, Месьма, заболеет и перестанет стирать? Собранным в лесу валежником долго не продержишься... У Антиги голова такая же светлая, как голос. Она и среди чужих не пропадет. Мало ли бездомных сирот в Баку. Гаджи Расул на них не глянет. Он оценил голос Антиги. А голос у нее - ах, какой голос! Спаси, господи, ее от дурного глаза.

Месьма не слышала предостерегающих криков сторожей, не чувствовала духоты, не замечала шнырявших в траве увертливых, прытких ящериц. Тяжелые капли пота текли по ее запыленному лицу. Она и на это не обращала внимания.

У арыка за садами она остановилась, взглянула на быструю, чистую, студеную даже в такую жару воду и только теперь ощутила жажду и голод. Подобрав подол юбки, зажав ее коленями, она нагнулась, набрала пригоршню воды, но сообразила, что так ей долго придется черпать воду, и легла на камень, припала пересохшими губами к плещущейся, игриво скачущей струе. Вода была холодная. Заломило зубы. Но Месьма пила большими глотками и наконец почувствовала, что утолила жажду, и с сердцем сказала:

- Проклятие тебе, Езид!1

Теперь, успокоившись, она услышала, что мир окрест полон звуков: скрипели колеса, пели птицы, арык звенел голосом чистым, студеным, как голосок ее любимой Антиги.

О бедняжка! Хоть бы один хороший день выдался тебе в жизни. Брат твой Бандалы с семи лет батрачил у богатеев, недосыпал, недоедал, надрывался брошенной на его худенькие, неокрепшие детские плечи ношей. Значит, и у тебя тоже такой жребий? Конечно, у почтенного богатея Гаджи Расула Антиге будет лучше. Но больно уж далеко ее увезут. Беда, что Гаджи Расул содержит ресторан не в Шемахе, не в Мадрасе, не в Маразах, а вон где - в самом далеком городе, в Баку. Бог знает, что это за город! Несколько лет назад там кипели междоусобные битвы. Бедняки шли на богатеев, гремели выстрелы, лилась кровь. А вдруг повторится? Антига - ребенок. От звука выстрелов ее пугливое сердечко расколется, как хрустальный колокольчик.

- Господи, помоги, господи, научи! - взмолилась вдова, вздымая трясущиеся руки к небу.

Тут только она увидела, что остановилась перед домом Таирзаде. Ужели бог и привел ее сюда за советом? Не иначе как всевышний глаголет устами учителя. Пробормотав "бисмиллах", тетушка потянулась к запору, но в ту же минуту подумала, что учитель сейчас в школе или в лавке, а беспокоить его семью не следует.

Школа была закрыта. Дети разбежались по домам. Тету-

шка Месьма повернула на базар. И верно, в пустой лавке среди ящиков с мылом сидел Таирзаде, внимательно читал газету.

- Здравствуйте, братец Мирза Алекбер. Простите, что беспокою.

- Ничего, ничего, пожалуйста. Садитесь, сестра, садитесь.

- Мне нужен ваш совет, братец. К вам привел меня бог.

Таирзаде еле заметно усмехнулся:

- Охотно помогу и советом, и делом. А вот насчет того, кто привел...

- Что ты читаешь? - не дослушав, прервала его тетушка.

- Журнал нашего дядюшки Моллы, называется "Молла Насреддин". Читать не умеешь, картинки посмотри. Этот Молла - друг всех бедняков.

- А где он читает проповеди?

- Не читает, а пишет, и не проповеди, а смешные и грустные рассказы, стихотворения.

- Где же он живет, не в Баку ли? - обрадовалась вдова Месьма: вот такому мудрому наставнику и другу обездоленных можно бы без колебаний доверить Антигу.

Усталое, со впалыми щеками лицо учителя опять осветилось всепрощающей грустно-насмешливой улыбкой.

- "Молла Насреддин" живет всюду и нигде: в Баку и Тифлисе, в Шемахе и в Петербурге - словом, там, где есть грамотеи и слушатели. Не желаешь ли послушать сейчас его поучения? - Он развернул журнал.- Да вот к примеру: "Понапрасну призовешь бога, он не спустится по лестнице с небес, не придет на помощь..."

Возмущенная тетушка Месьма воскликнула:

- Ересь, страшная ересь, брат, противно слушать!

- Почему же?

- Да разве бог ступает по лестнице? Он летает на крыльях.

- Ну ничего, это для красного словца, - успокоил ее учитель.

- Вот дальше слушай: "Надейся на свои силы, трудись, трудись, трудись. Отдай ребенка в школу, пусть изучает иностранные языки, знакомится с наукой, приобретает специальность. Пусть учится ремеслу, торговле..."

- Золотые слова, - не вытерпела тетушка. - Да ведь это божье поучение.

- Нравится? Дальше слушай: "У бога тоже свое место в мире... А ты и думаешь: призвал всевышнего, а он мигом спустился по... - Таирзаде запнулся и быстро поправился: - Мигом слетит на крыльях с небес и наполнит твои карманы золотом? Если бы люди были богаты и сыты от одного

"бисмиллаха", то богаче мусульман никого не было бы на земле".

- Братец, братец, как он складно и мудро говорит. Что ж это - сложено на нашем языке или сначала по-арабски?

- Подлинные слова самого "Моллы Насреддина", говорящего и пишущего на нашем родном языке.

Неожиданно тетушка подозрительно нахмурилась, и ее обычно добродушное лицо приобрело свирепое выражение.

- Молла Насреддин, Молла Насреддин, - медленно повторила она, припоминая с напряжением что-то. - Значит, тот самый Молла Насреддин, который издевался над беззащитным Мамед-шахом?

- Почему же издевался? Правду написал, святую, сущую правду. Да, тот самый, и я ему верю больше, чем красноречивому и грозному Гаджи Ахунду.

Подумав, тетушка Месьма сменила гнев на милость.

- Дай бог здоровья праведному Молле Насреддину. Раз он хочет, чтобы дети учились в школах, значит, благодать божья почила на нем.

Таирзаде с удовольствием рассмеялся:

- Мой долг довести до сведения высокочтимого "Моллы Насреддина" твою благодарность. Ну, теперь скажи, что привело тебя сюда?

- Братец Мирза Алекбер, кажется, ясновидящий Молла Насреддин отгадал мои мысли, - и ужаснулась и обрадовалась тетушка. - Пришла посоветоваться: стоит ли посылать учиться Антигу?

- Антигу? Куда?

Вдова Месьма в эту минуту, подобрав юбки, встала и, указав на столпившихся в дверях людей, церемонно сказала:

- Покупатели. Я вам мешаю.

- Ну, какие покупатели, - с безнадежным видом махнул рукою Таирзаде. Но улыбка его оставалась веселой. - Слушают поучения "Моллы Насреддина". Да у меня и мыла-то нет. Сегодня все мои дела и помыслы отданы только "Молле Насреддину". Значит, ты вовремя пришла. Рассказывай. Сообща с "Моллой" дадим ответ.

Чтобы собраться с силами, тетушка взяла журнал, полистала, посмотрела картинки и, не обнаружив в них ничего богохульного, еретического, с успокоенным сердцем рассказала Таирзаде о случившемся.

- Какой же это Гаджи? Гаджи Меджид?

- Нет, нет, Гаджи Расул, гость Мешади Иса-бека.

- Слышал я про одного Гаджи Меджида. Приехал он в деревню и там загляделся на девушку. Когда та лила ему воду на руки из кувшина, сказанул ей такое, что женщины избили

пакостника и выгнали. Не тот ли?

Месьма положила руку на грудь, ахнула.

- Да разве я такому отдам ребенка? Гаджи Расул-уважаемый купец, ресторанщик. Пользуется большим почетом.

- А почему у нас не хочешь учить дочь? Может быть, не нравится учитель?

Тетушка еще раз ахнула и протестующе замахала руками:

- Что ты, что ты, дай бог здоровья и тебе и твоим ученикам. Но кто же, милосердный, накормит здесь мою Антигу?

Услышав это, Таирзаде безмолвно опустил голову. Он и своих-то детей не всегда кормил досыта.

- А Гаджи Расул берет все расходы на себя. - Тетушка положила руку за пазуху, потянула деньги, завернутые в тряпицу, но раздумала: "А вдруг ничего не выйдет?"

Таирзаде долго молчал. Уже отошли от дверей слушатели. Мышь где-то в углу грызла пустой ящик из-под мыла. В лавке было прохладно, сумеречно. Трудно ему было дать определенный ответ вдове. И не потому, что сам Таирзаде колебался, не был уверен в своей правоте. "Не жди добра от змеи", - гласит пословица. Гаджи Расул приехал в Шемаху по торговым делам, не по школьным. С чего же он воспылал жаждой просвещать мусульманских девушек? Подозрительной кажется Таирзаде доброта бакинского коммерсанта.

- Говорят, в Баку много девушек-мусульманок учится в школах, - как бы догадавшись о его мыслях, сказала вдова Месьма. - И Антига будет с ними. Гаджи Расул хочет дать Антиге образование во имя божье.

- Почему же он во имя божье не построит мост через Гырдман? - пожал плечами Таирзаде. - Во имя божье, сестрица, сейчас модное словечко. Именем божьим, оказывается, можно прикрыть любое злодеяние. И кровь льется часто во имя божье.

Месьма догадалась, что Таирзаде недолюбливает вообще всех богатеев, потому-то и кидает камни в огород Гаджи Расула.

Как ни уважала тетушка учителя, но забыть все же не могла, что Антига ее дочь, а не Таирзаде. Ему-то что! И упрямо сказала:

- У него одно намерение - дать Антиге образование.

- Похвальное намерение, - кивнул учитель. - А другой цели у него нет?

Таирзаде недоговаривал, осторожно, осмотрительно выбирал выражения. Но тетушка опять смекнула, на что он намекал. Босая, нищая, оборванная красотка Антига могла

прельстить сердце Гаджи Расула. Вот ресторанщик и решил сперва научить ее всем наукам, дать образование, "ввести в высшее общество", а затем жениться на девушке. Вдова Месьма одобрительно смотрела на такой исход. Женитьба бакинского богатея на ее дочке во всех отношениях была бы счастливым событием. А как бы завидовали вдове шемахинские кумушки! Подумать только - пристроить дочь в такой почтенный род. И пусть с досадой морщится учитель, - вдове Месьме выбирать женихов для дочери не приходится. Дай бог, чтобы Гаджи Расул пожелал взять Антигу в жены, - его стремление не расходится с заветами господа и шариатом.

А Таирзаде без труда понял ее мысли и не смог осудить материнское чувство. Но тоскливо, томно было у него на душе.

- От человека, привыкшего стричь шерсть с куриных яиц, как-то затруднительно ждать милосердия,- сказал он. - Как бы завтра не пришлось тебе раскаиваться, краснеть и перед людьми и перед дочерью. Подумай об этом, сестрица, - тихо попросил он Месьму.

- Э, брат Мирза Алекбер! Неужели Антиге лучше ходить в прислугах, побираться? - вздохнула вдова. - Образованной девушке открыты все пути в жизни, не так ли?

- Так, так, - согласился учитель. - А Бандалы знает об этом?

- Откуда ему знать, от него нет вестей. Говорят, что ушел от хозяина, через мельника передал мне, чтобы не беспокоилась: жив-здоров. Месяц назад это было. Ушел куда-то, бедный. В Тифлис, что ли?

- Тифлис - не чужбина, в двух шагах всего; сын у тебя молодец, не пропадет. Узнаешь адрес, скажи, письмо напишу.

- Да сохранит господь твоего сына, братец, да исполнятся твои желания.

Так они и не столковались... Месьма, прикрывая рот углом темного платка, пошла, вздыхая, сокрушаясь, восвояси. А поэт замкнул лавку, похлопал себя по карманам, чтобы еще раз убедиться, что выручки сегодня не было, и также направил шаги свои к дому, где его ожидали скудная трапеза, плачущие дети, печальная жена, книги, тетрадь на письменном столе и ночь, полная вдохновения и страданий.

Антига уже бывала в загородном саду Мешади Исабека прошлой осенью. Но приходила она туда не в гости, а на заработки.

Виноград поспел в одночасье. Тучные гроздья сгибали лозы. На дороге выстроились фургоны. Рабочих не хватало, и хозяева созывали на помощь детей и подростков. Детям можно и заплатить подешевле и прикрикнуть без опаски, если

замешкались, и кормить одной бурдой - поставил целую бадью, вот с грехом пополам и сыты. Весело было хозяевам смотреть, как мелькали деревянные ложки в черных от загара детских руках. Стеснительная Антига не успевала раз-другой опустить ложку, как ее соседи - проворные изголодавшиеся мальчишки - уже царапали ложками дно опустошенной бадьи. Тетушка Месьма, зная нрав дочери, давала ей в узелке хлеба, луку. Но Антигу смущали завистливые взгляды подруг и мальчишек, аппетит которых от жиденькой бурды только разыгрывался, и девочка обычно не притрагивалась к еде.

Однажды под вечер Антига увидела на козлах стоящего у ворот фаэтона Аббаскули, приехавшего с гостями из города, какую-то диковинную машину с широкой железной трубой. Вокруг столпились прохожие, батраки, мигом сбежались ребятишки. Польщенный вниманием любопытных, Аббаскули несколько раз с важным видом обошел фаэтон, затем до отказа закрутил ручку машины, положил на нее плоскую, как блин, круглую черную пластинку, и вдруг пластинка завертелась, закружилась и из широкогорлой трубы полился хрустально-чистый, сильный голос самого Карягды.

Ошеломленные дети замерли. Антига и привставала на цыпочки, и приседала, надеясь выведать тайну чудесной машины. Кто же поет столь сладко, задушевно? Сердце девочки сжала какая-то неведомая доселе щемящая боль. Неужели труба и полированный ящик ни с того ни с сего могут запеть голосом знаменитого Карягды? Где же спрятался певец?

Фаэтонщик увидел, как заинтересовалась девочка, потянул ее к себе и таинственно спросил:

- Видишь?

Антига ничего не видела, кроме стремительно вращающегося, нанизывающего на себя блестящие волокна солнечных лучей диска.

- А кто поет?

- Не человек, конечно, - презрительно усмехнулся Аббаскули. - Черт! Сейчас выскочит из трубы и тебя - ам!

Потрясенная девочка в страхе отступила на шаг. Взрослые слушатели оглушительно захохотали, а фаэтонщик остановил пластинку, и пение оборвалось.

- Не бойся, не бойся, - сказал Аббаскули, - никакого черта нет. Обыкновенная поющая машина - граммофон, чудо науки и техники двадцатого века. Тебя господь наградил ангельским голоском. Подрастешь - глядишь, и твое пение запишут на пластинку. А я куплю, заведу машину и послушаю. Вот теперь слушай "Сегях" Мирза Гусейна...

Он сменил диск, опустил на него ручку с тончайшей

иглою, как бы подтолкнул пластинку нажимом пальца, и она закружилась, и снова труба наполнилась страстной печалью красивого мужского голоса:

Я - Аббас, веселый нищий при дороге.
Награди меня улыбкой благосклонной.
Одари скитальца розой благовонной.
Утоли мои печали поцелуем истомленным.
Я - Аббас, веселый нищий при дороге.

И ответно, тоже печально, откликнулось певцу сердце девочки. Нет, не забудет она сладкозвучного голоса Карягды, наизусть выучит слова песни и сама в лесу, в одиночестве, далеко-далеко от всех людей так же попытается повторить эту дивную мелодию. А слушать ее станут лишь птицы, деревья, цветы, а они - слушатели отзывчивые, добрые, ласковые...

Давно это было, почти год назад. Теперь Антига подросла. Девушкой, а не девчонкой называют ее прохожие. И скоро она уедет в Баку учиться. Не пойдет Антига собирать виноградные гроздья в саду Мешади Исабека, а войдет в светлый класс, сядет за парту, раскроет учебник. У нее появятся школьные товарищи и подруги. Мудрые, справедливые учителя объяснят ей тайны природы, научат читать и писать, а она поблагодарит их пением. Там, в Баку, Антига не будет упрямиться. Попросят, сразу же зальется искрометной соловьиной трелью.

Да, на днях она уедет в Баку. А здесь в полуразвалившейся хижине останется мать и с матерью - детство.

Детство - прекрасная, чистая пора жизни! Как были бы счастливы люди, если б приносили в мир чистоту и искренность детских чувств.

Так же, как беспомощные птенцы ищут убежища под крылом матери, дети спасаются от горя в материнских объятиях. И здесь, прислушиваясь к биению материнского сердца, согреваясь ее дыханием, ты богата всеми благами мира, счастлива и любима, горда и сильна, ты властительница неба и земли. Хочется тебе, Антига, тепла - и в очаге забушует огонь. По твоему велению зажигается свет, а когда тебе спать пора, в комнате темнеет. Ты пожелала слушать сказку-мать поведала тебе сказку; ты стосковалась по тишине - в доме тихо. Все, все в семье подчинено тебе, Антига.

А сейчас детство миновало безвозвратно, и от этого радостно и в то же время тревожно. Антига - взрослая, почти взрослая. Мать согласилась отпустить ее с Гаджи Расулом в Баку. "Я еду учиться, благодетель Гаджи Расул записал меня в школу. Я буду учиться в Баку".

Рано утром у Джума-мечети стоял открытый молоканский фургон. Возчик Агафон расхаживал подле. То щелкал кнутом по голенищу смазанных дегтем сапог, то поправлял шлеи на голенастых лошадях, то разговаривал с тесно набившимися в фургон ездоками.

Пора трогаться - путь дальний, до самого Кюр-дамира, откуда еще предстояло ехать до Баку поездом. Но вот из проулка вышел с тощим чемоданчиком в руке мужчина среднего роста, скромно одетый, в черной папахе.

- Стой, Агафон, подождите, доброго утра.

- Доброго утра, уважаемый Мирза Алекбер. Агафон снял картуз с блестящим лакированным козырьком, поклонился.

- Садитесь рядом со мною, - и он подбросил на козлы охапку травы, принял из рук Таирзаде чемоданчик.

- Помоги, боже, - приветливо сказал поэт и Агафону и всем седокам. Но все-таки взобрался в фургон, примостился на скамейке рядом с пассажирами: он любил дорожные разговоры, споры и пререкания - и по пустякам и из-за серьезных дел; он запоминал житейские истории, рассказанные с откровенностью, возникающей только в пути; меткие выражения, то веселые, то едкие обороты народной речи. В них-то и таился кладезь вековечной мудрости, и Сабир жадно приникал к этому животворному роднику.

Окованные железными шинами колеса загремели по булыжнику. Пассажиры закачались, затряслись. А солнце еще только всходило, освещая безрадостными блеклыми лучами шемахинское раздолье.

По обочинам извилистой каменистой дороги разрослась пышная высокая трава, как будто ее нарочно здесь посеяли для покоса. Но пыль покрыла стебли и листья такой плотной серой кошмой, что даже верблюды побрезговали бы этой пищей. С Ахсуинского перевала порывы легкого ветерка несли одуряющие запахи горных цветов. А в долине раскинулась на не -, доступных взору просторах янтарно-желтая нива, и ветерок гнал по ней мерную зыбь. В ложбинах дымились костры цыганских таборов и привалов чабанов. Лохматые, взъерошенные псы с неистовым лаем летели за фургоном, подпрыгивали. Агафон лениво хлестал их кнутом.

Устроившись поудобнее, Таирзаде оглядел соседей. Бледный, поминутно вздрагивающий юноша немощно согнулся рядом с дородной старухой. Ясно: мать везет больного сына к бакинским врачам. Старуха то подносила ко рту юноши бутылку с водой, то вытирала пот с его лба. Тучный мужчина в белой шелковой тюбетейке занял сразу два места; высокую папаху он держал в руках, обмахиваясь ею. Бросая на пассажиров надменные взгляды, мужчина,

заглушая грохот колес, с оживленным видом рассказывал соседям:

- Да, уважаемые собратья, мы, мусульмане, все еще прозябаем в вечной спячке. Все народы мира уже проснулись, принялись трудиться и далеко-далеко обогнали исповедников исламской религии. Но мы, мы, несчастные, сбились с дороги истины: порвали с шариатом и, значит, всегда будем пребывать в темноте и невежестве. Особенно это заметно на нас, кавказских мусульманах.

- Справедливы ваши слова, господин Гаджи Расул, - с подобострастным смешком заметил юркий кривоносый пассажир.

"Э, да вон кто ты такой!" - подумал Сабир и с живейшим интересом прислушался к разговору.

- А я о чем говорю? Господь бог заповедал нам ценить науку, книжную мудрость еще тогда, когда иноверцы пребывали в дикости и первобытном состоянии. Да, нам, нам первым была открыта эта божественная истина. Но ухватились за нее руками и ногами иноверцы, инакомыслящие и быстро пошли по пути прогресса. Мы же и доныне пребываем в темноте... Теперь некоторые слепцы, например, уверяют, что женскому роду не положено учиться, овладевать тайнами науки, а ведь сам же пророк указал исламистам: "Даже в китайских манускриптах почиет мудрость".

- Простите, уважаемый, не имею чести знать вашего имени... Да разве найдется умный человек, отрицающий пользу грамоты? - спросил Сабир.

Гаджи Расул возликовал, что так быстро привлек к себе внимание пассажиров, прокашлялся, прочистил голос, приосанился и, бурно жестикулируя, ответил:

- Ум уму рознь. Некоторые умники вон до того додумались, что отрицают шариат.

При этих словах дородная старуха с испугом всплеснула руками:

- А!

- Поймите меня как следует: мусульмане, в том числе и женщины и девушки, должны учиться для того, чтобы еще глубже изучить шариат, быть твердыми в вере, бороться с безбожниками и бабистами, соблюдать обряды и посты. Что написал в газете Ахунд Абу-Тураб? Написал, что если завтра грамотная девушка-мусульманка станет читать вслух Коран соотечественникам, то это приведет к укреплению веры, а следовательно, и нации. И тогда мы с гордостью посмотрим на иноверцев, во всеуслышание скажем: наши дети не чужды прогрессу! Благодеяния господина Тагиева известны всему мусульманскому миру; в учрежденной им школе учится

много девушек.

Сабира раздражали самоуверенные манеры ресто-ранщика, но он сдержал себя и негромко заметил:

- Не все же могут возить детей в Баку. Нужно открыть школы в деревнях, чтобы крестьянские ребятишки наконец-то стали грамотными.

- Конечно, конечно, - соизволил согласиться с ним Гаджи Расул.

В это время фургон, миновав Ахсу, приблизился к Гырдманской реке. Мрачная картина предстала здесь перед путниками. Только что отбушевали в горах летние грозовые ливни, и река, набухнув, разлившись, взыграв скоротечным полноводьем, снесла, срезала, будто бритвой, мост, залила дорогу, подмыла и обрушила сады; всюду торчали вырванные с корнем деревья; сиротливо чернели раздавленные камнями виноградники; поверженные литые колосья пшеницы перемешались с грязью, илом и одиноко поблескивали, как крапинки золота в горной породе; овражки превратились в бездонные каналы, наполненные до краев мутной, пенистой, с сумасшедшей быстротою мчавшейся водой; участки тучного чернозема раскисли, заболотились, в них увязали, как в трясине, и люди и животные.

Путники притихли.

Сабир с минуту молчал, вбирая в себя, навеки запоминая малейшие подробности этого торжества слепой, бессмысленной стихии. Затем, покачав головой, горько воскликнул:

- О господи, неужто нет хозяина в нашей несчастной стране! Священному Нилу каждый год приносили в жертву одну человеческую жизнь. А эта далеко не священная речушка уносит, наверное, десятки жертв, ежегодно обрекая крестьян на бедствия. И никто, никто не слышит мужицкой мольбы о помощи, не желает внять советам стариков агсаккалов...

Гаджи Расул тотчас же нахмурился, строго покашлял.

- На то божья воля. Тут бессильны и агсаккалы и карасаккалы. Всевышнему заблагорассудилось - наслал потоп. Захотел наказать вероотступников - топнул ногой, вызвал землетрясение. Как можно противиться божьему испытанию нашей стойкости и нашего долготерпения? Отрицать божественное начало в явлениях природы - значит впадать в бабизм и неслыханную ересь.

Сабир фыркнул:

- Унесло бы наводнение ваши товары, не так бы запели.

Гаджи Расул не ожидал такого выпада от невзрачного, бедно одетого пассажира.

- Во-первых, мои товары в это время года не идут через

Ахсуинский перевал: я эти капризы природы знаю, - с достоинством сказал он. - Во-вторых, я набожный мусульманин, и господь оберегает мое нажитое честным трудом достояние.

- К сожалению, уважаемый, местные крестьяне не могут миновать Ахсуинского перевала. И неужели вы полагаете, что они пошатнулись в вере, не соблюдают шариата? - ядовито сказал Сабир. - За что им-то такое наказание?

Увидев, что скромный собеседник заговорил возбужденно, громко, Гаджи Расул опустил глаза и погрузился в созерцание перебираемых волосатыми пальцами янтарных крупных четок.

- Уважаемый, вы переступаете границы приличия, - наконец с вымученной улыбкой сказал он. - А для этого у вас нет полномочий.

- Нет, у меня есть полномочия заботиться о братьях-крестьянах, - твердо возразил Сабир.

- Верблюда ведет погонщик. У крестьян есть умные наставники, отмеченные божьим и царским благословением! - Гаджи Расул поджал губы и с торжеством оглядел всех пассажиров: вот как сконфузил смутьяна.

- Ай, Гаджи, - Сабир произнес с нажимом: "А-ай, Га-а-ад-жи-и-и!" - Не всякий погонщик ведет караван к оазису. С иным проводником и заблудиться можно, в пустыне сгинуть. Я ведь об этом и говорю: у наших несчастных братьев-крестьян плохие наставники. Люди аэропланы научились строить, в небе летают, подобно горным орлам, а тут речь идет всего-навсего о крепкой речной дамбе.

Мясистое, с отвислой нижней губой лицо Гаджи Расула начало постепенно наливаться кровью.

- Вы, уважаемый, становитесь между властями и народом. Вы вносите смуту в сердца верноподданных его императорского величества. Намерены возродить бунты и волнения тысяча девятьсот пятого года? Занимаетесь подстрекательством, а?

- Если вы возражаете против устройства речной дамбы, то, значит, вы и подстрекаете крестьян к волнениям.

Зубы Гаджи Расула лязгнули, пальцы его затряслись и выронили четки; с минуту, тяжело сопя, он шарил на дне фургона, искал их, а когда выпрямился, то еле отдышался.

- Агафон, Агафон! - крикнул он срывающимся голосом. - Останови. Даже находиться рядом с таким безбожником - грех!

Агафон, откинувшись всем телом, туго натянул вожжи, сказав при этом гулким басом: "Тпру!" В одно мгновение потный с головы до ног Гаджи Расул очутился на земле.

- Агафон, Агафон, завезешь чемодан ко мне домой,- распорядился он, плюнул на колесо фургона и, играя четками, добавил с досадой: - Проклятие!

Когда фургон резким толчком опять двинулся вперед, покачнувшиеся пассажиры расселись повольготнее, заняли освободившееся место и принялись громко потешаться над взбешенным ресторанщиком.

Агафон хоть плохо, но понимал по-азербайджански и поблагодарил Сабира:

- Спасибо, уважаемый, что избавили нас от болтуна. Прямо-таки в мечеть превратил мой молоканский фургон. А за проезд, между прочим, забыл заплатить.

- Как же он доберется? - забеспокоился деликатный Сабир.

- Еще раньше нас прискачет, - успокоил его Агафон. - У него где-то тут на дороге собственный фаэтон. Девушку какую-то в Баку везет: то ли купил, то ли даром мать отдала...

Сабир вздрогнул.

В хлебопекарне было жарко и душно. Визжали, свистели мазутные форсунки, изрыгая в печь потоки пламени. Своды и под печи раскалились докрасна, светились. Мастер Мешади Гусейн с бисерными капельками пота на лбу непрерывно ходил от чанов с тестом к печи, от печи - к чанам. Перед бушующим жерлом тендыра он надолго останавливался, как огнепоклонник, любовался то взлетающими, то опадающими языками пламени.

- Молодчик, поторапливайся, - обратился он к Бандалы, - четверг1 ведь.

Но Бандалы и без напоминаний мастера волчком вертелся по мастерской; работа так и кипела в его сильных, ловких руках. Он уважал, любил Мешади Гусейна: до сих пор юноша не встречал такого отзывчивого, умного, спокойного человека. В тяжелую пору жизни мастер приютил Бандалы, дал парню и работу, и угол для жилья. Со всеми хлебопеками Мешади Гусейн был неизменно сердечным, ровным в обращении. "Божий человек", - так отзывался Бандалы о мастере в разговоре со знакомыми. А "божий"- означало хороший, пекущийся о чести и достоинстве мусульман.

Бандалы не знал, откуда прибыл в Баку Мешади Гусейн и какого он роду-племени, кто его родители, но считал мастера хорошим "по происхождению", вспоминая материнские слова, что "шариат основан не на словах, а на житейских делах". Следовательно, не родовитостью и знатностью предков, а добротой и благотворительностью прославилась семья мастера.

Мешади Гусейн охотно беседовал с рабочими, помогал

им мудрыми наставлениями; он и обедал не отдельно, а вместе с ними, за одним столом, хлебал похлебку из артельной миски, от общего каравая отрезал ломти хлеба; и вместе с тем отличался образованностью, читал газеты, книги, рассказывал Бандалы о событиях "суетного мира", по-отечески мягко объяснял деревенскому парню - недавнему чабану, что же происходит сейчас в жизни Баку, России, зарубежных стран.

Впечатлительный, увлекающийся юноша готов был пойти за мастером и в огонь и в воду, но почему-то не выпадало случая услужить Мешади Гусейну, отплатить добром за совершенное им добро. Утром Бандалы бежал за водою, но оказывалось, что мастер уже умылся. Парень собирался в лавочку за папиросами - мастер уже побывал на улице, купил и папирос, и свежую газету. Мешади Гусейн сам убирал постель, подметал пол, даже керосин покупал. Сперва Бандалы опасался, что мастер ему, деревенщине, не доверяет: напутает, разольет или сломает что-нибудь... Проходили дни. Выяснилось, что старик ему во всем доверял, но тем не менее настойчиво отвергал всякие попытки ученика оказать любезность. Схватил парень керосиновый бидон, чтобы отнести его на квартиру Мешади Гусейна, а мастер тут как тут.

- Э, сынок, займись своим делом, сам донесу! Как только Бандалы появился в хлебопекарне, мастер подарил ему чистое теплое одеяло и пару поношенных ботинок. Положим, ботинки только считались поношенными - всего раза три надеваны... И на работу-то он принял парня, даже не дождавшись согласия хозяина Гаджи Расула, своей властью.

Бандалы искренне называл мастера "божьим" человеком, но с удивлением и даже страхом слышал, как часто Мешади Гусейн называл ахундов дармоедами, не боясь греха, посмеивался над проповедями и поучениями священнослужителей.

Все это было таинственным, загадочным, а потому еще более привлекательным.

Бандалы был наивным и робким, но уже познал в скитаниях тяготы жизни - рыл колодцы, таскал глину, резал кирпичи, косил травы на горных лугах, был погонщиком, гребцом на рыбацких лодках, чабаном, сторожем. И никогда он не встречал такого сердечного приказчика, как Мешади Гусейн.

А как интересно разговаривал с ним мастер!

- Тебя зовут Бандалы1, - значит, ты должен прочно осесть в нашей пекарне! - смеялся Мешади Гусейн, с уважением оглядывая могучие руки парня, широкие плечи, мощные запястья. - Хвала твоим трудовым рукам! Вот эти рабочие руки кормят народ. Да, да, только они, а не руки

купцов и беков. Нужно ценить труд - самое чистое, высокое, благородное из жизненных призваний.

А когда мастер работал у тендыра, то Бандалы и вовсе замирал от восторга. Движения Мешади Гусейна были быстрыми, точно рассчитанными, ловкими: вон он раскладывал на широкой с янтарного цвета ручкой лопате раскатанное учениками тесто и сажал в раскаленную, полыхающую жаром печь и буквально через минуту выхватывал обратно, кидал через всю мастерскую прямо на полки аппетитно подрумянившиеся, окутанные паром, так и мелькавшие в воздухе чуреки.

Лицо мастера в эти минуты было мужественным, сильным и вдохновенным; Бандалы не знал этого слова, но если б ему кто-нибудь подсказал, то парень согласился бы, что чувство, охватившее Мешади Гусейна, и является вдохновением.

Юноша не сомневался, что мастер, сидя у тендыра, читал про себя молитву, чтобы освятить хлеб. Да, это святое дело - печь хлеб для многих-многих людей. Нельзя заговорить с молящимся - грех. Но нельзя заговорить и с хлебопеком - тоже грех.

Заметив, что по блестящему, будто отлакированному, лицу Мешади Гусейна скатывается каплями пот, Бандалы спешил подать ему смоченное в холодной воде полотенце. Но мастер, отталкивая его, кричал: "Давай тесто!", и опять летели через всю мастерскую душистые, с пылу, с жару парные чуреки.

Все это было поистине удивительно!

Если бы Бандалы узнал, что Мешади Гусейн - один из самых ближайших друзей Сабира, что он профсоюзный деятель, не раз открыто на митингах выступавший против купцов, помещиков, промышленников, твердо отстаивая права рабочих, что всесильный Гаджи Расул трепещет перед ним, то удивился бы еще больше.

Обычно по утрам Минаввер-ханум, закрыв и занавесив окна, сидела скрестив ноги на ковре и гадала на картах, допытывалась у трефовой дамы: кого же сильнее любит муж - ее или черкешенку Назилу.

Прохлада, тишина, полумрак, царящие в доме, доставляли Минаввер-ханум наслаждение. Она терпеть не могла летом уезжать на дачу, на райски прекрасные яйлаги, и предпочитала оставаться дома, дабы каждодневно утром и вечером раскрывать объятия мужу. В пору полдневного солнцепека, когда пустели раскаленные, как жаровня, бакинские улицы, Минаввер-ханум веником выгоняла мух, закрывала окна и двери, спускала шторы и ложилась на

мягкий туркменский ковер, подложив под голову подушки, и часами лежала так, без движения, похожая на тучную, жирную стрекозу, приколотую булавкой в школьной коллекции.

Минаввер-ханум невероятно гордилась умением и в летнюю жару сохранять в холеном теле своем бодрость, а в доме - вечернюю прохладу.

Беда, что мужчины не ценили таких забот и к стареющим женам относились пренебрежительно.

"Ах, Гаджи, если б ты знал, как я стараюсь угодить тебе, неустанно пекусь, чтобы, вернувшись вечером домой, ты мог отдохнуть и получить удовольствие. Ах, Гаджи, цени же мои хлопоты и ласки, ты справедливый. Да, Гаджи, ты был справедливым, пока эта проклятая горская девчонка, эта дагестанская потаскуха, исчадие дьяволицы, не околдовала тебя, не опутала, как змея кольцами, тело, не украла душу!" - думала долгими днями, раскинувшись на ковре, Минаввер-ханум.

Не иначе как злые люди, враги ее, подсказали Гаджи Расулу направить стопы по якобы торговым делам в Темирхан-Шуру, и там в доме какого-то купца он, легкомысленный и увлекающийся, как все пожилые мужчины, повстречал юную горянку, выкупил ее и привез в Баку.

Каково это переносить! Конечно, Минаввер-ханум осталась полновластной хозяйкой дома, ключи от сундуков были в ее руках, расчеты с поставщиками мяса, зелени и фруктов Гаджи тоже доверил ей. По-прежнему надменной госпожой расхаживала Минаввер-ханум по дому Гаджи Расула, и на ее высокой беломраморной груди, на маленьких нежных пальчиках сияли, переливались радужными брызгами драгоценные каменья. Когда Минаввер-ханум, положив руки на золотой пояс, охватывавший раздобревший за пятнадцать лет замужества стан, выходила на балкон, то ее можно было счесть властительницей гарема восточного шаха. Да, Минаввер-ханум все еще была ангелоподобно красива, и Гаджи Расул без понуждений любовался ее белопенной грудью, точеной шеей, локонами черных волос, розовыми, как поджаренные булки, щеками, карими глазками, маняще сверкающими из-под серпообразных бровей.

Но Минаввер-ханум не имела детей. За минувшие пятнадцать лет не осталось ни одной святыни, ни одних мощей, ни единого храма, где бы не побывала с мольбами она. Врачи и знахарки, провидцы и юродивые пользовали ее целебными средствами. Арбы подарков и подаяний были розданы калекам, нищим, убогим, сиротам, чтобы хоть они-то, чистые сердцем, вымолили ей у бога материнский жребий. Хорошо, что хоть Гаджи Расул был неутомим и успевал

пополнять полноценными червонцами отощавшую в дни паломничеств супруги мошну. А Минаввер-ханум не шутя собиралась отдать все богатство мужа за обладание одним-разъединственным, пусть хроменьким, пусть слабоумным, первенцем. Хотя она отправлялась в паломничество к святыням лишь после совершения очищающих обрядов, хотя подаяния порядком растрясли казну Гаджи Расула, хотя молитвы щедро оплаченных молл не прекращались ни на минуту, Минаввер-ханум не зачала.

И часто, обняв колени длинными руками, она рыдала в тишине пустого дома так горько и страстно, что казалось странным, почему стены не рушатся от сострадания.

"О боже, за что наказал меня, опозорил и перед людьми и перед мужем?"

Так как до сих пор никто из людей не слышал с небес никакого голоса, кроме голоса грома, то естественно, что и до неутешной Минаввер-ханум не донесся глас божий. И, увидев, что рыдания ее тонут в могильной тишине дома, она смирилась и согласилась пустить в дом эту наглую, грязную черкешенку Назилу.

Но с этой минуты она возненавидела детей. Стоило ей услышать плач или смех ребенка на дворе, как Минаввер-ханум полураздетая, а то и вовсе нагишом выскакивала на балкон или подбегала к окну и шипела, как кошка, и сердце ее колоколом гудело в высоко вздымавшейся груди, и она плевалась:

- Эй, проклятые, не дадут минутки покоя! Ай, мусульмане, приберите же детей!

Захлопнув дверь и окна, она в изнеможении, как птица с надломленными крыльями, падала на ковер.

Едва Гаджи Расул намекнул супруге на возможность второго брака, как Минаввер-ханум, считавшая свою бездетность божьей карой и не подозревавшая, что виной всему шальная молодость мужа, не воспротивилась, ответила покорным молчанием.

- Такой уважаемый, солидный торговец, как я, обязан оставить потомство, - внушал жене Гаджи Расул. - Наследника надо иметь, сына! Не желаю, чтобы после моей смерти проходимцы и мазурики под маской родственников расхитили благоприобретенное богатство.

- Божья воля, божья воля, - вздохнула жена. - Держи только молодую отдельно, чтобы глаза мои не видели, не умножай горя.

- Конечно, у каждой из вас будут свои покои, - обрадовался Гаджи Расул. - В общем-то ничего не изменится: ты - хозяйка, ты - душа, ты - жизнь моя, единственная возлюб-

ленная!

Не прошло и двух недель, как украшенный гирляндами и лентами фаэтон, влекомый четверкой раскормленных рысаков, доставил в мрачный и молчаливый дом Гаджи Расула юную черкешенку с осиной талией и соболиными бровками.

Первые дни Минаввер-ханум пребывала в беспокойстве, что вот-вот распахнется дверь, появится молодая, прекрасноликая горянка и крикнет:

- Отдавай ключи от сундуков!

Но черкешенка не помышляла о власти, забавлялась нарядами, кольцами, ожерельями - подарками окончательно раскисшего от свадебной суетни Гаджи Расула. И постепенно жены ресторанщика сдружились.

Они сидели во дворе у бассейна и мыли ноги, собираясь в мечеть по случаю магеррама1, и беззаботно болтали о каких-то пустяках, когда примчалась запыхавшаяся служанка и сказала, что привезли из Шемахи по приказу хозяина какую-то девушку в пестром старомодном платье.

Жены переглянулись, сперва насупились, капризно надули губки. Потом просияли, решив, что заботливый супруг нанял им новую горничную.

А так как Антига была миловидна, скромна и счастливо улыбнулась, поздоровавшись с ними, то женщины окончательно убедились в правоте своего мнения.

Минаввер-ханум приказала:

- Возьми кувшин, поливай мне на ноги.

А Назила решила не отставать от соперницы:

- Возьми мои чулки и вымой в тазу.

Как очарованная, Антига любовалась их богатыми золототканными нарядами и переливами драгоценных камней в серьгах, кольцах, браслетах, и туфельками на высоких, остреньких каблучках.

Но Минаввер-ханум крикнула:

- Вот моя косынка, вымой и повесь сушить. А черкешенка тоже не унималась:

- Беги в баню, спроси Агарафи - затопили ли печь, наносили ли воды?

- Сестрица, она заблудится во дворе, - поджала с недовольным видом губы Минаввер-ханум.

- Пусть спрашивает слуг, не маленькая! - рассердилась Назила.

Антига разочарованно вздохнула - не такой встречи ждала она здесь.

- Ты видишь, она - дуреха, вытаращила глаза, ничего не соображает, - заметила Минаввер-ханум.

- Э, девчонка, пошевеливайся, а то получишь затрещину, - зазвенел голосок черкешенки.

Известно, что власть имущие не устают отдавать приказы. Жены вовсе задергали бедняжку Антигу, будто наперегонки отыскивали ей все новую и новую работу, заботясь только о том, чтобы служанка не стояла на месте.

Когда прибыл хозяин, то Антига, набравшись смелости, спросила:

- Почтенный благодетель, когда же я пойду в школу?

- Если всех пускать в школу, то тысячи тысяч детей стекутся к дверям моего дома, - сказал Гаджи Расул. - Тебе нужно пением завоевать сердца моих знакомых, друзей, покровителей, чтобы они посчитали тебя достойной заниматься учением. Поняла?

Антига ничего не поняла, но покорно наклонила голову.

- Пусть будет так, почтенный благодетель.

Глава пятая

ГДЕ БАНДАЛЫ?

Бедняка и на верблюде ужалит фаланга.

Народная пословица

Проводив Антигу в город, тетушка Месьма приобрела неведомое доселе право гордиться дочерью.

Раньше с завистью прислушивалась она, как зажиточные соседки хвастались: "Мой ребенок уже второй год ходит в школу", "Мой старший учится на пятерки". Придавленная нищетою, вдова и не мечтала о таком счастье. Теперь же, выходя с кувшином к колодцу, она с достоинством заявляла кумушкам: "Моя Антига тоже учится в школе!"

И возносила сердечные похвалы Гаджи Расулу, покровителю мусульман. Если бы не он, не видать бы Антиге школы, не стать бы босоногой шемахинской девчонке образованной и благовоспитанной барышней.

Однажды фаэтонщик Ахмед, возвращаясь домой берегом реки, увидел стиравшую палас тетушку и поспешил ее обрадовать:

- Поздравляю, поздравляю, сестрица, прелестная у тебя дочка.

Тетушка бережно сложила хозяйский палас на камнях, прикрыла лицо платком до самых глаз, поднялась к тропинке.

- Быть тебе всегда добрым вестником,- радушно пожелала она. - В Баку был?

- В Баку, в Баку. Вот и говорю: соловьем твоя дочка заливается.

- Не понимаю.

- Чего ж тут не понимать? - Ахмед с удивлением пожал плечами. И, решив, что Месьма не расслышала, заговорил

громче: - Сам слышал: хорошо поет. Соловью подобно. Такие трели пускает, - удивление.

- Спасибо, сынок. Дай бог свет очам твоим. Где же ты ее видел?

- В заведении Гаджи Расула. Где ж ей быть, как не у Гаджи.

- Благодетель учит ее?

- Учит, учит. И, слава богу, девушка хорошо поет1.

Фаэтонщик бросил на Месьму подозрительный взгляд: да не рехнулась ли старушка? Будто не знает, зачем Гаджи Расул увез звонкоголосую певунью? Но в конце концов эти дела Ахмеда не касаются. И он повторил еще громче:

- Хорошо поет!

А вдова Месьма услышала "хорошо учится", и материнское сердце переполнилось гордостью и счастьем.

- А мудрый Мирза Алекбер Таирзаде, внук Гаджи Таира, тоже обучает Антигу наукам?

Ахмед даже отшатнулся, услышав это.

- Ну какое отношение наш брат Таирзаде имеет к заведению Гаджи Расула? Мирза Алекбер Таирзаде преподает в Балаханах, это же далеко от города.

- Да, да, да, - бормотала растерявшаяся тетушка. - Да хранит тебя всевышний. Антига не просила ничего мне передать?

- Нет, ничего не говорила.

- Может, постеснялась?

"Положим, стесняться-то ей теперь не приходится", - подумал Ахмед, но по природной сметливости ответил уклончиво:

- И впрямь постеснялась.

- Дорогой, ты скоро поедешь в Баку?

- Фаэтон ремонтирую. Однако на той неделе поеду.

- Если доведется повстречать Антигу, то скажи, что я глаза выплакала от тоски. Неужто трудно ей написать хоть коротенькое письмо. Скажи, что я радуюсь ее успехам в ученье.

"В пенье", - понял Ахмед и двусмысленно осклабился.

- Пусть поищет брата, ведь не такой уж большой город Баку, что невозможно отыскать Бандалы, - продолжала упрашивать тетушка. - Обязательно накажи ей, во что бы то ни стало пусть ищет брата. Куда запропастился, бедненький? В одном городе брат и сестра, а ничего не знают друг о друге. Разве это хорошо?

"Куда уж хуже", - подумал Ахмед. И, обещав выполнить все поручения, пошел дальше, насвистывая,- ему было и смешно и грустно при виде материнской наивности. Э, если девушка стала певичкой в ресторане, то пиши пропало.

Стыдно перед матерью, вот и не шлет письма. Ну какая же продувная бестия этот Гаджи Расул - на шемахинском соловье ухитрился зарабатывать деньги.

А тетушка Месьма была на седьмом небе от счастья: Антига учится хорошо. Есть же на свете справедливость! Есть же защитники и покровители, согласно велениям шариата пекущиеся о своих ближних. И напрасно учитель Таирзаде, в общем-то человек в высшей степени благородный, настраивал Месьму против Гаджи Расула. Видно, сам бог надоумил Месьму не послушаться на этот раз учителя.

А когда Антига повстречается с Бандалы, то будет и вовсе отлично: он порадуется успехам сестренки, а при случае и поможет ей.

О, первенец!

Когда сын приезжал домой, то в хижине Месьмы становилось светлее, будто пробили в каменной стене еще несколько окон. Иногда Бандалы вместо приветствия брал мать на руки и носил ее, подобно дитяти, по дворику, приговаривая задушевным тоном, словно напевая колыбельную:

- Вот ты и в моей власти. Ну, что скажешь в свое оправдание?

Месьма стеснялась любопытных взглядов соседок, взвизгивала:

- Пусти, озорник, голова закружилась. Да ты когда-нибудь научишься относиться к матери с почтением?

Но порою Бандалы, угрюмо буркнув матери "здравствуй", валился на постель и лежал без движения и отмалчивался, даже на вопросы не отвечал.

Месьма понимала, что стряслась беда: с работы выгнали, хозяин обидел, - и не приставала с расспросами. Чтобы хоть как-то напомнить парню, что он дома, у матери, Месьма приносила воды, хотела вымыть сыну ноги, но он насильно отнимал у нее кувшин, уходил во двор.

Юношеские чувства переменчивы, скоротечны и, отлежавшись, намолчавшись, Бандалы уже на следующее утро был веселым, ласковым.

И опять Месьме казалось, что даже каменные стены дворика обрели дар речи, спешат обрадовать ее смехом, шутками.

Да, всевышний благословил Месьму покорными, любящими детьми. И ничего, что Бандалы так долго не пишет. Может, деньги бережет, не хочет потратиться на марки. Ведь он никогда с пустыми руками домой не являлся после долгих странствий - хоть коржик или яблоко принесет в подарок матери и сестренке. Могло и так случиться, что Бандалы последнее время не имел заработков и стесняется приехать

без щедрых приношений.

О боже, поверни колесо судеб человеческих так, чтобы бедняка, даже взгромоздившегося на верблюда, не кусала фаланга, чтобы не только в масляной каше богача прибывало масло, но и в нашу пшенную размазню хоть капельку угодило! Сынок, хватит тебе кочевать на чужбине, пора вернуться в родной дом.

Домотканая рубаха краше привозных шелков;

Отчий дом уютнее беломраморных дворцов.

Дабы получить право на преподавание в средней школе, Таирзаде, известному в Шемахе под именем Сабира, надлежало сдать богословский экзамен в кафедральной бакинской мечети.

Обладавший редкостной памятью, Таирзаде не, страшился каверзных вопросов по шариату, философии, апологетике, сектантству, но непереносимо мучительно было думать ему, что поэту, обрушивавшему всю силу гневных стихов на ханжей и святош, суждено ныне смиренно склониться перед самыми хитроумными, самыми лицемерными, самыми изворотливыми ханжами и святошами в высоких чалмах.

Что скажут его читатели и слушатели? Не отвернутся ли они от посрамленного поэта? Но иного выхода не было. Судьба уготовила Сабиру и это испытание.

С колокольни златоглавой, белокаменной церкви лилась крепкая медь трезвона, и оглушенные, как бы придавленные прохожие быстро, молча шагали по улице.

Однако Таирзаде шел медленно, часто останавливался, передыхал. И не потому, что древняя улица круто вползала в гору. Нет, он с каким-то болезненным наслаждением вслушивался в равномерное, жуткое, почти похоронное пение церковных колоколов. Не его ли они оплакивали? Таирзаде прошел Колодезную улицу, узкими, пыльными, зловонными переулками поднялся на Каменистую улицу; здесь было тихо, безмолвно. И, подняв глаза, потрясенный поэт увидел, что достиг мечети с двумя надменно возвышающимися минаретами.

Так, так, Сабир! От одного святого места - церкви - дошел до другого, еще святее, - мечети. Будто каменной паутиной окружили тебя, опутали, связали волю твою эти святыни.

На массивные, холодные, как надгробная плита, ступени взошел поэт, некогда провозгласивший:

Пока вся нация спала в невежестве своем,

Ты убаюкивал ее - с достоинством, с умом.

Круг почитателей твоих был шире с каждым днем.

Народ нищал, но шло добро к тебе в просторный дом,

Народ худел, а ты ходил с безмерным животом.

Гнусил ты: "Взятки - страшный грех!" - и брал, забыв запрет

"Добро сирот - огонь", - глотал и не пылал вослед.

Лестница высока, нескончаемы ступени; медленно грядет на поклон к моллам и ахундам поэт, вносивший смятение в их боязливые ожиревшие души.

Из мечети доносятся бормотание молящихся, визгливые голоса студентов-богословов, спорящих о сурах Корана. Исхода нет, возвращение невозможно.

Таирзаде обязан перешагнуть порог школы, чтобы вырвать детей своего народа из-под опеки изуверов в высоких чалмах. Но странная ирония судьбы: двери школы распахнутся перед ним лишь по велению священнослужителей. Таков закон. Ты образован, умен, неутомим в труде. Ты любишь свой народ, родину, но без благословения седовласого моллы тебе не доверят пост учителя. Иди, Сабир, иди, не раздумывай!

И он вошел.

На балконе мечети сидели ахунды, курили кальян и вполголоса беседовали о делах мирских и божественных. Старик совершал омовение у бассейна. Сторож в длиннополом архалуке подметал двор.

Величественный молла, сидевший скрестив ноги на дорогом хорасанском ковре в прохладной, затененной листвою сада комнате, учтиво принял незнакомца и пригласил его сесть. Осведомился о цели посещения.

Таирзаде вынул из нагрудного кармана заявление и письменную рекомендацию Солтан Меджида.

Оседлав переносицу массивными, в золотой оправе очками, молла прочитал, откашлялся, не вставая, потянулся, взял с подоконника чалму и, лишь бережно надев ее, крикнул пронзительно-дребезжащим голоском:

- Мешади Исмаил, Мешади Исмаил!

Худой, длинный, словно молитвенный иосох, мужчина заглянул в комнату.

- Скажи, Мешади Исмаил, господину, что раб божий Мирза Алекбер Таирзаде, внук Гаджи Таира, прибыл на экзамен.

Минуту спустя распахнулись двери и вошли с царственным видом Мирмагомед Керим-ага1, именуемый в просторечии сеидом, и молла в богатой термо-вой чалме, степенно опустились на разбросанные по ковру синие подушки и погладили холеные бороды.

Не поднимая глаз, Сабир ровно, медленно, обдуманно отвечал на многочисленные вопросы о его возрасте и мате-

риальном положении, о семье и образовании, а затем по предложению сеида прочел несколько стихов из Корана и разъяснил их. Он толковал их в духе ортодоксальности, неукоснительно придерживаясь шариата, а после этого перечислил прочтенные им религиозные книги. И лица священнослужителей прояснились.

По предложению сеида Сабир взял перо и бумагу и начертал письмена.

- Где вы научились почерку кешиде?

- Ваш покорный раб дважды посетил Хорасан и терпеливо упражнялся там в каллиграфии и начертании различных церковных почерков.

- Вы посетили Хорасан по торговым делам или с целью поклонения святыням?

- Я поклонялся святыням, но не скрою, что с божьей помощью при любезном содействии родственников, издавна живущих там, совершил и некоторые торговые операции.

- Господь благословляет торговый промысел, - одобрительно кивнул сеид.

"Еще бы не благословлять, когда моллы - первые барышники на Востоке", - подумал Сабир, сидя с непроницаемым лицом.

- Изучая шариат и усердно служа богу, оказывали ли вы помощь братьям-мусульманам и какая от этого получилась польза?

- Я служил богу и призывал людей к добрым свершениям и этим служил богу. Многих правоверных я научил бегло и внятно читать Коран. У меня свидетели есть, могу перечислить.

- В этом нет нужды, - остановил его сеид. - Мы видим, что вы глубоко изучили шариат и правильно толкуете основные предначертания религии. Отрадно, что дух легкомыслия и сомнений не коснулся вашего чела. Мы читали ваши философские и лирические стихотворения в бакинских газетах и оценили их благосклонно.

"Слава богу, что здесь не говорят о моей причастности к "Молле Насреддину", - подумал Сабир. Но последующие слова сеида все объяснили ему:

- Поручительство почтенного Солтан Меджида вселяет в нас уверенность, что именно вы - долго-ладанный богопоставленный наставник и просветитель нашего народа. Высокая честь выпала на нашу долю - вручить вам свидетельство на право преподавания закона божьего и прочих предметов в мусульманских школах.

Посохообразный Мешади Исмаил внес поднос с кальяном. Затянувшись душистым дымом, Мирмагомед Керим-ага

сказал:

- Сейчас напишут диплом. Садитесь поближе. Теперь вы - наш коллега, соратник, единомышленник. Божье веление обязывает меня дать вам несколько советов. Всего лишь советов, не приказаний, упаси бог.

Таирзаде, слава всевышнему, неизвестный здесь под именем Сабира, подвинулся на ковре.

- Я благоговейно выслушаю ваши мудрые поучения. В этом мой долг, мое смирение.

- Вы умны и наблюдательны, сын мой, - веско, многозначительно сказал благочестивый первосвященник.- Мы вместе пережили горестные события тысяча девятьсот пятого года. Мы были свидетелями восстаний и забастовок. Все это с божьей помощью миновало. Но, увы, в народе не выветрились смутные, бунтарские настроения. Пошатнулась вера в мечети, в шариат, в праведность духовных проповедей. В этих условиях особо сложны и особо почетны задачи учителя - посланца церкви в школе. Вы должны выполнять одновременно и долг государственный и обет церковный: воспитывать детей верноподданными его императорскому величеству и набожными мусульманами, твердо идущими по пути шариата. Вы будете бороться против богохульных искривлений исламской религии: это дело и религиозное и национальное. Теперь вы служитель мечети, служитель шариата, защитник нашего правого дела.

- Да, я готов служить правому делу словом, пером, всеми силами, а если понадобится, кровью своей, жизнью! - сказал, не поднимая глаз, Таирзаде, и непонятное старцам страдание прозвучало в его голосе.

Камышитовой ручкой почерком кешиде написали диплом Мирза Алекберу Таирзаде и приложили печать, и молла в термовой чалме скрепил документ подписью, и блаженнейший Мирмагомед Керим-ага поставил там свое имя.

Свидетельство религиозной, а следовательно, и политической благонадежности было вручено насупившемуся то ли от радости, то ли от стыда поэту, и он с поклоном поблагодарил старцев за лестную для него снисходительность к его познаниям.

За дверью его поджидал посохообразный Мешади Исмаил, требовательно напомнивший, что не оскудеет рука творящего подаяние.

Последнюю рублевку сунул ему Таирзаде и выбежал из ворот святой тюрьмы, чувствуя себя вольноотпущенником, только что чудом избавившимся от рабства.

Через несколько дней в дом Месьмы постучался усатый

стражник Гамбар с пистолетом и саблей, затянутый скрипящими ремнями.

- Бисмиллах! - приветствовала неожиданного гостя встревоженная тетушка.

- И бисмиллах, и аллах Акпер, - буркнул, топорща жесткие усы, Гамбар. - Накинь чадру, есть серьезный разговор.

У вдовы сердце покатилось.

- С чего вооруженным вламываешься в мой дом? И чадра ему понадобилась.

Но чадру тетушка все же накинула, прикрыла рот.

- Какие у нас могут быть разговоры?

- А вот такие: государственные. Где Бандалы? За ним пришел.

- Господи! - Тетушка всплеснула руками. -Да не из-за вас ли, проклятых, мой злосчастный ушел скитаться? Не вам у меня, а мне у начальства пора спросить, где сын?

- Не прикидывайся дурой, - грубо прикрикнул стражник. - Давай точный ответ, куда запропастился Бандалы? Письма-то получаешь.

- Сама жду не дождусь, ни письма, ни весточки сколько месяцев! Да чем же ребенок провинился? Оклеветали, может?

- А это не мое дело. Приказано задержать и препроводить в часть государственного преступника. Бунтаря! Натворил дел, а сам теперь схоронился в укромном месте.

- С чего ему прятаться, с чего? Бандалы - батрак, поденный рабочий, душа его чиста перед господом,-лепетала беспомощно, опустившись на скамейку, тетушка.

- Это в твоих глазах он честный, а начальству виднее. Из Баку пришла депеша: преступник. Значит - преступник. Да разве порядочный человек покинет материнский дом?

- Нужда прогнала, нужда! - с обидой крикнула тетушка. - Мой сын чист как цветок, муравья не обидит.

- Послушай, не издевайся надо мной, - властно сказал Гамбар, непрерывно поправляя то шашку, то шнур от револьвера. - Будто не знаешь, что судебное ведомство разыскивает твоего сыночка!

- О, будь проклят отец того, кто знает, в чем провинился парень! Ищи хоть на чердаке, хоть в подвале, - отрезала тетушка, вытолкнула не успевшего слова добавить стражника и задвинула на засов дверь.

Глава шестая
ПОЧЕМУ УМОЛК СОЛОВЕЙ?

- Эй, Гаджи-ага, клянусь богом,
создавшим нас, если ты провернешь
это дельце, то буду последним
человеком, если не отдам за тебя

головы, а если понадобится - и жизни!
- Братец, мне твоя голова не нужна,
мне вот что нужно! - при этих словах
Гаджи поднял вверх руку и начал ловко
перебирать пальцами, будто пересчитывал
кредитки, и делал так до тех пор, глядя
прямо в глаза Худоярбека, пока тот
не ответил согласием.
Джалил Мамедкулизаде

Перед рестораном "Исламия" знойным вечером, когда раскаленные стены домов и камни мостовой все еще излучали облака душного, нестерпимого жара, бурлила неистово шумная толпа. Фаэтоны останавливались, полицейские надрывали горло и размахивали кулаками, часовщики и ювелиры с поднятыми на лоб очками, дюжие мясники с засученными до локтя рукавами, повара в фартуках с половниками высыпали на улицу, толпились, жадно расспрашивали друг друга, кричали, спорили, ужасались. Дети, женщины, дворники, мастеровые бежали сюда из соседних переулков. Опять девушку украли? Магазин среди бела дня ограбили?

Городской люд обожал такие бесплатные спектакли. Стоит потерять часок-другой, чтобы выспросить, запомнить, оценить, а затем, прислонившись к стене, подробно, с живейшим увлечением пересказать друзьям, знакомым, а то и просто любопытным прохожим, опоздавшим к началу представления.

- Да в чем дело-то?
- Отойди, не толкайся!
- Что случилось?

У книжной лавки нетерпеливые граждане притиснули к дверям хозяина.

- Какая беда стряслась, почтенный? Торговец еле дышал, ругался.

- Откуда мне знать? Пристали как банный лист. И отойди, отойди, не мешай делу. Какое-то безобразие творится, а мне оставайся в убытке.

Толпа сжималась, расходилась, снова приливала, волновалась, как бурное море. Самые нетерпеливые зрители влезали на карнизы домов, на ящики, даже на телеграфные столбы. На балконы выползли, стыдливо прикрываясь чадрами, тучные, ленивые женщины.

Торговец книгами визжал от бешенства. И без того летом торговля замерла, а тут, не ровен час, городовой заглянет в магазин, начнет копаться в мусульманских книгах, доискиваясь крамолы, - придется дать взятку.

- Эй, расходитесь! Ради бога, дайте спокойно торговать.

Со стороны подумают - восстание!

"И беда-в толпе одни мусульмане, - думал со страхом купец, - вот явятся царские слуги да как схватят за шиворот: а-а, не забыли девятьсот пятый год? Побунтовать захотелось? Вот и выкручивайся: кто здесь был, да что сказал, да почему сказал, да почему не сказал?"

И, отчаявшись, купец навесил замок на тяжелые, окованные железом двери и, засучив рукава сюртука, засеменил к мечети как бы на молитву об избавлении от дьявола.

Никто не заметил его бегства, - крики, восклицания, расспросы так и сыпались шелухой со всех сторон.

- Браток, кого убили?

- Что за шум, хотелось бы знать?

- Девушка...

- А, из-за девушки драка! Так бы и сказал. Там, где девушки, всегда драка.

- Ресторанщик Гаджи Расул прогорел.

- Ну и слава богу! Деньги-то его грязные, черные.

- Гм, да как будто бывают чистые деньги - тоже умник!

- А, конечно, бывают: у одного мельница водяная, у другого ветрянка.

- Мельницу господа бога тоже вертят деньги!

- Ах, деньги, губящие людей, деньги, проливающие кровь людскую, деньги, порождающие войны!

- Как зовут-то тебя, дервиш?

- Не сомневайся, господин, весь мир держится на деньгах. Почему так считаются с Англией? Богатейшая нация. Не деньги ли японцам дали силу тигров и коварство змей? Деньги создали империю кайзера Вильгельма.

Так судачили, чесали языки, трещали, возмущались досужие бакинцы, не знавшие, что же произошло, зачем прибежали они сюда.

А у дверей ресторана толпа стиснула бедно одетого парня с непокрытой головой, в чарыхах, крепко обнимавшего плачущую девушку.

- Вай, вай, вай! При всем честном народе! - отплевывались правоверные при виде такого постыдного зрелища, но не спешили удалиться.

Девушка в коротком, обшитом золотым позументом платьице, голубом платочке, из-под которого выбивались растрепавшиеся косы, рыдала, уткнувшись в плечо юноши, молила прерывающимся голосом:

- Братец, уведи меня, пойдем отсюда, пойдем скорее!

А Гаджи Расул, в распахнутом дорогого сукна сюртуке, с серебряной цепочкой на круглом животе, сизый от бешенства, рвался из рук двух дворников в белых фартуках и что-то с

пеной у рта втолковывал переминавшимся с ноги на ногу городовым.

На парня крики ресторанщика никак не действовали: успокаивал девушку, заботливо гладил ее косы, и это было самым удивительным, ибо правоверные не сомневались, что сейчас вот-вот и ему и девушке крепко достанется от охранителей спокойствия и порядка. К этому были причины веские и серьезные. Не подобает в мусульманском мире, чтобы на улице юноша обнимал девушку, пусть даже сестру. Да и неизвестно, сестру ли? Знаем мы... Владелец ресторана "Исламия" Гаджи Расул богат, знатен, уважаем в городе, а следовательно, городовые отнесутся с полным доверием к его словам. Значит, дерзкие, обнаглевшие парень и девушка будут немедленно наказаны, свирепо избиты стражей, и это наказание вполне заслужено, - не собирай толпу, не нарушай шариата и общественного спокойствия.

- Эй, мусульмане, что творится, почему нам не дают заниматься мирными делами? - вопил Гаджи Расул, пытаясь пнуть парня в живот. - Аллах Акпер! Кормил по доброте души девчонку, одел, обул, к делу пристроил. Думал, исламка, дитя ислама. На вот тебе!

Кто-то из столпившихся буркнул:

- Толкует о мире, а мусульманскую девушку сделал шансонеткой.

- Да разве грех пригреть, накормить бедную нищенку? - с горестным видом спрашивал хозяин.

- А ну-ка давай расходись, - внезапно сиплым басом прикрикнул городовой и ухватился за шашку.

- Моя сестра нищенствовала? - Парень обиделся, с угрожающим видом шагнул вперед. - Чтобы борода твоя окрасилась собственной кровью!

- До крови дошло. Пошли, еще в свидетели потащат,- шепнул какой-то благоразумный соглядатай и начал с трудом выбираться из толпы.

В этот момент Гаджи Расул, попятившись, заехал локтем в ресторанную дверь - стекла так и посыпались, захрустели под ногами зрителей.

- Грабят! Люди добрые, грабят! Заступитесь! - простонал хозяин. - Господин унтер, из моего ресторана уводят певицу. Никуда не пущу Антигу, пока не возместят убытки. Уйму денег затратил! - рыдающим голосом выкрикнул Гаджи Расул. - Пусть отец ее воскреснет, не отпущу!

Полицейский свисток пронзительной дробью раскатился по улице, где-то за углом прогудел певучий рожок пожарной упряжки, крики, разговоры, замечания, вопросы собравшихся слились в протяжный грозный рев.

В это время Сабир, пробравшись незаметно, положил руку на плечо юноши и требовательно шепнул:

- Пошли, Бандалы, скорее веди Антигу за мной! - И повел их за собою.

У Сабира был такой независимый, решительный, достойный вид, что толпа мгновенно расступилась, а затем тотчас же сомкнулась, и трясущийся от горя Гаджи Расул очутился в кольце потных, тяжело дышащих и от жары, и от волнения зрителей.

Благополучно доведя Бандалы и Антигу до своей квартиры, Таирзаде уложил девушку в постель, напоил ее сладким душистым чаем, а парню велел рассказать, чем он занимался в последнее время, как встретил сестру.

Но Бандалы еще долго не мог утихомириться, вскакивал со стула, порывался куда-то бежать, грозился и ресторанщику и всем людям.

- А, каково! Украл, подлый, ребенка! Да поразит его смерть!

- Там, где замешаны деньги, и Мекка и Медина бессильны, - сдержанно улыбнулся Таирзаде. - А я, как тебя увидел у ресторана, сказал:

Зачем ты пришел, горемычный, смешной земледел?

Покорный, смиренный, умолкни, не ной, земледел!

- Не такой уж смиренный, - проворчал Бандалы. - Был, правда, смирным, а теперь переменился... Когда несколько наших рабочих, уроженцев Южного Азербайджана, ушли к повстанцам, то Асадуллаев прямо-таки взбесился. Велел управляющему вызывать нас поодиночке и брать подписку, что не убежим. Ну, что тут поделаешь! Я сам ушел, не дожидаясь расчета. У Агафона рыл колодец, потом устроился в хлебопекарню. Вот там хорошо было, во всех смыслах хорошо. Сегодня иду по делу, окна ресторана "Исламия" открыты, слышу - голосок знакомый. Вошел - Антига! Господи, я чуть не заревел от горя. Сестренка... А кругом пьяные хохочут, жрут, свистят, хлопают в ладоши. Я побежал между столиками, взял ее за руку и увел.

- Так-таки и увел? - Таирзаде почему-то развеселился.

- А вот и увел! Да в дверях хозяин догнал, вцепился в Антигу, сорвал с нее накидку, меня ударил. Тут и началось!

- Да, началось! - кивнул Таирзаде.

- Не ждал от жизни ничего веселого, но такого позора представить себе не мог, сестренка поет перед пьяными.

- Жизнь беспощадна к неимущим, - согласился Таирзаде и предложил Вандалы остаться в Баку: он отыщет ему работу.

- А сестренка? Нет, спасибо, Мирза-дадаш. Давно не был дома, мама, наверное, совсем извелась.

- Антигу я отведу к Шарифе-ханум. У этой почтенной просветительницы есть школа для девочек. Может, и удастся устроить туда сестру.

- Нет, домой-, домой! - решительно сказал юноша и перевязал шнурки своих чарыхов, будто ему сейчас же нужно было отправляться в путь. - После долгой разлуки ветхая материнская хибарка покажется раем.

- А в Шемахе найдется работа?

- Я неприхотлив, Мирза Алекбер. Мне не привыкать батрачить. Возьму плуг, пройду бороздой по земле, и когда увижу вечерние звезды над головой, вдохну запах пашни, то почувствую себя новым человеком. А такие, как Гаджи Расул, останутся где-то далеко. По правде, Мирза-дадаш, я сильно соскучился по матери, сердце рвется к дому. И Антигу боюсь оставить здесь, - у таких, как ресторанщик, руки загребущие. Пока жив, кусок хлеба найдется и ей и матери. Не подобает беднякам учиться.

Таирзаде бессильно опустил голову. Что мог он сказать, чем помочь? Стихи, одни стихи оставались ему. Это оружие было всегда подвластно его карающей руке.

В тот же день он помог Бандалы на шемахинской площади нанять попутную арбу и отправил брата и сестру на родину.

Две недели спустя по рукам бакинцев ходил свежий номер "Моллы Насреддина" и на устах у тысяч читателей было новое стихотворение Сабира.

Деньги, вы свет моих глаз иль естество вы мое?
Совесть, достоинство, кровь, не хвастовство вы мое!
Роскошь, величье, почет, власть, торжество вы мое!
Мекка, Медина, Коран, с богом родство вы мое!
Вера, святыня, мораль, честь, божество вы мое!

Еле-еле оправившись после исчезновения певицы, привлекавшей посетителей и умножавшей доходы, похудевший, но по-прежнему бойкий Гаджи Расул расхаживал по ковровой дорожке своего ресторана между столиками, здоровался с клиентами, потчевал их в виде приправы к блюду то комплиментом, то шуточкой, то анекдотом; с деловыми людьми перебрасывался замечаниями о биржевой игре: повысились или понизились нобелевские, манташевские, и вдруг увидел, как один из знакомых, личность почтенная, солидная, вынул из кармана номер "Моллы Насреддина" и начал читать.

Задыхаясь от гнева, хозяин сделал знак спешившему с подносом к столику официанту: убирайся обратно на кухню - и подошел к посетителю. Без поклона, что уже само по себе

было поступком оскорбительным, предложил:

- Прошу покинуть зал. Здесь не сборище бабистов, а ресторан с серьезной репутацией. В доходах от читателей богохульного журнальчика не нуждаюсь. Как говорится: ни вам ни нам.

Клиент изумился:

- Да что с вами, хозяин? Невероятно смешное стихотворение; сегодня "Молла Насреддин" шлет купцам особо нежный привет. Послушайте...

Гаджи Расул остался непреклонным.

- Прошу освободить столик. Платить за то, что скушали, не нужно. На здоровье!.. Мы вносим налоги в купеческую гильдию, готовы душой и телом служить царю и священному шариату. В моем ресторане не допускаются бабистские глумления. Вот бог, а вот и порог.

Когда возмущенного, упирающегося клиента с помощью официантов вывели из зала, Гаджи Расул заходил по директорскому кабинету, непрерывно расстегивая и застегивая сюртук. Он был похож на циркового борца, потерпевшего унизительное поражение и мечтающего о реванше. Сжимая в бессильной ярости кулаки, он проклинал язвительного Сабира:

- Сын бесстыдника! От Туркестана до Нахичевани все улемы предают "Моллу Насреддина" анафеме, а ему хоть бы что!.. И этот нечестивец принес в мой ресторан, разложил по скатерти паршивую, вонючую тряпку. Стихи читать вздумал! А! Да разве я ради выгоды отрекусь от религии, от своего верноподданнического долга? Вон, вон, чтобы глаза не видели тебя, читатель мерзопакостного журнальчика!

И вечером, приехав домой, усаживаясь за богато убранный стол, пока Минаввер-ханум суетилась, подносила ему лакомые кушанья, Гаджи Расул брюзжал, будто все еще находился в ресторане:

- Совсем взбесились люди: в заведении такого уважаемого шиита, как я, клиенты раскрывают,безбожные журнальчики.

- Какие такие журнальчики? - заинтересовалась супруга.

- Ты тоже мне! - крикнул разъяренный Гаджи Расул. - Какие такие!.. "Молла Насреддин" зовется. Какой-то тип принес журнал в ресторан, развернул прямо перед моими глазами. Ну, я его прогнал.

Минаввер-ханум задумалась.

- Вот ты всегда так. Подумать бы надо, а потом уже сделать. Укротил бы язык-то! Доругался до того, что "Молла Насреддин" напечатал твой портрет. Борода хозяина подпрыгнула.

- Какой портрет?

- А вот такой. Разве "Молла Насреддин" не напечатал твоего портрета?

У Гаджи Расула затряслись руки: нож звонко упал в тарелку.

- Ты с ума сошла? Да ты понимаешь, что говоришь?

- Я-то понимаю, а вот ты понимаешь ли, что случилось? - злорадно произнесла его женушка. - Твоя любимая Назила говорила... Пришел амбал с мукой, положил куль и смеется: "Дедушка Молла здорово поддел Гаджи. Читать не умею, а рисунок похож. Гаджи Расул как вылитый. Хвала руке рисовавшего".

Хозяин в полном изнеможении уронил на грудь голову. Значит, "Молла Насреддин" и богоотступники-бабисты незаметно проникли в его дом. Амбал, за гроши сгибавшийся под ношей, горянка, вчера только приехавшая из Дагестана, читают в доме Гаджи Расула крамольный журнальчик, потешаются над хозяином.

- Да-а, времена переменились. Я хожу в мечеть, занимаюсь благотворительностью, коммерцией и не подозреваю об опасности, а журналисты тем временем безнаказанно глумятся над моей персоной.

А все началось с бегства Антиги. Ясно, что бабисты подстроили, отыскали, привели в ресторан братца. Какой удар по репутации, по прибылям! А собака ушла и золоточеканный поводок унесла. Теперь такое начнется-подумать страшно!

Весь вечер Гаджи Расул метался, призвал и отругал юную красотку Назилу за то, что осмелилась слушать поношения в адрес мужа. Послал слугу в магазин за журналом, дабы убедиться собственными глазами в злодеяниях бабистов.

Ломая папироски, он непрерывно курил, швыряя окурки на хорасанские и хивинские ковры, докурился до того, что в комнате позеленело, а у нежной Минаввер-ханум разболелась голова.

- Если я не вытащу этого злодея перед очи Гаджи Зенал Абдина, если не приведу в императорскую канцелярию, - гремел ресторанщик, - то, значит, моя голова не достойна этой папахи!

Со злостью ударил каракулевой папахой о пол, начал топтать ее ногами, как бешеную собаку. Минаввер-ханум расстроилась:

- Ведь деньги же плачены!

В газете "Каспий" появилось следующее сообщение:

"Смутьян арестован.

Житель Шемахи Бандалы Керим-оглы учинил в бакинском ресторане "Исламия" скандал, нарушил общественный

порядок, причинив владельцу господину Гаджи Расулу убыток в сто рублей. Хулиган скрылся. На днях шемахинский пристав арестовал смутьяна: Бандалы Керим-оглы заключен в тюрьму и предается суду".

Прочитав эту заметку, Сабир пригорюнился, до полночи ходил, задумавшись, по комнате, и так горько, так плохо было у него на душе...

Угнетатель гнет тебя - думай: это злобный рок.
Повелитель бьет тебя - думай: так велел, пророк.
За бессилье - не к себе, отнеси к другим упрек:
Верь, что ближний иль чужой на нужду тебя обрек!
Не отвергни ни того, ни другого - примирись!
Ты попал в беду, бедняк. Что ж такого? Примирись.

Антига - шемахинский соловей, маленькая горная певунья - опять вернулась домой.

Бурный, многотысячный Баку не принял девушку. Но и Антига навсегда отвернулась от него. Теперь далекий шумный город представлялся ей в виде зловонного, кипящего котла, в котором, будто воск, плавятся судьбы людей, превращаясь в золоточеканные монеты.

Да, Антига вернулась в горы, которые были ее изначальной радостью, которые слушали ее первый детский лепет, первую песенку, исполняемую ломким, не установившимся голоском.

Она изменилась за это лето. И не только потому, что выросла, что коротки стали платья и рукава доходили только до локтей, а толстая, в руку, жгуче-черная коса змеилась по спине ниже поясницы. Никогда Антига не ухаживала за волосами, наоборот, сердилась, когда они запутывались в вязанке сушняка, а тут вот - окрепли, распушились.... Антига изменилась внутренне. По-прежнему целыми днями бродила она по лесу, собирала дрова, дикие фрукты, целебные и съедобные коренья, травы. Но Антига сторонилась теперь детей, не привечала их смехом, не одаривала добрым словом, песенкой.

- Странная какая-то! - шептались тетушки.

И верно - Антига стала странной.

Буря, пронесшаяся над ее юностью, сломала девчонку, как тонкоствольную цветущую яблоню, и Антига умолкла, никто не слышал ее песенок.

Долгими часами, плотно обняв колени руками, сидела она на берегу реки, глубоко задумавшись, будто задремав, и ни щелканье бичей чабанов, ни лай собак, ни крики погонщиков на караванной дороге не могли нарушить ее сновидений. Казалось, выстрели над ее головой, Антига не шелохнется.

Это безмолвие Антиги было полно мучительных вос-

поминаний.

Она видела, как стражники уводили сопротивлявшегося Бандалы, как рухнула в беспамятстве на землю мать, воскликнув: "Сын мой! Сынок!", как Антига зарыдала, прикрыв глаза рукою и причитая: "Воры пришли!"

Несколько лет назад воры забрались ночью на пчельник вдовы Месьмы и выломали соты с янтарным медом.

Никогда не забыть Антиге, как убивалась мать, поносила и проклинала злодеев. А пчелы с жалобным равномерным жужжанием кружились над двором и садились на мокрые от росы камни и опять улетали к разбитым ульям.

И сейчас родной дом казался Антиге поверженным на камни пчелиным ульем с выломанными сотами, с одичавшими от горя пчелами...

Но иногда молчание девушки сменялось неистовым весельем, она начинала хохотать так страстно, так горько, что мать боялась: вот-вот дочка задохнется.

- Да что с тобой? -плакала Месьма. - Скажи, не таись. Час поздний, ночь, соседей разбудишь.

- Мама, смеюсь над делами мирскими.

- И чего в них нашла смешного? Расскажи, я тоже посмеюсь.

Но уже Антига замолкла, оцепенела и не откликалась на материнские расспросы - будто в молчанку играла.

- Проказа бы поразила того, кто наглумился над ребенком! -сетовала, ломая руки, Месьма, выйдя во двор под. звезды, и не могла утешиться, и все звенела в ее ушах песенка, которую так недавно беспечно пела босоногая, с исцарапанными коленками юная Антига, собирая в горах валежник:

Пылал светильник бронзовый,
В нем молодости свет.
Я раненая птица.
Погас огонь. Не сбыться
Мечтам. Исхода нет.

Глава седьмая
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Призыв моллы, пение церковных
колоколов, бой башенных часов сменяли друг друга. И каждый из них
звал человека к себе...
Джалил Мамедкулизаде

В пятницу Мешади Гусейн под вечер зашел в ресторан "Исламия" и, заняв столик у окна, заказал почтительно поклонившемуся официанту обед.

В это время из директорского кабинета вышел злой, сердито пофыркивающий Гаджи Расул с газетой в руках,

поздоровался с клиентом, хоть и не блистающим знатностью или богатством, но все же уважаемым.

Мешади Гусейн славился во всем городе поразительным искусством хлебопечения, и Гаджи Расул был вынужден платить ему большое жалованье: вдруг соседи переманят, посулят прибавку... Но и этого мало: хозяину приходилось не только тайно, но и на людях оказывать мастеру почтение, беседовать, будто с ровней.

И сейчас, кивнув Мешади Гусейну, ресторанщик пожаловался:

- Называется газета "Солнце", а нагоняет на душу осеннюю хмарь. Разглагольствует, видите ли, о подвигах какого-то лошадиного барышника: ах, герой, ах, вождь нации, новый Рустам Зал1. Какое мужество! Какая мудрость!.. А по шариату назвать надо езидом2 того, кто сеет смуту в богоспасаемом отечестве, посылает с оружием брата на брата, подрубает корни правительства Льва и Меча, светоча ислама!

Мешади Гусейн сидел с равнодушным лицом, но душа его ликовала.

Восстание Саттархана в Южном Азербайджане громовыми раскатами пробудило весь Кавказ, и хотя ограниченными были цели поднявшихся "конституционалистов", но все же пошатнулся трон самого свирепого деспота - иранского шаха, и Мешади Гусейн радовался революционным событиям.

- Дороги закрыты, царит смута, купцы остались без доходов, - продолжал со скорбным видом Гаджи Расул, - помещики охвачены паникой. Моллы читают проповеди, грозят анафемой, божьей карой, а мусульмане берут винтовку, стреляют в войска. Где это видано? И этим злодеям, этим бунтовщикам мы же, правоверные мусульмане, якобы обязаны оказывать помощь! А! Если и дальше так дело пойдет, то царь отвернется от кавказского мусульманства. Подумай! Помогать восставшим против иранского шаха, друга мусульман... Да, кончится опять резней, как у нас в тысяча девятьсот пятом году. Эти писаки не дадут нам спать спокойно. Газеты - "мазеты", как сказал аллах в Коране; они несут в мир безбожие.

- Уважаемый Гаджи, - серьезным тоном заметил Мешади Гусейн, - не только наши, все газеты мира называют Саттархана героем.

- Откуда вы знаете?

- Телеграф приносит вести из всех стран. Саттархан борется не только за счастье своего народа.

Ресторанщик с недоверием осмотрел с головы до ног мастера.

- Конечно, во всем мире имеется амшара, но ам-шара не является всем миром! - И, крайне довольный своей остротой, расхохотался. - Пусть амшара занимается амбалством, роет колодцы, обжигает кирпич, таскает грузы на спине. Не возражаю! Но зачем соваться в политику?

Мешади Гусейн не согласился.

- Саттархан сам нищий, амшара, и, как видите, вмешался властной рукой в дела мира. Дай бог ему здоровья, - получается.

- Интересуюсь, у кого он украл медяки, чтобы начать смуту в Тавризе? - насмешливо ухмыльнулся Гаджи Расул.

- Падкими на медяки бывают обычно купцы, помещики. Саттархан полководец. Деньги в его глазах не имеют никакой цены.

- Я вижу, вы довольны антиправительственными и, добавлю, антимусульманскими делами этого тавризского бунтовщика, - язвительно сказал Гаджи Расул. - Не у него ли научились произносить на митингах поджигательные речи?

Но клиент в это время расплатился с официантом, поднялся, кивнул хозяину и уверенными, твердыми шагами вышел из ресторана.

Хозяин смял в кулаке газету, бросил на ковровую дорожку и велел официанту:

- Эй, унеси в мусорный ящик эту падаль.

Делами в Бакинском благотворительном мусульманском обществе заправляли нефтепромышленники, коммерсанты, моллы. И это вполне понятно: чтобы творить благо, надо обладать благами как материальными, так и моральными. Значит, богачам следует заботиться о бренной плоти бедняков, а моллам - о спасении грешной души их. Фаэтоны, собственные выезды, парные пролетки мчались этим вечером в здание общества.

Мешади Гусейн пришел пешком, едва не опоздал. Вот грузно вылезли из сиявшего лаком экипажа Гаджи Расул и преподобный Мирмагомед Керим-ага и величественно проследовали в распахнутые перед ними склонившимся швейцаром двери; Мешади Гусейн прошмыгнул за ними, и тотчас маленький зал заполнился солидными мужчинами в сюртуках и каракулевых папахах.

Член правления, пожилой, в золотых очках, с брюзгливым выражением на мясистом лице, поднялся, звякнул бронзовым с лакированной ручкой колокольчиком и сказал бархатисто-вкрадчивым голосом:

- Милостивые господа! Правление общества пригласило вас на данное заседание для обсуждения безотлагательного политически острого вопроса. Из прессы, из телеграфных

сообщений ясно, что на той стороне Аракса, в Тавризе, пылает братоубийственная война. Улицы превратились в окопы. Войска его величества шаха сражаются против сторонников конституции. Грабежи, поджоги, разрушения ширятся день ото дня. Мы, мусульмане Кавказа, не можем безразлично смотреть на эту кровавую трагедию. Высокопоставленные руководители мусульманской общины города Баку считают, что мы по мере сил обязаны помогать нашим братьям на том берегу Аракса. Это наш долг и религиозный и национальный. Стоны несчастных, оставшихся без крова, скитающихся в голоде, в нищете по разрушенным городам и деревням, слышны всюду. Подручные Мамедали-шаха, Самед-хана, Эйнид-довледа обрекают наших единомышленных братьев на страдания. Господа, наш долг, долг представителей ислама, поспешить с помощью. Мне поручено довести до вашего сведения, что мусульмане Тифлиса, Эривани, Темирхан-Шуры, Петровска, Владикавказа, а также грузинская и армянская общественность уже внесли посильную лепту в фонд помощи тавризским повстанцам. Идут вести о помощи из далекой Индии, из Египта, Румынии, Болгарии. Кто рублем, кто пером, кто словами сочувствия, а кто дарами - лишь бы поскорее прийти на помощь. Собранные средства при любезном посредничестве Красного Креста будут переданы повстанцам. Господа! Благоволите называть свои имена и суммы пожертвования. Как сказал поэт:

Подарок дервиша - цветок благоуханный.
Не упрекай беднягу: все дары желанны.

После выступления велеречивого члена правления наступила тишина. Благотворители, пряча глаза, поглаживали бороды, сопели, но с пожертвованиями не торопились. Дервишу-то что - сорвал цветочек в поле, а может, и в чужом саду, а ведь тут из собственного кармана придется вынимать.

Наконец, увидев, что молчание затянулось и приняло явно, неприличный характер, поднялся высокопочтенный благовестник Мирмагомед Керим-ага, сложил со смиренным видом на животе руки с перепутавшимися драгоценными четками.

- Люди, мы переживаем годы магеррама, годы скорби и печали. Весь исламский мир переживает неслыханные потрясения. Камни плачут кровавыми слезами, как плакали тогда, когда в Кербале истребили благочестивых имамов. Тавризская трагедия вселяет в нас неизбывное горе. Чтобы понять правильно, согласно предначертаниям шариата, события в Тавризе, надо помнить, что мы, кавказские мусульмане, являемся верноподданными императора Всероссий-

ского, - да хранит всевышний его от бед и земных и небесных!

В зале раздались одобрительные восклицания "аминь"; благотворители оживились, заметно повеселели. Сидевший в самом заднем углу Мешади Гусейн потупился и промолчал.

- Повелитель Российской империи по просьбе

своего августейшего брата шаха Ирана решил двинуть свои войска на подавление безбожного возмутительного восстания в Тавризе, дабы в кратчайший срок восстановить спокойствие и правопорядок в колыбели исламизма - Иране. Можем ли мы забывать об этом? Нет, мы не должны, не имеем права забывать об этом. Мы обязаны поступать лишь в соответствии с пожеланиями богопомазанного царя - милостивого покровителя мусульманства.

В зале зашевелились, начали вполголоса переговариваться. Мудрость первосвятителя пришлась всем по душе.

Председатель нервно звенел колокольчиком:

- Господа, господа, никто не торопил вас с приношениями. Цель заседания - глубокое и всестороннее обсуждение вопроса.

- Прошу слова, - раздался сильный и уверенный голос, и, прежде чем председатель успел ответить, к трибуне подошел не замеченный доселе присутствующими Сабир.

Лицо его, усталое, с впалыми щекеми, было спокойно, полно горьких раздумий.

Дождавшись, когда чалмоносный служитель всевышнего, путаясь в длиннополом халате, доплелся до кресла, он мягко, тихо начал говорить, но в зале уже прекратились перешептывания, и все его слышали.

- Господа! Его святейшество, хвала его сединам, говорил сладко, но несколько путано. Мы должны понять разницу между трагедией в Кербале и нынешними событиями в Тавризе, а отсюда и сделать столь насущные нам, мусульманам, выводы. Но, во-первых, я хочу передать вам привет из Тифлиса от "Моллы Насреддина".

Вынув из нагрудного кармана последний номер журнала, Сабир, повысив голос, прочитал:

- "Плачущим и скорбящим.

Молла Насреддин шлет привет своим читателям, в том числе и бакинским мусульманам.

В дни магеррама он присоединяется к их трауру и просит у всевышнего заступничества, ниспослания сил в их служении господу богу. О, аллах, аминь!"

Кое-кто из слушателей бездумно пробормотал "аминь". Даже председательствующий по привычке, забыв, что он не в мечети, а на заседании, буркнул "аминь" и, спохватившись,

виновато покосился на Мирмагомеда Керим-агу.

- Кто это говорит? - раздался чей-то удивленный голос.

Сабир вынул только что вышедший из печати и неизвестный присутствующим номер журнала и объяснил:

- Это говорит один из уважаемых писателей, светоч просвещения Мирза Джалил, известный всему мусульманству под именем "Молла Насреддин". И мы, конечно, сердечно присоединяемся к его благим пожеланиям.

Самые смелые из благотворителей захихикали, заулыбались, но, вспомнив о присутствии грозного богослова, поспешно прикрыли рты ладонями.

А Сабир продолжал с серьезным видом читать:

- "В эти дни в Иране идет смертельная схватка между деспотизмом и справедливостью. Честь родины и права подавляющей части нации находятся под угрозой. И возможно, что если мы не придем на помощь, то побеждены будут сторонники справедливости. И тогда вопли и стоны миллионов обездоленных поднимутся к небесам и заглушат причитания плакальщиков, скорбящих о трагедии в Кербале, происшедшей, между прочим, ровно тысяча триста лет тому назад.

Подумайте о положении детей, оставшихся без крова, пищи, воды, наших сестер и матерей, выброшенных на улицу. Их трагедия страшнее событий в Кербале".

Сабир обвел твердым взглядом притихший, как бы застывший в оцепенении зал и повторил с беспощадной убежденностью:

- Да, страшнее!

"Сегодняшняя Кербала - это восстание в Южном Азербайджане, - продолжал он читать. - Каждый, в ком осталась хоть капля чести, любви к родине, к нации, религиозного чувства, должен понять это. Время требует от нас действия. Помогать нужно всем - деньгами, продуктами, словами единения и сочувствия. Самое великое служение народу сегодня, нынешний священный джигат1 - помогать повстанцам.

Не подобает нам, азербайджанцам, сейчас в кликушеских шествиях метаться по улицам Тифлиса, Баку, в кровь разрезая клинками головы и плечи, становясь посмешищем иноверцев2. Обратим взоры к героическим борцам Тавриза, присоединимся к добровольцам.

Да здравствует свобода!"

Зал дрогнул от грома аплодисментов, одобрительных возгласов:

- Да здравствует свобода!

- Да здравствует революция Саттархана!

Напрасно председательствующий размахивал колоколь-

чиком: немощный звон захлебывался в реве голосов, в хлопании ладонями, шаркании и топоте ног.

Наблюдательный Мешади Гусейн хоть и был взволнован, но заметил, что охвачены горячим порывом были далеко не все присутствующие: самые солидные представители мусульманства с досадой морщились, переглядывались, кряхтели, потирали коленки, словно были поражены внезапным приступом ревматизма.

Гаджи Расул вскочил и крикнул: - Полюбуйтесь на этого предателя!

Дребезжащим, злым голосом прошипел Мирмагомед Керим-ага:

- Вероотступники! Богохульники! Председатель, в отчаянии бросив на зеленое сукно стола колокольчик, сказал:

- Милости царя пусть станут вам проклятием! Вдруг Сабир достал из-за пазухи пачку журналов и бросил в зал.

- "Молла Насреддин" шлет вам привет! - бодро и задиристо сказал он.

Мгновенно слушатели расхватали все номера.

Гаджи Расул понял, что медлить невозможно. Выбежал к трибуне, оттолкнул тщедушного, низкорослого Сабира и, с треском опустив увесистый кулак на кафедру, сказал с укоризной:

- Господа, господа! Что с вами? Вы же цвет нации, воплощение мудрости мусульманства. Как можно верить подстрекательству "Моллы Насреддина"? Да он давно продался грузинам. Он изменяет шариату. Вероотступник, он права не имеет именоваться мусульманином. Не случайно нахичеванцы отреклись от него, изгнали из своей общины. Его святейшество почтенный Абдул Гамид сказал, что убийство "Моллы Насреддина" святое дело. Слова Моллы греховны, мерзопакостны. Журнальчик его поганый, не прикасайтесь! Его поэт - вон, вон он! - такой же богохул и потрясатель спокойствия, не доверяйтесь ему. Будьте благоразумны, не позорьте вы нас перед властью. А если слух о такой крамольной демонстрации дойдет до самого Гаджи1, нашего высокого покровителя? Одумайтесь! Не подобает нам, мусульманам, уклоняться от верности царю-батюшке, всемилостивейшему государю Николаю Второму!

В заднем ряду поднялась жилистая рука Мешади Гусейна.

- Господин председатель, я не имею чести быть членом благотворительного общества. Я - пекарь, мастер. Мой хозяин Гаджи Расул может подтвердить мою благонадежность. Не грех бы выслушать мнение бакинского рабочего. Как, разрешаете?

Тотчас раздались поддерживающие голоса: - Пусть скажет!

- Слово рабочему!

Председатель окончательно растерялся.

- Господа, господа! Здесь нет рабочих или нерабочих. Здесь собрались равноправные представители мусульманства. Следовательно, каждый правоверный, - он повторил с ударением, - правоверный мусульманин имеет право выступить.

Неторопливо шагал Мешади Гусейн на трибуну. Положил натруженные, с взбухшими жилами волосатые руки на покатую доску кафедры и сказал:

- Господа, трудно мне судить о словах высокоуважаемого господина учителя Таирзаде. Как говорится, не моего ума дело. И послание "Моллы Насреддина", прочитанное им же, тоже не подлежит моему суждению. Я в такие высокие материи не вмешиваюсь. Но были сказаны им, и сказаны очень громко, слова в самом конце выступления, и, услышав их, мое сердце обрело дар речи. Почему? Потому что эти слова являются сейчас и нашими словами, мнением бакинских рабочих. Мы, бакинские труженики, присоединяем свой голос к призыву "Моллы Насреддина" и восклицаем: да здравствует свобода, да здравствует революция!

Задние ряды бурно захлопали. Столпы бакинского общества, восседавшие в креслах в первых рядах, испуганно втянули головы в плечи, а кое-кто и придержал каракулевую папаху, будто опасаясь, что шквал аплодисментов сорвет ее.

А Мешади Гусейн с достоинством сошел с трибуны и, не глядя по сторонам, проследовал к своему месту у самой двери.

Гаджи Расул снова пытался унять уже загремевшие голоса. Размахивая зажатой в левой руке папахой, он вскинул вверх правую, крашенную хной, сверкавшую кольцами.

- Господа! Всеблагий Керим-ага! Друзья! Наше собрание не митинг, а деловое заседание благотворительного общества. Здесь не место произносить бунтарские речи! Слова презренного журналиста и этого простого пекаря - опасные слова. За них не похвалят. - Гаджи Расул выразительно выпятил губы. - Мы, кавказцы, верны государю императору и не можем сочувствовать амшаре Саттархану. Если есть у нас лишние деньги, - ресторанщик вдруг смущенно закашлял, - да, да, лишние, - потратим их на местные нужды. Государь император двинул свои войска на подавление тавризского восстания, мы же здесь в стенах благотворительного общества слушаем слова сочувствия повстанцам. И, господа,

это продолжение девятьсот пятого года, армяно-татарской резни. Не шутите с огнем!

Из стоявшей у двери группы молодежи послышался тоненький, видимо измененный из предосторожности, голос:

- Будь проклят, черт свинячий!

Слушатели не смогли сдержать смеха, со всех сторон посыпались насмешливые замечания, но неожиданно Гаджи Расул осмелел, заулыбался, всплеснул в восторге руками и объявил:

- Господа, тсс, господа, какое счастье, - гордость нации, наш благодетель, - ресторанщик задыхался от умиления, - высокочтимый творец милосердия! Тсс!

В зале стало тихо. Взоры всех обратились к дверям. Пробежали на цыпочках раболепные лакеи, и в зал вступил некоронованный властитель, нефтяной король, миллионщик Гаджи Зейналабдин Тагиев.

Сабиру показалось, что при появлении Тагиева собравшиеся в зале пригнулись, как бы стали ниже, сжались; даже с величественного Мирмагомеда Керим-аги слетела обычная спесь, а наглый Гаджи Расул буквально на глазах превратился в расшаркивающегося официанта.

Тагиев не смотрел по сторонам, и было понятно, что он никого не видел, никого не замечал, что все присутствующие здесь для него ничего не значат.

Широкое лицо Тагиева было бы приветливым, если бы не застывшее, словно маска, выражение скуки; опустив голову, ни с кем не поздоровавшись, даже никому не кивнув, он прошел в президиум.

Ему предложили кресло - отказался; Гаджи Расул метнулся, чтобы принять из его рук трость, - Тагиев не отдал, будто собирался использовать ее как дубинку против непослушных.

- Господа! - громко сказал он. - Мы, кавказские мусульмане, готовы пойти на всякие жертвы, навстречу любой опасности ради своего царя. Это вам известно. Мы не отдадим свою первородную честь разбойникам и проходимцам, ведущим стрельбу на улицах Тавриза. Безбожники типа "Моллы Насреддина" сбивают вас с истинного пути. К нему ныне присоединился тифлисский бедняк Нариманов, призывающий к выступлениям против царя и царского правительства. Они, и только они, уговаривают вас сочувствовать тавризским бандитам! Но среди тифлисских мусульман есть и другие подстрекатели. То хотят менять наш алфавит, то издеваются над шариатом, то, потеряв всякий стыд, тянутся, чтобы сорвать с женщин чадру. Коварнее всех Нариманов! Голодранец, в кармане двугривенного нет, а

хочет учить правоверных уму-разуму. Он учился на мои деньги, но я теперь прекратил выдавать ему стипендию и раскаиваюсь в прежнем легкомыслии. Пусть-ка узнает, как, с каким трудом достаются деньги. Нариманов из России привез социал-демократические идеи и пытается сбивать с толку мусульманскую молодежь. Опомнитесь же, господа, пока не поздно. Пришли страшные времена. Когда вы создали это благотворительное общество, я же не спорил, в деньгах не отказывал... Что же, я давал деньги на такие антиправительственные сборища? На поношение нашего царя и персидского шаха, да продлит аллах его дни! Не позорьте нацию. Узнают в Петербурге, и мы потеряем весь авторитет в глазах государя. Раз простили, два простили, а теперь возьмут за горло - имя свое забудешь. Весь мир занимается коммерцией, промышленной деятельностью, а вы произносите бунтарские речи, приветствуете нечестивца Саттархана. У меня иссякло терпение! Лучше быть слугой умного, чем повелителем дураков.

Тагиев говорил отрывисто, грубо.

- Чем иметь дело с такими невеждами, я лучше овец пойду пасти!

Он с треском стукнул тростью по столу, будто поставил точку.

Никто не аплодировал: это было б кощунством. Именно так - почтительным, согласным молчанием - и нужно было поблагодарить Тагиева за столь мужественное предостерегающее выступление.

Из-за спины опустившегося в кресло Тагиева выскочил к самому концу помоста Гаджи Расул; ресторанщик понял, что следует воспользоваться благоприятным моментом.

- Да, да, здесь мусульманское общество, и мы будем говорить о добрых делах, о шариате, о божьих деяниях, а не заниматься непристойными демонстрациями.

Он высоко поднял книгу в бархатном переплете с золотым тиснением, воскликнул:

- Правоверные! Иждивением отца нации наконец Коран пророка переведен на наш родной язык. Тысячу триста лет существует священная книга, но мы читали ее лишь по-арабски. Свершилось! Почитаем же ее сейчас. Пусть вещие слова благовестника облагородят наши души, осветят благодатью господа наши затуманенные головы!

Предложение всем понравилось: чалма святейшего казия склонилась в знак согласия, Тагиев одобрительно скривил губы.

Раздались голоса в зале:

- Просим, просим!

- Вполне разумная мысль.

- С какого же стиха начинать? - обратился сиявший от счастья Гаджи Расул к Мирмагомеду Керим-аге.

- О, это безразлично, - расчесанная борода богослужителя качнулась из стороны в сторону. - Каждая страница Корана священна и достойна преклонения.

В последнем ряду поднялась коренастая фигура Мешади Гусейна.

- Разрешите, я прочту.

Гаджи Расул подумал, что малограмотный пекарь, ни единого слова не знавший по-арабски, стремится поскорее прильнуть к источнику мудрости и именно сейчас, в присутствии Гаджи Зейналабдина Тагиева, он и смоет чтением Корана свои прегрешения, вольные и невольные.

- Прошу.

Мешади Гусейн, выйдя на трибуну, совершил салават, провел руками по лицу от лба к подбородку и взял Коран,

- Прочту вам сурубуджарат. В это время раздалось негодующее замечание первосвященника:

- Поцеловать бы Коран-то надо, брат рабочий.

- Я много раз целовал его, Ахунд-ага, - пожал плечами Мешади Гусейн.

- Вай, какое горе, если и сегодня припадешь смиренным лобзанием.

- Я бы поцеловал, да боюсь осквернить новенький переплет своими грязными рабочими губами,- ловко вывернулся хлебопек.

Тагиев недовольно нахмурился.

- Да читай, читай, дело не в обряде, а в духе веры!

Мешади Гусейн, набожно вздыхая, открыл Коран, нашел нужное место и сладким, елейным голоском начал:

- "Когда скончался сын пророка Ибрагим, рожденный его женою Марией, то пророк сильно плакал и говорил: "Хотел бы пасть жертвой за тебя", но одна из жен пришла и сказала: "Не убивайся, это же не твой ребенок, а слуги твоего Джариха Губбина", и пророк вызвал к себе хазреда Али и повелел - иди и убей Джариха Губбина, он был в сношениях с моей женою Марией".

Кое-где раздались смешки. Солидные благотворители в первых рядах возмущенно зашептались:

- Похоже на любовный роман.

- Что вы, опомнитесь, это точный перевод Корана.

- В Париже это напечатано, там любят похабщину.

- В Баку, в типографии "Каспия", будто не знаете!

А Мешади Гусейн, непрерывно вздыхая, читал дрожащим как будто от волнения голосом:

- "Почтенный Али пошел и увидел Джариха Губбина в саду, и так было страшно во гневе лицо хазреда Али, что слуга испугался и залез на дерево, но сорвался, и шаровары его зацепились за ветку, по-. рвались и взору предстала его срамота. Хазред Али узрел, что бедняга давно уже лишен мужской чести. И, увидев это, хазред спокойно пошел домой, не наказав евнуха".

Кто-то, не вытерпев, крикнул:

- Ахунд-ага, откуда вы взяли этот непристойный роман?

Священнослужитель покраснел, бороденка его затряслась; вне себя от злости он сказал:

- Опомнитесь, это Коран, переведенный слово в слово с арабского и изданный господином Гаджи Тагиевым.

Тагиев через плечо бросил на святого отца любопытный взгляд, и усталая циничная улыбка, показавшая всю степень презрения к собравшимся, тронула его серые губы.

А на трибуне рядом с Мешади Гусейном уже стоял Сабир.

- Не стоит спорить, - спокойно, как бы упрашивая, сказал он. - Это действительно Коран. Пока он существовал на арабском языке, в него никто не заглядывал, а благочестивые моллы умело выбирали места для прочтения. Теперь Коран издан на нашем языке и всем доступен. Хочу спросить его превосходительство господина Тагиева: согласен ли он, чтобы такие строчки читали его дочери? Зачем он печатает такую пошлятину и распространяет среди мусульман, развращая нашу молодежь? Объясните вашу цель.

Тагиев встал и, не посмотрев на Сабира, на Гаджи Расула, с невозмутимым видом прошел через зал к выходу, но веки его дергались, и Сабир понял, что нажил сегодня могущественного врага, который не откажется от любого оружия, лишь бы опрокинуть наземь поэта.

Едва захлопнулась дверь за "отцом нации", как все вскочили, шумно перебивая друг друга, заговорили вразнобой.

Первосвятитель, вздыбив бороденку, подобрав полы широкого халата, тоже попытался улизнуть в боковое фойе, но Сабир остановил его странным вопросом:

- Ваше святейшество, где живет наместник его величества на Кавказе?

- Что за вопрос? - ответил за Ахунда председатель. - Ясно, что в Тифлисе, а не в Баку.

- Мне говорили, что с дозволения господина наместника начался сбор в фонд помощи тифлисским мусульманам1. Так вот, у меня есть скромный подарок.

- Прекрасно, - со страдальческим видом улыбнулся вовсе поглупевший от всего случившегося председатель. - Да

благословит господь бог прах родителей ваших.

Сабир поднял руку, призывая собравшихся к тишине, и громко, горячо прочитал:

Бесстрашный в битвах Саттархан, кто бросил бы тебе упрек?

На повелителя страны позор всемирный ты навлек.

Ты спас любимую страну, ты к - жизни возвратил Иран!

Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттархан!

Тавризцы, честь вам и хвала: вы свой исполнили обет!

Вам рукоплещет друг и враг, вас прославляет целый свет!

И сам пророк в святом раю вам посылает свой привет!

Мой Саттархан, отважный мой, живи ты много-много лет!

Ты человечеству служил - не только миру мусульман!

Тебе, тебе моя хвала, неутомимый Саттархан!

Теперь в зале стоял сплошной гул, все столпились, спорили; благоразумные люди, с трудом выбравшиеся из толпы, тряся животами, спешили к дверям, а вокруг Сабира собралась и бурно рукоплескала молодежь.

- Мирза, как ты допускаешь? - жалобно спросил Гаджи Расул председателя. - Ну что это? Позор предателям народа!- угрожающе выкрикнул он в лицо Сабира. Поэт сдержанно улыбнулся и повторил:

- Позор предателям народа!

Ресторанщик нагнулся, будто его толкнули, и скрылся, провожаемый ликующими возгласами:

- Слава Саттархану1!

- Прокляты верблюды, на которых Гаджи Расул въехал в Мекку!

- Стыдно, стыдно!

Сабир снова поднял руку, и снова в зале стало тихо, а толпа еще теснее прильнула к поэту.

- Господа! Граждане! Кто хочет оказать помощь, пройдите в читальню.

Через минуту зал опустел, а перед столиком библиотекаря, за которым сидел незнакомый собравшимся мужчина с загорелым, обветренным лицом, вытянулась очередь.

- Гаджи Джелебизаде - две пары одежды из лезгинских шалей.

- С фабрики Тагиева работница принесла полрулона белой бязи.

- От портного Джерулле - пять рублей.

- Возчик Керим - три, каменщик Агабала - рубль.

- От учителей русско-татарской школы - семнадцать рублей сорок пять копеек.

- Гаджи Салманзаде Рустам - три мешка риса.
- Посылать в Иран рис?
- Это ленкоранский. Подарки не оценивают. Записывай!

Глава восьмая

ПРАВОСУДИЕ

"Ах, я чем виноват?" - "Молчи! Устал я слушать.
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать". -
Сказал - и в темный лес Ягненка поволок.
И. А. Крылов

Мать! Нет в мире священнее этого имени. Мать! Твои горячие объятия были первым нашим гнездом, первой постелью, первым домом. Ты слышала наши рыдания, наш смех, первый наш лепет. Все мы согревались теплом твоего сердца, твоей любви. Сердце твое всегда было широко открыто для нас.

Материнская любовь - нескончаемое, безбрежное море, а ведь единой капельки достаточно, чтобы, сделать тебя счастливым, обезопасить от происков злых людей.

Мать! И в детстве, и в зрелые годы ласковые руки твои торопятся приголубить нас, погладить по голове, по лицу, когда-то нежному, шелковистому, а теперь огрубевшему, усталому.

У матери одно желание: чтоб счастливыми были дети, которым она отдала все силы, которых выкормила, вырастила, ради которых перенесла невзгоды и лишения. И, кроме этого желания, иных у нее нет. Увы, мир, окружавший вдову Месьму, мир, который струился, как безжалостная, молчаливая река, мир бездушный, с каменным сердцем, не очень-то считался с материнскими чувствами. В пору половодья взбешенные волны захлестывали берега, сметали все на своем пути, и даже голос небес не был слышен из-за неистового плеска...

Но материнское сердце способно выдержать самые страшные несчастья и - уцелеть, не расплескать ни капли любви.

Когда стражники уводили Бандалы со двора, то, пожалуй, Месьма ничего не почувствовала, не поняла, как бы оледенела.

Почувствовал ужас случившегося сын и, терпеливо снося сыпавшиеся на спину и плечи удары прикладов, поспешил успокоить мать:

- Вернусь! Береги Антигу! Не беспокойся, ошибка какая-то, все выяснится, вернусь и начну работать.

Сбежавшиеся поглазеть на арестованного Бандалы соседки услышали эти слова, но Месьма ничего не расслыша-

ла. То ей казалось, что она спит и во сне кто-то рассек мечом ее худую, впалую грудь и вырвал сердце, то она уверяла себя, что это наваждение; протри глаза, смиренно скажи "бисмиллах" - и злые чары рассеются, сын окажется дома, у очага.

Но крепки тюремные запоры, сколько ни повторяй "бисмиллах", а стены темницы не рухнут, вот уже назначен день суда, вот солдаты конвойной команды с примкнутыми штыками ведут по шемахинским улицам понурившегося Бандалы, и столпившиеся на тротуарах горожане провожают его сочувственными взглядами, горькими вздохами.

Суд помещался на втором этаже каменного флигеля во дворе дома Муртузаевых. Если войти в ворота, которые почему-то ночью не закрываются, и повернуть направо, то всегда можно увидеть на ступеньках широкой, пологой лестницы стоящих и сидящих людей. Это родственники подсудимых, свидетели, подпольные адвокаты, согласные за приличную плату состряпать кляузное ходатайство, а то и любопытные. Ступеньки, деревянный пол галереи и коридора отлакированы ногами бесчисленных посетителей; шляпки гвоздей блестят, как серебряные.

В двух просторных залах сразу идут два судебных заседания: в одном судят братьев, из-за кровной мести убивших ни в чем не повинного человека; в другом- Бандалы Керим-оглы. К судам над "кровниками" в Шемахе привыкли; никто не интересуется процессом. Зато суд над Бандалы вызвал в городе возбуждение: не только в коридоре, на галерее, во дворе, но даже на улице весь день толклись люди, с жадностью ловили всевозможные слухи, жалели попавшего в беду парня, осыпали проклятиями судей. А в зал заседания и протолкаться было невозможно.

Судья, высокий, с роскошными седыми бакенбардами старик, в мундире, с золотой цепью на шее, говорил тоненьким, слабым голосом. Он был похож на православного священника, совершавшего молебен о ниспослании дождя. Глядя на него, можно было подумать, что судья уже ступил одной ногой в тот, потусторонний мир и полон милосердия и всепрощения. Но это лишь казалось! Как только придавленный недугами старец мелкими-мелкими шажками добирался до покрытого зеленым сукном стола и начинал говорить от имени "его императорского величества", ссылаясь на "освященные законы", то превращался в кровожадного барса, и суровые приговоры: каторга, виселица - так и срывались с его уст.

И судья оглашал приговоры с таким удивительным хладнокровием, что создавалось впечатление, будто он посылал в

ссылку, в тюрьму, на смерть не живых людей, полных сил, надежд, привязанностей, страстей, а какие-то бездушные портновские манекены. Примерно так же исправный канцелярист списывает в архив ненужные бумажонки, которые валяются под рукою и напрасно загромождают стол. Иногда этих бумажек скапливается уйма, словно с неба падали или ветром их приносило, и судья выносил свирепые приговоры с поразительной быстротой.

Бандалы тоже был для справедливого судьи такой же "ненужной бумажкой", но почему-то сразу смять и выбросить ее не удалось, и упрятать в Сибирь неодушевленную деревяшку все же как-то не представлялось возможным.

Невелик как будто труд уездному суду наказать в назидание народу голодранца батрака, но папка с его делом то появлялась на столе, то возвращалась в канцелярию и упорно разбухала, обрастала все новыми и новыми документами.

Когда стражники схватили и увели Бандалы, то шемахинцы единодушно сказали: "Разрушился дом тетушки Месьмы, потух огонь в ее очаге!"

Вдова и сама понимала, что стряслась беда непоправимая: нет у нее высокопоставленных друзей, коим достаточно словцо замолвить и этим вызволить Бандалы из тюрьмы; нет и денег, чтобы сунуть взятку судьям либо нанять за солидный гонорар знаменитого адвоката-златоуста.

Вся надежда: взывать к господу богу о помощи, но, конечно, даже малым детям ясно, что именно с неба-то ждать помощи и не приходится...

Судебный процесс задержался не из-за вмешательства всевышнего, не из-за взяток и апелляций адвокатов, а потому, что Бандалы оказался нераскаивавшимся преступником, будто ждал заступничества от никому не известного, но всесильного друга. И следователю, прокурору, судье твердил одно:

- Знать ничего не знаю, ведать не ведаю. Напрасно его уговаривали, стращали, запугивали: чистосердечное, мол, признание облегчит участь, а упорство, наоборот, усугубит кару. Парень на своем стоял:

- Знать ничего не знаю!

И прокурор, и судья даже не пытались оспаривать претензий бакинского коммерсанта Гаджи Расула, но девятьсот пятый год с военно-полевыми судами уже миновал, и приходилось вызывать все новых свидетелей, чтобы хоть внешне-то соблюсти благопристойность и незыблемость правосудия.

Наконец нетерпеливый Гаджи Расул прислал испытанного лжесвидетеля Рзу Телли-оглы. Всему Закавказью было

известно его серое, сморщенное, словно морда летучей мыши, личико.

В прошлом году разбиралось дело о крупном хищении овец; когда судебный пристав, оглашая список свидетелей, назвал имя Рзы Телли-оглы, то судья вздрогнул, нервным движением поправил очки, пристально вгляделся в серое личико.

- Господин судья...

- Вон отсюда, гамузум ялан! - Судья был убежден, что умеет говорить по-азербайджански.

- Всемилостивый судья...

На этот раз судья повторил по-русски:

- Всё ложь. Вон отсюда, мошенник!

Пристав развел руками:

- Ради бога, уходи поскорее, Мешади Рза Телли-оглы, не зли судью, не ровен час - в арестанты угодишь!

Убитого горем - деньги-то не заплатят! - лжесвидетеля вывели, а горожане смеялись и радовались: рухнула карьера бессовестного, продажного проходимца, готового за пятерку родного отца сгноить на каторге.

Всего один год прошел, но, как видно, у судьи ослабла память, и когда пристав упомянул в списке свидетелей Рзу Телли-оглы, то старец безмолвствовал.

И вздрогнул он при имени бакинского учителя Таирзаде, поправил сползшие на кончик хрящеватого носа очки, метнул на восседавшего на почетном месте Гаджи Расула: чего ж, дескать, ты?.. Тот пожал плечами.

В начале заседания Бандалы дал отвод Рзе Телли-оглы, но судья так и напустился на парня:

- Он тебе не родственник и не враг. Почему бы ему не быть свидетелем? Закон разрешает ему выступить свидетелем.

- Господин судья, вы же сами в прошлом году...

- Ма-а-алчать! - раздался громовой окрик. Серенькая мордочка летучей мыши скривилась в самодовольной ухмылке.

Едва Рза Телли-оглы вышел к перилам и начал быстро-быстро говорить, как примерный школьник, вызубривший урок, Бандалы вскочил и с отчаянием крикнул:

- Врет, нахально врет!

- Ма-а-алчать!

- Господин судья, клянусь небом, это ложь! Матерью землей клянусь, ложь! Ну откуда шемахинскому жителю знать, скандалил я или не скандалил в Баку? Пригласите бакинцев, пусть они и говорят.

- А кто сломал дверь ресторана?

- Сам Гаджи Расул и сломал!

Судья пренебрежительно усмехнулся:

- Кто ж поверит, что сам хозяин станет ломать двери собственного заведения? - и подозвал переводчика, шепнул ему что-то.

Переводчик, время от времени вмешивавшийся в ход процесса, хотя толком не владел ни русским, ни азербайджанским языками и изъяснялся на каком-то базарном жаргоне, мягко, вразумительно объяснил Бандалы:

- Обвиняемый, вы находитесь сейчас в государственном учреждении, в судебной камере. Здесь тебе не выгон для овец, не яйлаг! Значит, нельзя размахивать руками, нельзя кричать. Хочешь что-нибудь сказать, подними руку, и если господин судья разрешит - оправдывайся сколько влезет!

- Врет, нахально врет! - Бандалы едва не заплакал от бессильной ярости, хотел для пущей убедительности приложить руку к сердцу, но спохватился, что и это как будто запрещено, опустил голову и умолк.

После этого никто уже не мешал Рзе Телли-оглы заливаться соловьем, и он до того разошелся, что обвинил парня в покушении на драгоценную для мусульманского мира жизнь владельца ресторана, - пришлось Гаджи Расулу предостерегающе покашлять, да и судья нахмурился...

А к судейскому барьеру уже легким шагом подошел невозмутимый, серьезный Таирзаде, и весь зал, будто один человек, притаил дыхание; Гаджи Расул вертелся, словно ему за шиворот насыпали горсть песку, а судья то поправлял очки, то перекладывал на столе с места на место бумаги.

- Почему же вы не остановили Бандалы Керим-оглы, когда он начал скандалить? - обратился судья к свидетелю.

- Потому что скандалил не Бандалы Керим-оглы, а хозяин ресторана господин Гаджи Расул. И судить нужно не Бандалы, а именно хозяина бакинского ресторана господина Гаджи Расула, который обманным путем завлек к себе наивную девушку, заточил ее, превратил в шансонетку! Гаджи Расул обманул доверие вдовы Месьмы, доверие сироты Антиги. Судите же теперь сами, кто преступник - любящий сестру парень или бесстыжий купец Гаджи Расул?

- Это все досужие домыслы! - Судья раздраженно стукнул карандашом по краю стола. - Предупреждаю свидетеля о недопустимости личных выпадов против истца... Скажите-ка лучше, кто разбил стекло, кто поломал двери?

- Гаджи Расул.

- Зачем хозяину причинять самому себе убыток? Где логика? - И судья презрительно рассмеялся. - Вы же преподаватель бакинской школы и как будто обязаны владеть

логикой!

- Личные выпады, господин судья, нельзя допускать и в отношении свидетелей, - негромко, но строго заметил Таирзаде. - А логики тут действительно никакой нет, а есть только лютая злоба. Вот когда в порыве злобы Гаджи Расул хотел втащить Антигу обратно в ресторан, то сам и заехал локтем в стекло.

- Но девушку похитили?

- Никто ее не похищал, - уехала с братом домой. Слава богу, в Российской империи крепостного права не существует, и Гаджи Расул не имеет права насильно держать у себя певицу. Так что вы, господин судья, напрасно раздули это кляузное дело и доставляете и нам и себе столько неприятностей. Вполне бы могли вернуть иск хозяину ресторана.

- Это вас не касается! - огрызнулся судья.- Прошу отвечать на вопросы. Вы не защитник и не прокурор, а самый обыкновенный свидетель.

- Нет, господин судья, я как раз и защитник ни в чем не повинного Бандалы Керим-оглы и обвинитель корыстолюбивого и бесчестного Гаджи Расула! - с непреклонной твердостью сказал Таирзаде.- Всю жизнь я защищаю обездоленных и обвиняю угнетателей. Таково уж мое призвание!

Низкорослый, худенький Сабир произнес эти слова с таким достоинством, с такой выстраданной искренностью, что на глазах потрясенного зала растерялся высокомерный, увенчанный золотой цепью - знаком достоинства и царского доверия - судья, дрогнули его бесцветные от старости губы, заплясали по столу пальцы с такими же зелеными, как сукно, ногтями. Попытался он смирить, устрашить гневным взглядом Сабира, но наткнулся на такие смелые, колючие, горящие дерзостью глаза, что невольно потупился.

- А кто же, по-вашему, должен возместить расходы почтенного Гаджи Расула? - вновь овладев собой, пробормотал судья.

- Гаджи Расул всюду и везде разглагольствует о своих благотворительных заслугах перед мусульманами,- рассмеялся Сабир. - Если он потратил несколько рублей на сироту, от всего сердца скажем спасибо...

- Э, нет, нет! - завопил вскочивший ресторанщик, в отчаянии схватившись обеими руками за голову. - Не на улице деньги нашел, чтобы раздаривать их шемахинским голодранцам! Я от благотворительности не отказываюсь, но Антига тоже могла бы собрать на свое учение рубль-другой. Откуда я знал, что эта курочка, не успев снести золотое яичко, склюет подкладыш?

- Слышите? - тихо, но выразительно спросил Сабир и

судью и всех присутствующих. - Купец старался ради своего дохода, не ради Антиги.

- Вам бы такие доходы!

- Ну, нельзя же претендовать только на прибыль, порою приходится понести и убытки, - с добродушным терпением, будто утешал капризного ребенка, сказал Сабир, и это прозвучало так ядовито, что зал взорвался смехом. - Господин Гаджи Расул лучше меня знает законы коммерции!

- Будь проклята такая коммерция! - простонал ресторанщик.

Судья предупредил публику, что в судебной камере смеяться недопустимо, он прикажет приставу очистить зал и поведет процесс при закрытых дверях. Заодно пришлось попросить и Гаджи Расула не пререкаться со свидетелем, - неохотно сказал об этом судья, но все-таки сказал: порядок есть порядок.

Когда в зале стало тихо, он с мрачным видом заметил, и голос его был исполнен скрытой ненависти:

- Свидетель Мирза Алекбер Таирзаде, вот вы утверждаете, что парень ни в чем не виноват, а ведь есть же свидетели, которые видели, как Бандалы ударом ноги раздробил ресторанные двери.

- Где эти свидетели?

- Перед вами выступал господин Рза Телли-оглы, разве не слышали?

- Нет, не слышал. Если возможно, пусть он повторит свой правдивый рассказ.

С кислой улыбкой судья вторично вызвал победоносно смотревшего и на Сабира, и на зрителей Рзу Телли-оглы. Тот впился растопыренными пальцами в барьер и затараторил, как по-писаному, что вот, дескать, шел он по бакинской улице мимо ресторана "Исламия" и видит, как чабан Бандалы дубинкой ударил по дверям, а потом начал пинать дверь ногой, а потом замахнулся дубинкой на кричавшего: "Полиция!"- высокочтимого Гаджи Расула, и все смешалось в ожесточенной драке.

- А когда случился этот скандал? - бесстрастно, как бы мимоходом спросил его Сабир,

- Пятого мая сего года, - без запинки отрапортовал Рза Телли-оглы и, облегченно переведя дыхание, с умильной улыбочкой покосился на Гаджи Расула: видишь, мол, как стараюсь...

- Так ты ж пятого мая сего года выступал свидетелем в Гяндже и суд там продолжался ровно неделю,- вдруг остановил его Сабир. - Тебе пятьдесят рублей заплатили.

- Какие пятьдесят? Пока задаток получил: четвертной

билет! - вырвалось у скудоумного проходимца.

Если слушатели до сих пор крепились, помня грозное предупреждение судьи, то теперь мочи не хватило- буквально закачались, затряслись от хохота, даже пристав фыркнул, но тотчас спрятал в усах улыбку.

- Зарезал, подлец, без ножа зарезал! - взвыл рассвирепевший Гаджи Расул и показал попятившемуся в страхе лжецу увесистый кулак.

А Сабир невозмутимым тоном успокоил съежившегося жулика:

- Заплатят, ей-богу, сполна заплатят!

Лишь в безжизненном, мумиеобразном лице судьи не дрогнула ни одна жилка, вялым мановением трясущейся руки он велел приставу очистить зал от публики и объявил, что процесс продолжается при закрытых дверях.

Высыпавшие во двор слушатели с наслаждением любовались, как по пятам насупленного, тяжело дышавшего Гаджи Расула бегал безутешный Рза Телли-оглы, колотил крохотной ручонкой себя в грудь, сиротливо шмыгал носом, клялся, бросал на землю и топтал ногами папаху, а купец только отплевывался и сыпал ему на голову проклятия.

Но неожиданно все притихли, замерли, - по лестнице спускался окруженный солдатами с примкнутыми штыками Бандалы; горе замкнуло его уста, и ни стона, ни жалобы не услышали от него, но уже рухнула, как подкошенная, забилась в рыданиях вдова Месьма, и тогда мигом пролетело по толпе: три года каторги. Три года!..

Гаджи Расул приободрился, заломил папаху, с горделивым видом поправил усы и бороденку, а тем временем пронырливый Рза Телли-оглы ухитрился чмокнуть грозного покровителя в пухлую руку.

И через минуту коммерсант и лжесвидетель вышли на улицу, мирно разговаривая, направились к ближайшей чайхане: вспрыснуть удачу.

В служебном кабинете усталый, еле дышавший от изнеможения судья бережно снял, спрятал в шкаф золотую цепь, рывком расстегнул воротник мундира, рухнул в кресло: фу, ну и денек...

- Не кажется ли вам, что приговор чрезмерно жесток? - осторожно осведомился секретарь суда, с безукоризненной аккуратностью раскладывая по папкам уже ненужные теперь документы.

- В наши руки попал дикий азиат,- помолчав, собравшись с силами, сказал судья. - Дай ему волю, он не то что ресторанную дверь - наши дома разрушит. Следовательно, в этом деле нужно смотреть не в букву, а в суть законов, пока что, слава

богу, ограждавших благоприобретенное имущество порядочных людей, к коим я причисляю Гаджи Расула, между прочим, помощника и друга господина Тагиева. Жизнь показала, что стоит только ослабить узду, как начинаются восстания, ну, такие же как в девятьсот пятом году. Зачем же мне отпускать этого чабана на свободу? - Судья говорил слабеньким, прерывающимся голосом, но в словах его прозвучала беспощадная, зловещая ярость, и секретарь поторопился выразить свое согласие. - Значит, закон и присяга повелевают мне самоотверженно выполнить долг перед обществом, - плавно закончил старец.

- Вполне с вами согласен, но в приговоре есть убедительный повод для кассации, - заметил секретарь.

- Расходы по кассации, вероятно, будет нести Гаджи Расул, а не мы с вами, - усмехнулся судья.

А на опустевшем дворе дома Муртузаевых, опустив голову, стуча по камням тростью, бродил подавленный, удрученный Сабир. До отхода фургона оставалось полчаса, и ему не хотелось гулять по шемахинским улицам, дабы не привлекать назойливых взглядов горожан. А утешать тетушку Месьму он не мог. Надо было бы зайти, хоть как-то успокоить, а вот не мог, - подходящих слов не находилось.

Значит, процесс закончился и, вероятно, подавать кассацию бесполезно. "Я ни в чем не виноват", - твердил Бандалы, и никто не сомневался, что это правда. Как будто существуют и законодательство, и адвокатура, и факты, и судебные доказательства, но достаточно было влиятельному богачу шевельнуть пальцем, как приговор был заранее определен: каторга.

Сигнал, поданный Гаджи Расулом и, несомненно, подкрепленный взяткой, дошел до бакинского градоначальника, а затем до шемахинского пристава, а потом, как и следовало ожидать, до следователя, прокурора, судьи, и уже не имело значения, где правда, а где ложь, и оказалось, что парень, единственный сын полунищей вдовы, днем то пасущий в горах овец, то пашущий землю, чужую, хозяйскую, между прочим, землю, то пекущий хлеб в пекарне, по ночам превращался в демона и разводил смуту. А где же быть нечестивому смутьяну, как не в тюрьме?

У приведенного в суд Бандалы хватило догадки только клясться, что он не виноват, не причинил Гаджи Расулу никакого ущерба, что его оклеветали, отомстить захотели... "Господин судья, я попался из-за Антиги. Прошу решить это дело по справедливости. Я глава семьи, бедняк. Никогда в жизни не делал худого, а что касается Антиги, так ведь она ж сестра. Это ж надо понять! Родная сестренка. Если я привез

домой сестру, то такое деяние ни шариатом, ни царским законом не запрещается!" - вот как горячо и как наивно защищался на суде парень, держа за спиною плотно сцепленные руки, ибо помнил, что жестикулировать не имеет права...

Взглянув на часы, Сабир увидел, что ему следует поторопиться, иначе он опоздает на молоканский фургон Агафона, и, не поднимая головы, не глядя на прохожих, зашагал по улице, ощупывая тростью, как слепец, каждую выбоину мостовой. Джума-мечеть бросала на город тяжелую тень, а когда Сабир оглянулся, то заметил, что в противоположной стороне также всевластно, уверенно затенял дома тюремный замок.

Там в узкой зловонной камере томился уже забытый судьею Бандалы: ведь дело закончено и списано в архив, - чего ж о чабане помнить?

Услышав приговор, парень сперва удивился, потом возмутился, а очутившись в камере, как бы со стороны, хладнокровно посмотрел на случившееся и впервые понял, что законы, суд, справедливость, благочестие- пустые, бессмысленные слова. Нет в мире такой силы и такого закона, которые бы помешали судье сделать то, что он захотел. Седовласый старец, кичившийся богобоязненностью, равно уважавший и православных и мусульманских священнослужителей, слывший в городе примерным семьянином, любящим и заботливым отцом, надругался над верой юноши в справедливость.

Свернувшись, будто птица с переломленными крыльями, на нарах, Бандалы припоминал наставления Таирзаде и Мешади Гусейна и раскаивался в юношеской беспечности, в том, что пропускал мимо ушей их мудрые слова.

Оказывается, они знают о жизни то, о чем Бандалы и не подозревал; парню было трудно жить, но он успокаивал себя, что все это временное, случайное, что всевышний с небес увидит его страдания и сжалится над ним и благословит счастливым жребием.

"У кого в руках власть, тот и прав, а власть теперь-деньги",- говорил с горькой улыбкой Мешади Гусейн.

А Сабир сказал иначе:

Правду за ложь ты выдавал, братьев за взятки ты продавал,

Бросив родных в слезах.

Честь и злочесть ты смешал, едва адвокатом стал,

Бросив совесть во прах.

Возмужавший за эти недолгие дни, прозревший Бандалы со стоном отрекся от закона, шариата, Корана, от святейшего

казия.

Разглядывая сейчас свои крепкие, с мозолистыми ладонями руки, он вспомнил похвалы Мешади Гусейна рабочему люду, который кормит весь народ, и впервые за последнее время ощутил уверенность и бодрость.

"Пока эти руки сильны, я живу, - сказал себе Бандалы. - Мало ли правдолюбцев и защитников угнетенных гниет теперь в Сибири. Чем я лучше их? Я их хуже, ибо еще ничего не сделал для народа. Отхлебну же и я от чаши их страданий. Как-нибудь перебьются с хлеба на воду мать и сестра эти три года, может, помогут светлые духом, такие, как Таирзаде. А я... Я вернусь иным!"

От Джума-мечети отъехал, гремя, будто кандалами, коваными колесами по булыжнику, молоканский фургон, увозя в Баку согбенного горем Сабира.

Глава девятая

ВЕЧЕРНИЕ УРОКИ

Хотим единения, а идем к расколу!

Сабир

Сабир поселился в маленькой, узкой, невзрачной комнатке школьного здания в Балаханах: стол, стул, тощая койка, этажерка с книгами; дверь выходит прямо во двор, единственное окно смотрит на дорогу, ведущую к нефтяным промыслам.

Дни проходили незаметно, и школьники, щебечущие, словно весенние птицы, радовали сердце учителя, но наступал осенний вечер, тишина опускалась на опустевший, стоявший на отшибе дом, нагоняла жуть на душу Сабира... Сторож в рваном тулупчике обходил классы, проверял, надежны ли запоры дверей и окон, а затем спускался в подвал и заваливался на нарах, густо храпел до утра.

И Сабир оставался наедине с безмолвием.

В эти часы он вспоминал жену, детей, оставшихся в Шемахе, и скупая мужская слеза утяжеляла его ресницы. Скудно платили народному учителю, и высшего, кроме стихов, блага - жить вместе с семьей - не могла даровать ему жизнь. Он думал о Бандалы, об Антиге и сочувствовал им всем сердцем. Парня, наверно, угнали в сибирские дали, - попробуй-ка вырваться!.. Хорошо хоть, что Шарифа-ханум как будто согласна взять Антигу в свой пансион, - на днях даст окончательный ответ. Если удастся пристроить девушку, то можно не беспокоиться о ее дальнейшей судьбе. Но все это дела шемахинские, а ведь и здесь, в Балаханах, Сабиру изо дня в день приходится, стиснув зубы, терпеливо сносить подозрения кичливого директора школы Ахмед Кямала,

слежку инспекторов, как светских, так и духовных. Есть с чего затосковать!

Он забывался за книгами, находил успокоение в газетных телеграммах о победоносных сражениях тавризских повстанцев; до поздней ночи горела лампа на его столе, и часто, отодвинув локтем книги, журналы, он тянулся к заветной тетрадке и погружался в мир поэзии. Здесь Сабир был всемогущим, здесь, и только здесь, он не страшился клеветы, преследований, гонений; он, создавая стихи, был властителем слова, восхищавшего и потрясавшего человеческие души. Не все его стихотворения могли быть напечатаны сейчас, сегодня; даже бесстрашный, благородный Джалил Мамедкулизаде порою отступал под натиском цензуры, чтобы спасти журнал, - Сабир знал об этом, но стойко верил, что рано или поздно, а голос его услышит весь родной народ, от старца до подростка.

Устав, почувствовав, что неуверенной становится рука мастера, Сабир откладывал тетрадку и выходил к воротам, долго стоял там, будто дожидался желанной встречи с другом.

В дорожных ямах застыли лужи мазута; запах его был удушливым, зловонным, терпким, даже ветер, резкими порывами летевший с моря, не мог разогнать тяжелых жирных испарений.

С промыслов в этот час возвращались нефтяники; шагали они медленно, утомленно, но разговаривали друг с другом нарочито громко, словно хотели раздробить в куски густую, плотную осеннюю тишину.

Завидев учителя, стоявшего, как сторож, у школы, рабочие вежливо здоровались с ним, но не заговаривали, быстро проходили мимо: конечно, они относились с почтением к воспитателю и наставнику их детей, но поэта Сабира не ведали - читать-то почти все не умели...

А Сабир, отвечая на приветствия, провожая нефтяников сосредоточенным, пытливым взглядом, думал, что детей-то их он посильно готовит к грядущим испытаниям, вооружая грамотой, знаниями, но ведь надо позаботиться и о самих рабочих. У этих людей, дни и ночи, в холод и зной, в бурю и затишье трудившихся на буровых, дыхание льва, сила легендарного дива, но они сами не знают собственного могущества, ибо ослеплены невежеством, поголовной неграмотностью, предрассудками. О, если б дать им знания, пошире открыть их соколиные очи, озарить их умы чудодейственным светом современной науки, разве они продолжали бы молча терпеть нечеловеческие лишения, гнет, страдания!

Светоч школы ведь затем и возник,

Чтоб цветок ума расцвел без шипов.

Давно уже Сабир произнес эти вещие слова, но, может быть, теперь, в Балаханах, куда его забросила немилостивая судьба, ему надлежит делом подкрепить и подтвердить свои же стихи, наконец-то взяться за просвещение рабочих?

И на следующее же утро он сказал директору школы, что крайне необходимо открыть вечерние классы для рабочих.

Ахмед Кямал от удивления выпучил глаза.

- Господин Мирза Алекбер, да вы в уме ли? Ведь для этого нужны деньги, деньги и еще раз деньги! Подсчитайте-ка, - и он загнул палец, - сколько придется платить учителям, сторожам, надзирателям. А сколько керосина выгорит в лампах? Ученикам, хоть маленьким, хоть великовозрастным, нужны тетрадки, карандаши, перья, книги. Где мы достанем деньги?

- В благотворительном обществе.

Откинувшись на спинку кресла, директор гулко рассмеялся.

- Там можно добыть деньжонок на банкет или на подарок его святейшеству казию, а заикнись о вечерних классах для рабочих, так казначей поклянется, что общество находится на грани банкротства!

- Но рабочие изнывают в невежестве!-воскликнул Сабир. - Грамоте бы хоть научить, чтобы газеты каждый день читали.

- Рабочие мечтают только об одном, - черство возразил директор, - о куске хлеба, о похлебке, даже без мяса. Хм, газеты!.. Обойдутся как-нибудь и без газет. Им бы лишь нажраться! Помните, как сказал один поэт? - с многозначительной улыбкой заметил директор.

Себе ты пищу поищи - найдется в добрый час!

А нет - голодным ляжешь спать, тебе не в первый раз!

Сабир несколько озадаченно выслушал свое же стихотворение и, пожав плечами, ушел.

Вечером он навестил Мешади Гусейна, обстоятельно поговорил с ним.

Вероятно, директор уже решил, что с вопросом о вечерних классах покончено, но Сабир явился к нему снова и заявил, что учителя согласны обучать рабочих бесплатно, а сторожам, уборщицам, за свет и тетради станут сполна платить сами нефтяники. Ахмед Кямал недовольно поморщился.

- Ведь надо получить разрешение господина попечителя учебного округа, - вяло забрюзжал он. - И к губернатору придется обращаться.

- А вы и обратитесь, - спокойно сказал Сабир.

- Ну, мне-то зачем эти классы? Я тружусь в нормальной

школе для детей. Казалось бы, этого хватит! Не разорваться же!

- В большинстве русских городов уже имеются народные университеты, - настойчиво убеждал его Сабир. - Ив Тифлисе тоже есть вечерние курсы для рабочих. Собственными глазами видел!.. Мирза Джалил называет самой светлой своей мечтой желание сделать всех мусульман грамотными. Неужели эта мечта неосуществима? Я не могу поверить в это! - решительно сказал Сабир. - Наш священный долг, дело нашей совести научить балаханских рабочих, выходцев из деревни, хотя бы азбуке, чтению по слогам. Мы, господин директор, вполне с этим справимся.

Напрасно Ахмед Кямал отнекивался, умолял, спорил, ссылался на какие-то циркуляры и приказы - Сабир настаивал на своем.

А когда директор с ужасом узнал, что его несговорчивый учитель самолично посетил многих высокопоставленных представителей мусульманской общественности и добился от них согласия на открытие вечерних классов, то спохватился, что дело-то, пожалуй, уплывет из его рук и все лавры достанутся одному Сабиру. Тут уж нельзя было мешкать, и неожиданно Сабир обрел в директоре самого надежного и расторопного помощника.

И спустя недели две на стенах бакинских домов появилось написанное от руки большими буквами объявление:

"При Балаханской школе открываются курсы для рабочих-мусульман. Преподавателями приглашены учителя и известные бакинские просвещенцы. Записываться на курсы можно в школе у г-на Алекбера Таирзаде. Занятия начнутся 25 октября".

Теперь Сабиру не приходилось тосковать в одиночестве по вечерам. Как только спускались серые, мрачные сумерки, по лестнице, но деревянному полу галереи стучали, топали, шаркали тяжелые разношенные сапоги... Записалось на курсы около сорока рабочих, и большинство из них аккуратно посещало занятия. К удивлению Сабира, поступил в вечерние классы и Мешади Гусейн, судя по всему, человек не только грамотный, но и всесторонне образованный.

- Да тебе-то зачем?

- Ну сам же говорил, что надо учиться до самой , смерти, - сдержанно улыбнулся хлебопек. - Да и к народу как-то поближе.

Заслышав шаги учеников, Сабир надевал сюртук и, счастливый, приятно возбужденный, шел в класс, Он встречал рабочих, как дорогих гостей, беседовал с ними запросто, душевно, зная, что они - и пожилые и молодые - пришли сюда

после работы, устали, еле на ногах стоят и только невероятным напряжением воли удерживаются на уроках от сна. "Наша школа... наши учебники", - говорил Сабир с подчеркнутой деликатностью, чтобы нефтяники - упаси боже! - не видели в нем обычного благотворителя.

- Если будем живы-здоровы, - беспечно, весело сказал он на первом уроке, - то к весне вы научитесь читать и писать. Это и трудно и легко. Трудно, ибо я знаю условия вашей жизни. Легко потому, что вы действительно хотите учиться, не боитесь препятствий. Кроме изучения азбуки, мы станем на уроках читать вслух газеты и журналы, чтобы вы разбирались в происходящих событиях, правильно понимали, скажем, смысл тавризского восстания. - По классу пронесся гул, рабочие зашептались, заулыбались, и, поняв, что творится в их душах, Сабир с нажимом повторил: - Да, смысл тавризского восстания. А сейчас, друзья, перейдем к азбуке...

Пока Сабир коротал вечера в по-своему сложных уроках с балаханцами, директор Ахмед Кямал порхал по бакинским салонам и в кругу меценатов, благотворителей распинался о собственных заслугах на ниве народного просвещения; он завернул и в общество учителей-мусульман, бил себя там кулаком в грудь и бахвалился успехами вверенных ему курсов для "младших страждущих братьев наших".

Но Сабир не унывал, с иронической улыбкой наблюдал за директором, - уроки проходили интересно, ученики старались, хотя порой и кряхтели, и выбивались из сил, и жаловались друг другу на строгость учителя: "Этот Сабир-то строгий!.." Да мать так терпеливо не возится с малышами, как занимался с ними, трясясь над каждой буквой, каждым слогом, поэт, забывший этой осенью о заветной тетрадке со стихами.

И еще одна радость была у Сабира: однажды перед уроками Мешади Гусейн шепнул ему такую счастливую весть, что учитель сперва просиял, потом недоверчиво нахмурился, потоки положил руку на плечо хлебопека, притянул его к себе.

- Да как же ты не побоялся устроить его в пекарне? А полиция?

- Ну, у нас в подвале закоулков много, как-нибудь спрячем, - усмехнулся Мешади Гусейн.

На вдову Месьму обрушилось новое испытание: в ее полутемную, сырую, опустевшую после отъезда Антиги в бакинский пансион Шарифы-ханум хижину явился сам пристав Исрафил-бек в полном параде, - с медалями, аксельбантами, с саблей в блестящих ножнах.

Расправив пышные усы, покашляв, для чего-то заглянув

и под скамейку и за тахту, пристав обратился к тетушке со странным, и обрадовавшим и перепугавшим ее вопросом:

- А где Бандалы?

- Господи милосердный! - Вдова, почувствовав, что затряслись ноги, так и брякнулась на палас. - Вам лучше знать, где Бандалы, - глядя снизу вверх на пристава, пролепетала Месьма, - вы ж его заточили в темницу!

Пристав медленно вытащил платок, развернул, встряхнул, трубно прочистил нос; все его движения были ленивыми, величественными, даже говорил-то он нехотя, как бы оказывая старушке милость.

- Если не скажешь, мы тебя, негодную, закатаем в Сибирь!

Тетушка уже справилась с растерянностью, встала, накинула чадру, прикрыла согласно обычаю рот.

- Нашел, чем пугать, - смело сказала она. - И в Сибири люди живут. Хуже, чем я здесь прозябаю, жить уже невозможно. Да я на себя добровольно кандалы надену, лишь бы такой высоконравственный мусульманин, как ты, получил от царя награду и повышение. Ссылать безвинных людей в Сибирь - дело не новое.

Исрафил-бек, заметив, что тетушка издевается над ним, с любопытством взглянул на Месьму, дунул в усы и гаркнул:

- Эй, арвад, думай, что говоришь!

- А зачем мне думать, если ты думаешь за меня? - Тетушка передернула плечами. - Царь Николай пока что не ссылал женщин в сибирские леса, не слышала об этом. А ты, зовущийся Исрафил-беком, побывавший и в Мешхеде, и в Кербале, ты, сын паломника, целовавшего камни Мекки, грозишь мне каторгой! Ну и грози. Что я могу поделать?

Даже видавший всякие виды пристав как будто растерялся, опять полез в карман брюк за платком, опять долго, торжественно сморкался и наконец сказал мягким тоном:

- Замолчи, замолчи, никто тебе не угрожает. Все обойдется по-хорошему, только покажи, где прячется сын.

- Так он убежал?

- А конечно, убежал! Будто не знаешь.

- Ничего не знаю и от тебя теперь, нечестивый, требую ответа: где Бандалы, когда он убежал, куда? Верните мне сына! Вы, вы оклеветали его, беднягу! Вся царская власть сцепилась с ребенком. - Подняв руки, указывая на небеса, тетушка гневно сказала: - Эй, бек! Господь-то все видит, придется тебе отвечать перед всевышним за свои прегрешения.

Исрафил-бек не знал, как ему поступить: то ли рассердиться, еще разок припугнуть вдову, то ли попытаться умилостивить ее суровое сердце? Вспомнились ему рассказы

о колдуньях, посылавших на людей недуги и беды... Походив по дому, с силой почесав затылок, он сказал с невинным видом:

- Тетушка, пойми, я - человек подневольный, состою на государственной службе: мне велели - я выполнил. У нас, мусульман, - ты не подумай ничего худого - есть, есть такая привычка: идешь в дом с добрыми намерениями, а тебя встречают как злодея. Мне приказано отыскать... - Исрафил-бек хотел сказать "живым или мертвым", но споткнулся, быстро поправился: - Гм, отыскать твоего сына и препроводить в тюрьму. Можешь называть меня езидом, это уж как тебе захочется, но я мусульманин и всегда готов помогать, а не вредить Бандалы. Пусть он придет сам в полицию с повинной, начальство успокоится, истец тоже успокоится, поостынет, а я тем временем что-нибудь придумаю. Ведь все в наших руках!

"Вот это святая правда: все в ваших руках",- подумала, безвольно понурившись, вдова Месьма.

- И знаешь, русские очень мягкосердечны, - продолжал, воодушевляясь, пристав. - Наш всеблагий царь, дай бог ему здоровья, назначает начальниками только добрых людей. Возьми господина Данильского, - бывали дела похуже, а он прощал, выручал из беды виновных. Вот пусть Бандалы прямо идет к господину Данильскому: сглупил, мол, по молодости... Посидит два-три месяца, а там, глядишь, выпустим на поруки.

- Да за него в любой миг поручится Мирза Алекбер Таирзаде! - воспрянула духом тетушка.

Исрафил-бек с возмущением посмотрел на сиявшую счастьем вдову, сплюнул, с безнадежным видом махнул рукой:

- Нашла тоже поручителя. Эх, арвад!.. Я тебе стараюсь помочь, а ты все делаешь наоборот, назло. Ну для чего вмешивать сюда Сабира? Будто во всей округе нет иных почтенных людей.

- Всеми уважаемый!

- За такое уважение я ломаного гроша не дам!- отрезал пристав, воинственно нахохлив усы. - Да его к суду больше не подпустят.

- Потому что говорит в глаза правду?

- Э, тут весь секрет в газетах, в его безбожных, крамольных стихах! Над религией издевается. И прошу тебя, тетушка, перестань даже заикаться о Са-бире, - все дело себе же испортишь. Ты - мать, сама вразумляй сына. Так и скажи своему парню: покайся! Терпения и милосердия у господина Даниль-ского хватит и на твоего Вандалы. Кто раскаялся, тому и пощада. Иначе хуже, несравненно хуже будет: увезут

сынка по личному приказу из Петербурга даже не в Сибирь, а на тот свет!

Для пущей острастки Исрафил-бек топнул ослепительно начищенным сапожком и вышел, оставив тетушку в слезах. Нет, не стоят эти голодранцы, эти прачки и чабаны забот и попечений столь просвещенного, набожного мусульманина, коим являлся пристав. А ведь мог бы вместо себя городового Гамбара прислать, очень просто!.. Нет, сам, сам пришел, не погнушался, а вот какая встреча...

Проводив незваного гостя, вдова Месьма взяла веник, аккуратно, тщательно подмела пол, хотела приняться за стряпню, но плошки и сковородки так и валились из ее рук. И бессильно опустилась на палас, съежилась, замерла в тоске.

Сын! Ведь все это время Месьма не расставалась с ним. И во сне и наяву видела перед собой Бандалы. То ей казалось, что она идет по каменистой дороге, пробирается сквозь колючие изгороди, держа на руках -босоногого веселого мальчугана. То он представлялся ей плачущим у тендыра, и она совала ему кусок свежеиспеченного чурека, успокаивала, гладила но шелковистым волосам. То она с замиранием сердца следила издали, как вооруженные стражники гонят куда-то в горы юношу, и осыпают его проклятиями, и грозятся пристрелить, и уже послышались гулкие выстрелы, и, проснувшись в этот момент, Месьма рыдала: "Вай, вай, бедный ребенок, сиротинка ты моя, о боже, куда запропастился?"

А по каменистой дороге к железнодорожной станции шла не Месьма с крохотным, круглолицым первенцем - брел изнемогавший от жажды, от усталости Бандалы, конвоируемый заспанным ленивым стражником.

- Эй, Мелик, будь человеком, позволь отдохнуть хоть с полчаса вон в той роще.

- Иди, иди, помалкивай! С часовым говорить не разрешается, сейчас пристрелю, - огрызнулся Мелик, вскидывая ружье.

- А за что?

- Если арестант спорит, пререкается со стражей, застрелить его вполне можно, - вяло пробормотал Мелик.

- Значит, мне и слова вымолвить нельзя?

- Значит, нельзя.

- Да как же мне не говорить, когда весь горю, словно в огне?

- А мне-то что!.. Иди, иди. Распоряжение начальства: доставить в полной сохранности и сдать под расписку в арестантский вагон.

- А ты знаешь, за что посылают меня на каторгу?- спро-

сил, остановившись, Бандалы. - Может, я человека убил? Ограбил кого-нибудь? Царя задел бранным словом?

Кара-Мелик, наглый, грубый, как все стражники, не привык к ослушанию. Добро бы какой-то вольный, с которого хоть трешкой разживешься, а тут безродный, голодраный арестант, и на тебе!.. Рассвирепев, Мелик ловко перекинул винтовку и ткнул прикладом со всего размаха Бандалы в плечо, - парень так и рухнул лицом вниз на камни.

- Иди, тебе говорят! - рявкнул стражник.

Но Бандалы не шевелился, лежал, распростершись, в пыли, и Мелик перетрусил: вот так доставил "в полной сохранности", не ровен час - помрет, а отвечать-то кому? Мелику!

- Ну, вставай, вставай, не представляйся! - виноватым тоном сказал стражник, нагибаясь и помогая парню подняться. - Ничего же не случилось. Будешь теперь знать, как спорить с начальством!

- Тяжко быть пленником таких бессердечных людей, - сказал, пошатываясь, Бандалы.

Он уже шагнул вперед, но вдруг с затаенной радостью почувствовал, что веревка, стиснувшая его руки, ослабла, и смерил быстрым взглядом расстояние до лесной опушки, и оглядел с ног до головы тщедушного, дряблого, раскисшего от усталости Мелика.

Подбитый пулей охотника орел хоронится в горной расщелине и ждет, когда нальются упругой силой крылья, чтобы взмыть в поднебесье, вновь ощутить счастье свободного полета.

Так и Бандалы, напружинив мускулы, с дерзким наслаждением увидев, как сильно его молодое тело, вытащил руки из пут, молниеносным движением вырвал винтовку у отпрянувшего Мелика и ударом о придорожный камень расщепил приклад.

- Э, ты... ты что! Чего ты задумал? - сдавленным голосом пролепетал стражник, но уже было поздно: Бандалы так наподдал ему кулаком в висок, что Мелик закружился, словно опоенная лошадь, и в беспамятстве брякнулся на дорогу.

На счастье, ни арбы, ни прохожего не виднелось поблизости, и никто не спугнул, не помешал Бандалы надежно скрутить веревками стражника, скатить его, как куль с мякиной, в канаву.

Миг - и юноша исчез в зарослях орешника.

Всю осеннюю студеную ночь он бродил в Исмаиллинском лесу; трещали, сгибались под ударами ветра сучья, мокрая листва била по лицу, но Бандалы не замечал ни усталости, ни голода, ни стужи,- весь безбрежный мир, горы и

долины, поля и леса, в которых он вырос, с которыми сроднился, опять принадлежали ему нераздельно, и он понял счастье орла, привольно реющего в небе, уверовал, что свобода- самое высшее, самое драгоценное благо жизни...

С тревогой он подумал о матери: городовые теперь вверх дном перевернут ее домик, камня на камне не оставят, на ней, беззащитной старушке, сорвут гнев... Но что ж сделать? Ведь у Бандалы нет на душе преступления. Неужели добровольно возвращаться в тюрьму? У него крепкие, стальной хватки руки, он станет защищаться, как подобает мужчине, а погибнуть придется, значит, погибнет, не ведая малодушия, не изменившись в лице. Чем томиться на каторге, так лучше уже здесь, в лесу, скитаться, вместе с птицами, с дикими зверями. Как чист, свеж, приятен утренний воздух! Разве эта темная дремучая чаща не сумеет скрыть отважного барса?

Но, подумав, все взвесив, Бандалы сказал себе, что бесконечно таиться в лесу не удастся. Здесь-то как раз он и не убережется от сторожевых псов царя: раскинут облаву, окружат сплошной непроницаемой цепью, затравят, убьют... Придется бежать в деревню. А какая помощь от мужика? Ну, накормит, проведет из одного леса в другой, а прослышит о скитальце молла - так прямо после молитвы и выдаст начальству. Таирзаде? Да, он благороден, бесстрашен, но ведь и его травят цепные псы, - убежал вот из Шемахи искать пристанища у бакинских рабочих.

Рабочий - вот кто твой испытанный, верный, неподкупный друг, Бандалы. Уж рабочий-то не оставит тебя в беде, не выдаст, не откажется, не отвернется. Только рабочие никого не боятся, - так недавно, в девятьсот пятом году, строили баррикады, сражались с войсками, смело поднимали красные стяги. И у Саттархана, говорят, в первых рядах бьются с приспешниками Мамедали-шаха тавризские рабочие. А сколько нефтяников ушли добровольцами к Саттархану! Нет, одно дело - наступить змее на хвост, а другое - раздавить гадине голову, вырвать жало, навечно обезвредить, - на такой подвиг способны только рабочие.

И лучшим из них был Мешади Гусейн. "Послушаю, что скажет мастер, его совет для меня священнее слов матери, - подумал юноша. - Скажет: иди в горы к разбойникам, - пойду. Велит отправиться добровольцем в Тавриз, - тоже пойду с полным удовольствием. Убьют? Ну что ж, помянут добрым напутствием: погиб сирота Бандалы за свободу, не в тюрьме сгнил!.. Да, нужно встретиться с Мешади Гусейном, с Таирзаде. Не приведи господи остаться человеку одиноким, даже герою это непосильно,- дыхание друзей согревает душу, вливает уверенное спокойствие в мышцы. Решено, иду в

Баку!"

Срезав тонкую ветку, Бандалы обстругал ее и заткнул, как пробкой, дуло винтовки, обмотал разбитый приклад тряпкой, спрятал отнятое у городового оружие в дупле столетнего могучего дуба, - как знать, может, и пригодится...

И зашагал к станции Ляки, выждал там прихода товарного поезда, взобрался в пустой вагон.

- Махорка есть? - окликнул его кто-то. Сторож? Бродяга, такой же беспаспортный скиталец, каким теперь стал Бандалы?

- Не знаим! - нарочно коверкая слово, пробурчал парень, забиваясь в темный угол, пряча лицо.

Уныло, протяжно прогудел паровоз, заскрежетали колеса, вагон дернулся, покатился.

Ахмед Кямал был выходцем из Стамбула, приехал он в Баку по приглашению своего знатного друга - поэта, философа, публициста Гусейнзаде Али-бека, надеясь совершить здесь блистательную карьеру, а заодно и обогатиться.

Кавказ он искренне считал "страною невежд", кавказских мусульман называл дикарями и не сомневался, что они придут в восторг от его просветительской миссии, на все лады станут восхвалять "ученого литератора", "деятеля прогресса".

Увы, среди бакинских "невежд" отыскались невероятно вредные люди: выслушав речи Ахмеда Кямала на собраниях, внимательно прочитав его статьи в журналах и газетах, они заклеймили гостя позорной, по их мнению, кличкой пантюркиста, прозвали проходимцем, убежавшим из Стамбула от страха перед близившимся судебным процессом.

Словом, Ахмеду Кямалу приходилось туго.

Правда, покровители, и прежде всего Гусейнзаде Али-бек, нашли ему место директора школы в Бала-ханах, но намекнули при этом, что надо бы отсидеться до поры до времени в затишье, пока зловредные слухи не прекратятся сами собой.

И оклад у директора был крохотный...

Но вдруг все изменилось самым чудесным образом: Таирзаде, этот беспочвенный, наивный фанатик, добился открытия вечерних классов для рабочих, и директору, сверх всяких ожиданий, повысили оклад и даже поручили читать наиболее подготовленным учащимся лекции по истории ислама.

Теперь ему есть где развернуться! Ахмед Кямал сперва ознакомит благоговейно внимавших слушателей со "всеобщей историей" Ахмеда Рафига, затем подробно остановится на блистательных победах турецкого халифата,

подчеркнет исключительное превосходство мусульман, и прежде всего турок, над остальными народами мира. Лектор будет обильно читать выдержки из книг, еще не переведенных на кавказский диалект, - конечно, Ахмед Кямал, как и подобает выходцу из Стамбула, отрицал существование самостоятельного и самобытного древнего азербайджанского языка... И эти лекции, поражавшие слушателей красочностью речи, смелостью и дерзновением научных гипотез, беспредельным богатством эрудиции, наконец-то прославят Ахмеда Кямала в кругах мусульманского бакинского общества.

Но заяц из-за придорожного куста всегда выскакивает неожиданно... Директор ждал неприятностей от Таирзаде, не раз в союзе учителей кисло морщился, жаловался: "Совершенно не знает методики!..", а беда пришла совсем с другой стороны - от измазанных мазутом, небрежно и скудно одетых рабочих, не успевших толком и грамоте-то выучиться.

Однажды, пригладив и напомадив усы, повязав пышным бантом галстук, в новеньком от лучшего портного сюртуке, небрежно, как букетиком цветов, играя классным журналом, Ахмед Кямал проследовал к истомившимся в ожидании любимого лектора слушателям.

В тот вечер он с жаром рассказывал о военных походах халифа вселенной - повелителя мусульманства Омара, о его священных религиозных войнах против Египта, Алжира; лектор то привставал на цыпочки и, склонив на плечо голову, ворковал, будто голубь, то обрушивал на затаивших дыхание учеников бурнопламенные каскады арабских стихотворений, то предавал проклятиям низких и мерзопакостных гяуров, как вдруг, похолодев от возмущения, заметил, что сидевший на первой парте хлебопек Мешади Гусейн недоверчиво улыбнулся, хмыкнул, с насмешливым видом покосился на соседей.

Ахмед Кямал строго покашлял, глянул на худого, с маленькой, чахлой бородкой пекаря так свирепо, что у любого душа ушла бы в пятки, - этот усмехнулся еще наглее.

- Уважаемый, вы что, сомневаетесь в истории шариата?

- Нет, уважаемый господин директор, я не сомневаюсь в истории шариата.

- Так над чем же вы смеетесь? Кажется, я не рассказываю о похождениях Моллы Насреддина, а излагаю вам священные заветы ислама.

- Заветы заветами, а войны войнами.

- Уважаемый слушатель, я вас не понимаю.

- Уважаемый господин директор, здесь нет ничего непонятного или странного, - спокойно сказал Мешади Гусейн, поднимаясь. - Я лично не могу забыть, что, захватив

Египет, всеблагий халиф Омар распорядился сжечь тысячи древнейших рукописей и книг. Что ж в этом поступке священного и вообще хорошего?

- Книги вероотступников должны беспощадно сжгаться! - разъяренно прервал пекаря Ахмед Кямал; от гнева у него горло перехватило.

- Уважаемый господин директор, самолеты, парящие в небе, пароходы, бороздящие морские дали, тоже создали вероотступники, во всяком случае, не мусульмане, но мы-то благодарны им за эти изобретения, благословляем от всей души светлых гениев человечества! - уверенно, с совершенно непонятной лектору свободой и легкостью речи сказал Мешади Гусейн. - Может быть, и в книгах вероотступников попадались мудрые изречения, мысли, философские истины? Ведь пришли к Омару старцы и умоляли не предавать книги сожжению, говоря: "В них та же священная правда, что и в Коране", Но халиф ответил, что если сочинения еретиков не рознятся от Корана, то, значит, они не нужны правоверным и требуют уничтожения. Тогда пришли старцы вторично, поклонились халифу до земли и сказали: "Всемилостивый и справедливый повелитель, оказывается, в этих книгах есть много нового, неведомого нам, не повторенного в Коране,- сохрани их потомству!" Но мудрый Омар рассмеялся: "Мусульманам нужен только священный Коран, все остальные книги - пища заблуждений, раскола, вероотступничества. Сжигайте!.." И ценнейшие библиотеки были преданы огню.

В классе было тихо, и даже хвастливый Ахмед Кямал вынужден был сознаться, что на его уроках никогда не выпадало такой проникновенной, такой сосредоточенной тишины.

- К чему вы рассказываете эти сказки? Кому это интересно?-крикнул, не владея собою, директор.

- Сказки? - Мешади Гусейн пожал плечами, улыбнулся еще насмешливее, с видом прохожего, остановившегося на безопасном расстоянии от давящегося лаем цепного пса. - Это исторические факты, и вам они известны еще лучше, чем мне - пекарю. А говорю я об этом потому, что времена переменились, и многие, весьма многие заветы шариата уже безнадежно устарели. Допускаю, что тысяча триста лет назад проповеди Магомеда перед дикими арабами были и разумными и действительно священными.

- А теперь?

- Теперь?-Хлебопек подумал, решительно тряхнул головой. - Вот вы сами подумайте... В те времена пророк сказал, что мусульманин имеет право содержать сразу трех-

четырех жен. Допускаю, - Мешади Гусейн подчеркнуто повторил, - допускаю, что священные войны так опустошали под корень мужской род, что пророк перепугался, как бы не остаться без армии. Ну и разрешил: "Плодитесь-размножайтесь, только поставляйте мне солдат!"

Слушатели захихикали, в задних рядах раздался откровенный смешок.

- Пишут, например, что святой Расул имел четыреста жен. Вдумайтесь-ка! Четыреста... - с отвращением продолжал Мешади Гусейн. - Неужели нам и сейчас нужно продолжать такие омерзительные обычаи? "Молла Насреддин" справедливо высмеивает подобные заветы старины, а иностранцы прямо-таки потешаются над нами, - ей-богу, стыдно им в глаза глядеть. А ведь был еще сотни лет назад сайга - временный брак, от нескольких суток до двух-трех часов!.. Что ж, и этот мерзкий сайга тоже надлежит внедрять в азербайджанский быт? Да? Как видите, уважаемый господин директор, некоторые законы и правила шариата не отвечают духу современности. Нам не нужны никчемные гаремные обычаи ветхого прошлого, мы люди новые, во всех отношениях новые.

- Уважаемый, вы попали под влияние осквернённых иноверцев, - выпалил, всем телом содрогаясь от обиды, от злости, директор. - Это неслыханная ересь! Так вы, боюсь, докатитесь до отрицания хиджаба.

- Чадра? - Пекарь не колебался ни минуты, сказал с невозмутимым видом: его вообще было трудно вывести из равновесия. - А конечно, мы считаем чадру кандалами для женщин, оковами. И цепи-то эти - вот самое страшное - опутали душу женщины.

- Но чадра защищает целомудрие!

- Э, бросьте, бросьте, - пренебрежительно отмахнулся пекарь, - чадра-то и прикрывает самые грязные делишки.

- Отрицать чадру - значит отрицать религию! - упорствовал весь багровый от духоты, от волнения Ахмед Кямал, мечтая только об одном: скорее бы прозвенел звонок.

- Религия, привязанная к пяти аршинам ситца, умчится в невозвратную даль от малейшего дуновения ветерка, - пошутил пекарь, и брови его поднялись, отчего на лице появилось донельзя ехидное выражение.

- Такие слова, уважаемый, здесь недопустимы!- прибегнул к последнему, самому крайнему средству директор.

- А почему? - Мешади Гусейн был удивлен.- В спорах и дискуссиях рождается истина.

Ученики зароптали:

- Пусть говорит! Зачем затыкать человеку глотку?

- Здесь - школа, учреждение официальное, - попытался образумить расшумевшихся рабочих какой-то благоверный и учтивый слушатель. - И опять же с минуты на минуту звонок.

- Мне невозможно ни спорить с вами, ни дискутировать. Вы - мусульмане от меча!1 - с издевательской любезностью, злорадно блеснув глазами, прошипел Ахмед Кямал.

- Да, в таком тоне спорить, конечно, немыслимо,- согласился пекарь.

Прозвенел, раскатился дробным дребезжанием звонок в коридоре, директор рывком схватил с кафедры классный журнал и, не попрощавшись, не кивнув, умчался, поклявшись при случае и унизить и придавить этого богохульного читателя "Моллы Насреддина", обманом прокравшегося в мусульманскую школу.

Рабочие окружили Мешади Гусейна, пожимали ему руку, хвалили, но кое-кто и упрекнул: непристойно, мол, затевать пререкания с директором, слава богу, что вечерние курсы-то открыли.

- Должна же быть какая-то разница между моллой и учителем! - напустились на него слушатели.

А директор стоял у окна в своем просторном кабинете, курил и думал, что если не обезопасить от тлетворного влияния этого бунтаря наивных, простодушных, неграмотных тружеников, то в вверенную его надзору школу прокрадется зараза бабизма. А откуда балаханская амшара достает "Моллу Насреддина"? Нет, нужны неотложные карательные мероприятия.

Стряхнув какие-то мельчайшие соринки с рукава сюртука, Ахмед Кямал внимательно разглядел в карманном зеркальце свое лицо, помусолил палец и поправил брови, взбил попышнее бант галстука и тяжелыми, вполне директорскими шагами направился в комнату Сабира.

Там на шаткой железной койке сидели двое незнакомых ему юношей, по виду то ли мастеровые, то ли мелкие служащие, но во всяком случае не сыновья бакинских богатеев, и с всепоглощающим интересом слушали вдохновенно читавшего им что-то из газеты учителя.

- Садитесь, пожалуйста, Кямал-бек, - кивнул Сабир, а юноши поспешно вскочили, поклонились.

Директору понравилось, что учитель назвал его беком, что незнакомцы столь вежливо, едва ли не раболепно, приветствовали его появление, - конечно, их уважение объяснялось не служебным постом, а литературными и научными заслугами Ахмед Кямала...

Окинув беглым взглядом комнатку, он увидел, что сидеть ему придется на койке, рядом с юношами. Несолидно

как-то... И, ласково, покровительственно улыбнувшись, попросил хозяина не беспокоиться: зашел всего на минутку, постою...

Сабир как будто не удивился, еще раз кивнул и продолжал громко, выразительно читать:

- "Наши высокопоставленные мусульмане, ученые мужи, которые корнями своими питаются за счет простолюдинов, забыли братьев-крестьян, вовсе не заботятся о них, смотрят на них свысока, с презрением. Крестьянство - исток и основу всей жизни нации - они называют черным людом. Гордясь своим образованием, высоким общественным положением, новым костюмом, сшитым по последней моде, своими богато обставленными квартирами, они не слышат мольбы и стенаний меньших братьев, которые пребывают в темноте, невежестве, в бедности, как сотни лет назад.

...Нет счета умирающим в деревнях без всякой медицинской помощи, без лекарств. Даже в больших селениях нет аптеки, больницы, школы. Ахунды и моллы радуются, что крестьяне пребывают в покорной темноте и не нарушают покоя священнослужителей. Молодые люди, окончив учительские семинарии, не желают оставаться в деревне. На днях я беседовал с одним богатым юношей, студентом последнего курса университета, и мельком спросил, где он собирается служить после получения диплома. "Там, где будут больше платить!" - не колеблясь, ответил юноша, только что распинавшийся о долге перед нацией, о самопожертвовании. И, конечно, он станет приспешником какого-нибудь бакинского миллионера, - перед притягательной силой золота вряд ли кто устоит!.."

Ахмед Кямал понял, что ему нужно немедленно вмешаться. Покашляв, чтобы привлечь внимание присутствующих, он подозрительно спросил:

- Чья это статья?

- Нашего досточтимого просвещенца Фридун-бека! - в один голос воскликнули, словно речь шла о их личном благополучии, восторженные юноши.

- Чем тратить время на такие статейки, - пронзительно ясным, злым голосом сказал Ахмед Кямал, - вам, господин Таирзаде, полезнее было бы приглядеться к тем слушателям, которые называются мусульманами, а на деле занимаются подстрекательством и крамолой!

- О ком вы говорите?

- Об этом пекаре... Мешади Гусейне.

- А!.. - бесстрастно сказал Сабир, и трудно было угадать, что же он подумал в эту минуту, а пылкие юноши многозначительно, слегка таинственно переглянулись.

- Эти вечерние курсы, основанные по вашему, подчеркиваю - вашему, желанию, превратились в рассадник неверия и бабизма! - угрожающе добавил директор.

- Если не ошибаюсь, вы, господин Кямал-бек, получаете за вечерние курсы дополнительное жалованье,- с прежней невозмутимостью заметил Сабир, но губы его дрогнули. - Коварные вопросы, путаные выступления учащихся будут всегда. Долг учителя - разъяснять убедительно и логично слушателям их заблуждения.

- Э, извините, извините, если пекарь издевается над пророком Омаром, над священной историей, то тут уж никакая логика не поможет. Необходимо не замедлительно сообщить шейху, чтоб он предал богохула анафеме. Понятно?

- Понятно, понятно.- Сабир склонил голову, для чего-то рассматривая свои белые, изящной формы пальцы. - Думаю, что разоблачать богохульников обязаны прежде всего вы, господин директор. Я ж, как вы знаете, занимаюсь только азбукой...

Этой ночью Сабир писал:

Брось науку! Ведь она нам страшнее ада!
И душнее чада.
Всем известно, что она ядовитей яда -
Подтверждать не надо!
.....
Школа - вот источник бед, вот источник боли!
Что нашел ты в школе?
Школа - вот грабитель душ, языку - преграда,
Вечная досада!
.....
Просвещенные кругом хвалят просвещенье,
Будто в нем спасенье,
А вглядишься - в нем конец нашего уклада,
Злой залог распада!

Глава десятая
ПУТНИКИ

Свобода - наипервейшая душевная
потребность человека.
М. Мушфик

Нынче Баку провожал в дальнюю дорогу двух путников: об одном из них говорили открыто, торжественно, порою с вызывающим видом, о другом - тайно.

Вообще-то бакинский климат переменчивый, день на день не похож: то жарко, то прохладно, то ветрено, то тихо. А иногда и так случается, что в течение суток сменяются все времена года: и лето, и зима, и весна, и осень.

В общественном климате города сейчас тоже замечались

резкие колебания: и роза ветров, и голово-кружащие скачки температуры, и ползущие с моря туманы, и свирепые ветры, как это ни странно, зависели прежде всего от путников, отправлявшихся в трудные странствия.

Вполне возможно, что путешественники и не подозревали о столь бурных потрясениях общественной атмосферы, но это дела не меняло: в острых спорах, в нескончаемых беседах упоминались только их имена. И друзья, и противники, дабы потушить и заглушить огонь, пылавший в груди, припадали устами к краям одной и той же чаши...

Однако имена странников произносились по-разному: о первом говорили с ликованием, о втором - с грустью. И вот что примечательно: богачи радовались, восхищались, рабочие тосковали, сожалели.

Мало ли пассажиров: купцов и офицеров, крестьян и ремесленников, инженеров и попросту бездомных бродяг входили и выходили в широко распахнутые двери бакинского вокзала! Ни на одного из них даже постовой стражник внимания не обращал, а тут...

Но пора сказать, что в кругах мусульманской общественности первый путник был именит, знатен; в газетах часто о нем писали и всегда украшали имя его благозвучными, почтительными, трогательно нежными эпитетами.

Это был корреспондент газеты "Каспий" и журнала "Фиюзат", автор замечательной глубокомысленной книги "Сиясет вэ фюрусэт", сын закавказского муфтия Гусейнзаде Али-бек.

Вернувшись из-за границы, где получил высшее образование, как гуманитарное, так и религиозное, Али-бек тотчас привлек пристальное внимание бакинской интеллигенции. Его литературные опыты получили всеобщее одобрение. Словом, красавчик Али-бек стал кумиром городских салонов, законодателем модных философско-литературных течений, но вдруг разнеслись слухи, что он перестал заботиться о судьбе родного народа и устремил взор свой к султанской Турции. С ним спорили, его уговаривали, умоляли, наконец, стращали, но не добились никакого толку, и в одном журнальчике, правда подозреваемом в приверженности к бабизму, появились следующие гневные строки: "Чтоб нога сломалась у Али-бека и он торчал бы в своем любимом Стамбуле и не опекал бы наш язык и нашу культуру!.."

После такого беспощадно-сурового приговора в салонах притихли, как бы растерялись; кое-кто из простодушных понадеялся: может, одумается, станет на путь истины, но разобиженный Али-бек принялся упаковывать чемоданы и сообщил безутешным поклонникам, что уезжает в Стамбул.

Попечители медресе "Саадат", издатели журнала "Фиюзат" срочно посовещались и единодушно решили - чествовать путника пышным банкетом.

Ахундам и моллам, друзьям и покровителям, журналистам, поэтам, педагогам, коммерсантам и нефтепромышленникам были посланы пригласительные билеты, отпечатанные золотыми буквами на веленевой бумаге.

Счастливчики, получившие приглашение, лишились сиа, впали в лихорадочное возбуждение. Им бы посоветоваться с семейными, приготовить соответствующее высокопоставленному банкету праздничное одеяние, позаботиться о подарке отъезжавшему в дальний край, о достойном подарке, который бы вызвал завистливый ропот в высшем свете, а они тотчас засели строчить приветственные застольные речи.

"И в самом деле, если все станут говорить, то с какой стати мне молчать?.."

А поговорить ой-ой как хотелось.

Поспешный отъезд Али-бека, похожий на бегство, стал знаменательным событием в вялой и сонной жизни мусульманского общества.

Во-первых, он уезжал в Стамбул - светоч ортодоксального мусульманства, колыбель правоверных. Турецкие граждане, уютно гнездившиеся в гостеприимном Баку, ликовали: "Если такая уважаемая личность, как Али-бек, возвращается в столицу ислама Стамбул, то пусть это послужит уроком азербайджанским интеллигентам, интересующимся Китаем куда пристальнее, чем близкой и единой по вере Анатолией!"

Во-вторых, стремительнее шквала промчалась сплетня, что некоронованный король нефти, "отец нации" Тагиев, в свое время приблизивший к себе Али-бека, сделавший его главным советником по вопросам книгоиздательства и печати, не нуждается более в его услугах, решительно хотел отделаться от докучливых приставаний консультанта и не только не помешал, но, наоборот, как будто обрадовался его отъезду.

И разумеется, этот слух, достоверность коего никто устанавливать и не собирался, воодушевил ту часть местной интеллигенции, которая по мере сил боролась против пантюркизма, отстаивала извечную самобытность азербайджанской культуры.

А были среди приглашенных и такие, которым бы только покрасоваться на банкете, напомнить о себе, мелькнуть, подобно падучей звезде, на общественном горизонте. Что поделаешь! - каждому не терпится стать знаменитым. Одни возводят роскошные дворцы, затмевающие величием царские

хоромы, другие издают газеты, третьи заполняют именно эти же газеты велеречивыми фельетонами и сладкозвучными поэмами, иные то страстно вмешиваются в споры о шолларской воде и витийствуют по салонам, то самозабвенно дирижируют "шахсей-вахсей" в дни магеррама, то сочиняют верноподданнические жалобы государю императору. Эти таланты общественной мысли чаще всего становятся гласными городской думы и адвокатами с солидной репутацией и баснословными гонорарами.

Но ведь остаются еще и неудачники, которым буквально приткнуться негде, которые надеются лишь на собственное красноречие, а потому обожают всяческие, пусть самые захудалые, банкеты и званые вечера. Вот уж они-то веселились, получив пригласительные билеты!..

Короче, бакинцы, прослышав о путешествии Али-бека, рьяно носились по знакомым, разнося вчерашние и придумывая сегодняшние новости, печалились и восхищались, поражались и впадали в уныние, воскрешали несбывшиеся надежды, обновляли былые сомнения. Но отыскались и такие, которые, подобно утенку, пустившемуся в первое самостоятельное плавание по глади пруда, одновременно гордились, что не утонули, и страшились, что вот-вот утонут, - хвастались, что получили приглашение на банкет, и боялись, что их засадят за самый дальний стол и лишат приветственного слова...

В пятницу перед медресе, находившемся в чемберикендской части города, на пригорке, продуваемом всеми ветрами - и северными и южными, - с раннего вечера толпились любопытные.

Уже все, и торчавшие здесь день-деньской, и только что подошедшие, знали, что классные комнаты открыты, соединены в банкетный зал, украшены коврами, что посуду и кушанья поставит широко известный бакинцам ресторан Гаджи Расула.

Еще накануне запыхавшийся Гаджи собственноручно вывесил на дверях объявление: "Закрыто по случаю банкета" - и погрузился в самоотверженные хлопоты, ибо горделиво решил удивить гостей и птичьим молоком и чихиртмой из мяса райских птичек. Вот когда разыгралось в ресторанщике тщеславие! Гаджи Расул буквально загонял поваров и официантов; лошади месячного фаэтонщика дымились испариной, шатались от усталости; хозяин не пощадил и собственных жен, - тоже заставил стряпать.

Холодное отварное мясо джейранов и карабахских барашков, зажаренные целиком и запеченные в тесте форели из горных ручьев, казаны золотого от шафрана плова со

множеством острых, жгучих глотку приправ, маринады, сыры, мацони в маленьких чашечках, зелень, икра всевозможных сортов, душистые, многолетней выдержки вина, русские водки, армянские коньяки, минеральные воды. И домашние чуреки, лаваши, сангеки. И фазаны, перепелки, рябчики, куропатки. И в хрустальных вазах яблоки, айва, виноград, гранаты, мандарины, японская хурма. И нарезанные тончайшими ломтиками чарджуйские дыни, и каким-то чудом сохранившиеся с лета арбузы, и всевозможные таявшие во рту варенья - словом, все дары благословенного юга были щедро представлены на банкетном столе.

Подручные Гаджи Расула выбились из сил, таская с бойни мясо, из кондитерских пахлаву и шакар-буру, из подвалов - бурдюки с вином, с майдана - дрова и уголь для жарко пылавшего очага.

Заправилы общества "Саадат" решили великодушно взять на себя все расходы по банкету, но тут вмешались издатели журнала "Фиюзат" и заявили, что они тоже не пожалеют денег. Однако Гаджи Расул, справедливо решив, что шумный банкет послужит его ресторану наилучшей рекламой, отверг эти притязания и, надрывая горло, вещал на каждом перекрестке:

- Мой дом, мой гость - мои расходы. Проклят будет в веках тот, кто не пожертвует состоянием ради такого пиршества!

Но доброхотные жертвователи его не послушались, тоже захотели покичиться, и целый день фаэтоны и арбы доставляли к медресе казаны с пловом, ящики, мешки, бурдюки; помощники Гаджи не успевали размещать в подвалах и кладовках эти приношения,

У изворотистого Гаджи Расула была еще одна забота: едва он получил пригласительный билет и узнал о банкете, как тотчас вызвал к себе модного портного Джангира и заказал ему костюм из зеленой самой высшей марки материи.

- Каков фасон? - осведомился портной.

- Таков, чтоб не было равного. Самое невероятное! Бери любую цену, но сделай так, чтобы все восхитились и позавидовали.

- По мере сил!

- Не по мере сил, а обязательно и непременно, во что бы то ни стало! Вообрази, что не я, а ты, ты устроитель банкета. Пусть приглашенные видят в костюме меня, а расхваливают тебя - мастера.

- Слушаюсь, - склонился в почтительном поклоне Джангир и удалился торопливыми шагами.

Мешади Гусейну тоже пришлось принять, против воли,

конечно, участие в подготовке прощального банкета: ведь он славился в городе непревзойденным хлебопеком.

Нежнейшие, курившиеся парком, бережно укутанные одеялами хлебцы несли в медресе в корзинах, - на арбе или даже на рессорном фаэтоне помялись бы.

Бандалы не терпелось хоть глазком взглянуть на званый пир, но показываться там беглецу было неразумным: мастер так его пристыдил, что юноша смутился.

И грянул пир!

Счастливо улыбавшихся, приятно возбужденных гостей встречали на пороге распорядители и учтивые официанты, указывали заранее установленное согласно рангу и заслугам перед мусульманством место: перед каждым прибором лежал билетик с четко выведенной чернилами фамилией.

Собственные парные экипажи, фаэтоны, лихачи непрерывно подвозили приглашенных и, во всю прыть подхлестывая лошадей, улепетывали. Городовые в белых перчатках и зеркально начищенных сапогах расхаживали у подъезда, охраняли спокойствие денежных тузов и высокопросвещенных интеллигентов.

И вскоре ломившиеся от яств и графинов столы были тесно заполнены величественными, будто индюки, постоянно охорашивающимися гостями в изысканных праздничных туалетах.

Но нигде не было видно Гаджи Расула, - в полнейшем отчаянии он забился в самую дальнюю каморку и, охватив голову руками, протяжно стонал.

Дело в том, что утром пошатывающийся после бессонной ночи Джангир, как и было условлено, принес ему в узелке новый костюм. Гаджи Расул развернул, встряхнул и ахнул: во-первых, сукно голубого цвета, к которому уже пригляделись бакинские модники; во-вторых, фасон таков, что невозможно сообразить, - то ли это сюртук, то ли архалук.

- Да ты надсмеялся надо мной, нечестивец?!

- Помилуйте, ваша честь, самая последняя модель, крик парижской моды.

- Сотни дармоедов шляются по бакинским улицам именно в таких костюмах. О-о!

- Ошибаетесь, господин, у вас ворот отложной, рукава сборчатые, карманы вшитые, края обметаны шелковой тесьмой. Обратите внимание, почтеннейший! Вы ж сами распорядились: сделай, мол, самое невероятное.

- Я тебе кто, мужик, деревенщина? - Возмущенный до глубины души Гаджи Расул смял костюм, как половую тряпку, и швырнул на стул. - Чтобы отцу твоему спать с собакой!

Портной потянулся к длинным, похожим на кинжал, ножницам, но одумался.

- Выражайтесь приличнее.

- Не заплачу ни копейки!

- Прощайте. Мир дому сему.

Облачившись вечером в старомодный, строгого покроя сюртук, Гаджи отправился на банкет и там с ужасом увидел, что самые именитые гости щеголяли именно в таких костюмах из голубой ткани, и это как будто произвело вполне благоприятное впечатление на присутствующих.

Горю ресторанщика не было конца: то он порывался послать кучера к портному за отвергнутым голубым одеянием, то вовсе собирался уехать домой, но наконец смирился и поплелся, понурившись, в банкетный зал.

Там его поджидало новое, куда более суровое испытание.

За боковым столом сидела в пышном шелковом платье, украшенном паутиноподобными кружевами, содержательница пансиона для мусульманских девушек Шарифа-ханум, а рядом с нею Антига.

Нет, Гаджи Расул ничего не имел против появления на банкете известной деятельницы просвещения, хотя своих жен никогда бы сюда не пустил, ибо присутствие женщины в мужской компании противоречит велениям Корана и шариата.

Но, в конце концов, Гаджи Расул - образованная личность, ему чужды старозаветные предрассудки. И действительно, в Коране такое написано, что можно с пеной у рта защищать чадру, охраняющую честь и нежность женщины, оберегавшую ее от разврата, а можно с легким сердцем, опираясь на тот же Коран, отвергать чадру и утверждать, что среди мусульман женщине дозволяется быть с открытым лицом и укрываться ей надлежит лишь во время намаза... Вот тут и разберись! Лучше уж женщину пригласить на банкет, чем еретика-иноверца.

Значит, появление Шарифы-ханум вполне уместно и даже как будто согласуется с шариатом, но как осмелились впустить сюда голодраную шемахинскую девчонку, еще так недавно исполнявшую непристойные шансонетки в общедоступном ресторане!.. Гаджи Расул сплюнул, забыв, что ресторан-то принадлежит ему, и Антига тоже в те дни принадлежала ему, и прилив посетителей, привлеченных дивным голосом шемахинского соловья, сулил ему повышение прибыли.

Удрученный мучительными переживаниями, Гаджи Расул примостился на краешек стула в конце стола и, втайне довольный, что не обращает на себя внимания любопытных,

принялся чутко слушать заздравные речи.

Святейший Мирмагомед Керим-ага, сбросив с плеч каштанового цвета мантию, величественно поднялся. Неудобным показалось ему, привыкшему произносить проповеди с амвона мечети, говорить сейчас, стоя рядом с прилежно жующими, чавкающими гостями. Сеид - потомок пророка - не растерялся, пробормотал: "О, аллах!" - и в чулках забрался на стул. Отсюда, с высоты, выкрикивать сладкоречивые словеса было несравненно легче, и его святейшество обрел былую самоуверенность; в зал хлынул велеречивый поток цветистых фраз о религиозном значении данного банкета, о благотворной и, бесспорно, вдохновленной высшим промыслом поездке Али-бека, о прогрессе мусульманства, о пользе просвещения, правда, не всякого просвещения, а лишь стоящего на фундаменте ортодоксального шариата.

Без малейшего колебания сеид сравнил Гусейн-заде Али-бека с прославленными полководцами.

- Да, да, он полководец, конечно, не в обычном, чисто военном смысле, а полководец идейный, покоривший силой искрометного слова умы и сердца людей! В этом-то и таится величие господина Али-бека...

Едва сеид, бережно поддерживаемый со всех сторон гостями и официантами, сполз со столь хитроумно придуманной кафедры, как вскочил консул иранского правительства в Баку господин Мир Гусейн-хан Сайд Уддовле, с плоской, как переплетенная книга, головой, с девически писклявым голоском. Консул был чистейшим азербайджанцем, но, являясь личным представителем шаха, заговорил, разумеется, по-фарсидски, и притихшие гости, даже те, которые ничего не понимали, сделали умные лица.

Отметив, что талант Гусейнзаде Али-бека воссоединил в себе три черты, выражавшие дух мусульманства: турецкую решительность, фарсидскую нежность и арабскую мудрость, господин консул заметил:

- Тот, кого мы благословляем сегодня на трудную, но почетную стезю, отлично знает историю, быт, нравы и философские воззрения исламского мира. Нет сомнения, что его плодотворная деятельность в Стамбуле послужит делу прогресса и всеобщего счастья.

И господин консул со снисходительной благосклонностью несколько раз ударил в ладоши.

Тотчас восседавший на самом почетном месте Али-бек, низкорослый, с маленькими, подозрительно бегавшими глазками, в крахмальной манишке, встрепенулся, раскланялся на все стороны.

Он чувствовал, что банкет удался на славу: так, торжест-

венно и церемонно, не провожали ни одного паломника в Мекку, ни одного депутата в Государственную думу.

А вот на проводы сальянца Али-бека, отбывавшего в Стамбул, собрался весь цвет бакинского общества!

Этой поездке, имевшей своего рода историческое значение, сильнее и пламеннее всех радовался сам Али-бек: Стамбул он теперь считал своей настоящей родиной, как бы материнской люлькой; там у него было много старых, испытанных временем и разлукой друзей, а кроме того, он надеялся приобрести и новых соратников.

По трезвому размышлению Али-бека, именно в Стамбуле раскрывалось широкое поле деятельности панисламистской полуофициальной-полусекретной организации "Улеми-ислам", а следовательно, были подходящие условия для блистательной политической карьеры и для активного применения его могучего, полного страсти, поэзии и мудрости пера.

При содействии "Улеми-ислама" возможно завязать прочные отношения с правительственной партией "Иттихад вэ Тэрэгги", взявшей бразды власти в Турецкой империи, а ведь от этого политического центра в будущем зависят все судьбы мусульманского мира. Али-бек всерьез надеялся воскресить победоносные походы Омара, Тариг ибн-Зияда, и, конечно, уже не на двугорбых верблюдах, а на быстро мчащихся автомобилях и поездах, как знать, может, и на металлических птицах - аэропланах. Н-да, теперь такие сокрушительные походы совершать легко!..

Близок час, когда исламская грозная рать под зеленым знаменем пророка двинется на восток и на запад, сметая все преграды, силой меча утверждая священные предначертания Корана, в скрижалях века прославляя боевую доблесть Али-бека.

Бакинские друзья и единомышленники Али-бека сердечно благословляли его на эту высокую историческую миссию. Теперь Али-бек рисовался им своего рода консулом азербайджанского мусульманства в Стамбуле. Слушая, как ораторы, бия себя в грудь, пылко восклицали сейчас о прогрессе и судьбах нации, приверженцы путника, чаще всего люди деловые, осмотрительные, прикидывали и так и сяк собственные выгоды.

Стамбул - мост между Европой и Азией, перекресток торговых путей; там сейчас можно встретить не только французского коммерсанта, но и японских, и американских промышленников и коммивояжеров; там продавали бакинскую икру, кубинские ковры, лезгинскую шерсть, покупали, порою и весьма дешево покупали, каракуль,

апельсины, китайский шелк, самсунский табак, индийский чай, марагинский кишмиш, иракскую хурму.

Естественно, что бакинские купцы были кровно заинтересованы иметь в Стамбуле своего верного человека, если не агента, не комиссионера, не фактора- на это гордый Али-бек никогда бы не согласился,- то, во всяком случае, консула.

Заманчиво было бы также при помощи Али-бека посылать в Стамбул сыновей для получения ими высшего образования, не только гуманитарного и религиозного, но, может быть, и военного... Офицер турецкой армии - в этом звании есть что-то привлекательное, многообещающее!

Эмигранты, убежавшие из Стамбула, после очередного дворцового переворота, мечтали, опираясь на Али-бека, заручившись покровительством Али-бека, вернуться восвояси, да еще занять там тепленькое местечко у казенного пирога.

Упоенный сыпавшимися со всех сторон похвалами, Али-бек и не подозревал, что на банкет затесались и многочисленные бакинские интеллигенты, презиравшие Турецкую империю, как, впрочем, и всякую империю, превыше всего любившие свой народ, свою родную азербайджанскую культуру. Эти-то гости совершенно чистосердечно радовались отъезду озлобленного пантюркиста!..

А тем временем выспренние, хоть и не всегда искренние здравицы продолжались, и уже поднялся с бокалом в руке белолицый вития, длинноусый, с остренькими ушами, толстой бычьей шеей; глаза его, словно воробьи, прыгали с одного гостя на другого. - Господа! Сегодняшний вечер для кавказской интеллигенции - из ряда вон выходящее событие. Мы счастливы лицезреть многоуважаемого писателя и ученого Гусейнзаде Али-бека-эфенди! - восклицал с видом полнейшего блаженства оратор. - Он уезжает в Стамбул, но сердце его остается здесь, на Кавказе! Трудно предсказать, какие еще подвиги во славу и величие исламизма он совершит на обетованной оттоманской земле! Не секрет, что для любого интеллигента-мусульманина высшей честью является творить благие дела в колыбели нашего религиозного и национального единения. Господа, господа! Почтенный Али-бек лишь телесно расстается с нами, -душевной разлуки никогда не будет. Ведь у нас, господа, остается его прекрасное бесценное философское произведение "Сиясет вэ фюрусзт", вознесшее до небес величие исламского мира! Кстати, эта замечательная книга ныне переводится на фарсидский и арабский языки... Неотъемлемо принадлежит, нам, господа, и другое произведение Али-бека - "Меджнун вэ Лейлан ислам", в коем писатель бесстрашно вскрывает

ланцетом хирурга язвы нашего времени, но, подобно умелому лекарю, немедленно предлагает чудодейственные средства исцеления. Наша молодежь почерпнет в этой книге бездну полезных благотворных идей!.. Господа, от лица мусульманской общественности я возлагаю самые сокровенные надежды на поездку Гусейнзаде Али-бека. Повторяю: мысленно и духовно он остается с нами. Как сказал поэт:

Где б ни скитался ты весеннею порой,
Моя любовь - с тобой, с одним тобой.

Господа, я поднимаю тост за здоровье достославного Али-бека!

Раздались шумные, долго не смолкавшие аплодисменты, стулья задвигались; гости вставали, с умилением любовались, как слились в братском поцелуе уста оратора и Али-бека, как, непрерывно кланяясь во все стороны, именитый путник шелковым платочком смахнул с ресниц слезы умиления и благодарности.

А над столом для особо почетных гостей уже возвышался очередной оратор, поэт Мирза Хасиб, с маленькой, остроугольной бородкой, с наголо остриженной, в шишках головой, и певуче, с завываньями, разглагольствовал о бессмертных заслугах Али-бека на поприще исламизма и религиозного возрождения.

Уловив, что присутствующие слушают невнимательно и всецело поглощены пловом с шафраном, Мирза Хасиб, раскачиваясь, как молла на амвоне, начал читать стихотворение:

Ты обещаешь нам блаженство рая,
Ты в мир пришел отвагою сгорая,
Ты счастье людям посулил в веках.
Как роза, ты цветешь, благоухая,
Как солнце, тьму ты разогнал, сияя,
И голос твой - как водопад в горах.
В дни радости и в дни печали
Твое мы имя повторяли...

Восхищению гостей не было границ; послышались одобрительные возгласы:

- Браво!

- Превосходно!

- Сам Физули не отказался бы от таких сладкозвучных строф!

Какой-то изрядно подвыпивший купчик громогласно заявил, что это стихотворение нуждается в срочном переводе, а когда недоумевающие соседи осведомились, на какой же язык переводить, он пригнулся к тарелке и полными пригоршнями за обе щеки принялся уписывать плов.

К поэту подлетел непрерывно расшаркивающийся

журналист и попросил разрешения опубликовать это дивное произведение национальной поэзии в газете, каковую он имеет честь представлять на банкете.

Мирза Хасиб обиделся, тряся с возмущением бородкой, сказал, что стихи уже напечатаны в последнем номере журнала "Фиюзат".

Не растерявшись, журналист тотчас поправился, сказал, что речь идет о новых стихотворениях.

Это предложение было встречено благосклонно.

По знаку распорядителя банкета директор Бала-ханской школы Ахмед Кямал, особо страстно оплакивавший и еще более пылко благословлявший отъезд Али-бека в ныне недоступный ему самому Стамбул, подошел к Таирзаде, скромно сидевшему за дальним столом, среди второсортных, захудалых гостей, и, наклонившись, строго шепнул что-то. Сабир отрицательно покачал головой, взял графин и, налив себе в стакан чистейшей колодезной воды, хлебнул. Брови директора угрожающе задвигались, с воинственным видом он скрестил руки на выпуклой груди, но Сабира было невозможно запугать, - еще раз кивнул, показав этим, что переговоры окончены, заздравной речи от него не дождутся.

Ахмед Кямал был вынужден удалиться... ,

Дребезжащим голоском его святейшество сеид сообщил, что слово имеет сам виновник торжества господин Гусейнзаде Али-бек.

Молниеносно в зале воцарилась глубокая тишина; уже не слышалось ни лязга ножей, ни чавканья, ни бульканья переливаемого из графинов в стаканы хмельного зелья; взоры гостей были прикованы к низкорослому, с бледным, строгим лицом человеку в крахмальной манишке.

Прежде всего Али-бек выразил признательность его святейшеству, ораторам, консулу, поэту Мирза Хасибу, а заодно и всем почтившим его своим присутствием. Помолчав, закинув голову, он пристально посмотрел на потолок, будто за ним видел сейчас всю беспредельность вселенной, и внезапно выкрикнул лающим голосом:

- Надежда!

Все вздрогнули, насторожились.

- Надежда! - повторил с нажимом Али-бек.- Вот что я услышал во всех или почти во всех речах высокочтимых ораторов. Это - лейтмотив нынешнего вечера, и не скрою, он затрагивает самые чуткие струны моего сердца. Без возвышенной надежды человек не способен жить. Пророки, святые, мудрецы, звездочеты, поэты всегда жили этой хрупкой, как хрусталь, и одновременно твердой, как дамасский клинок, надеждой. Если мир мусульманства - бурный, громокипящий

поток, то надежда - чистый горный родник, исток, начало всех начал!..

Большинство гостей поражались богатству и уму Али-бека, таинственно переглядывались, ибо всем было понятно, что под "надеждой" здесь скрывается надежда на близкое объединение мусульман под эгидой турецкого султана. Эге, так вот для чего он отправляется в Стамбул!

Сабир ловил на своем лице укоризненные взгляды: "Гляди, презренный нечестивец, каким должен быть истинный, божьей милостью поэт, а ты-то, ты!.."

Он сидел с непроницаемым лицом; губы были упрямо сжаты.

- Обо всем этом я в достаточной степени ясно говорил в книге "Меджнун вэ Лейлан ислам", - продолжал Али-бек. - Помните, там врач открыто заявляет: "Я принадлежу не только к исламской религии, но и являюсь частицей исламской политики, а вернее- исламской географии". Имеющий уши да услышит!.. Весь растерзанный, разбросанный мусульманский мир нетерпеливо, страстно взывает: освободите меня от гнета иноверцев, дайте возможность объединиться. Следовательно, мы должны жить надеждой на воссоединение. Мой друг Абдулла Джовдет написал мне, что в Стамбуле создано общество "Нешри-лисани-тюрки", которое ставит своей целью распространение классического турецкого языка среди малых народностей Кавказа... Мы обязаны сделать из этого соответствующие выводы. И потому я повторяю и буду повторять до последнего часа жизни вещее пророческое слово: надежда, надежда и еще раз надежда!..

Речь Али-бека, полная умолчаний и многозначительных намеков, была покрыта бурными рукоплесканиями; гости вскакивали, размахивали руками, выкрикивали бессвязные, но горячие слова признательности, давали клятву верности и преданности.

Когда наконец-то шум и гомон утихли, по знаку распорядителя Антига, не поднимая глаз, с пылающими от смущения щечками, спела суру из Корана и широко известную газель Сеида Азима; голосок ее сперва звучал робко, но постепенно девушка оживилась, осмелела, как будто забыла, что находится в душном, насыщенном запахом жирного мяса и пролитого на скатерть вина зале, увидела себя в солнечной' шемахинском лесу, вдохнула аромат горных цветов и запела так звонко, певуче, сильно, что замер в восторге потрясенный Сабир.

Он любовался девушкой, ему было приятно, что она одета в нарядное длинное платье из дорогой, красивой ткани, что на пышные волосы накинут легкий голубой платочек с белой

каймой, что Антига расцвела: округлились плечи, поднялась высокая грудь, нежным румянцем окрасилось лицо, что поет она теперь увереннее, задушевнее.

Внимай, считающий себя в делах искусства знатоком,
О чем нам тара говорит и флейта нежным языком,
О чем стенанья говорят в обрубке дерева сухом, -
Что ты покоя вдруг лишен и вдруг охвачен столбняком?
Какие тайны их томят, владеют каждым их ладком?
Зачем от тары музыкант не может грудь свою отвлечь?
Зачем у горьких бедняков она всю жизнь не сходит с плеч?
Зачем услышавший ее теряет ум, теряет речь?
Когда ты сможешь из ушей комок невежества извлечь,
Ты будешь счастлив, овладев непостижимым тайником!

"Плакали мои денежки, - сокрушался Гаджи Ра-сул, подпирая кулаком мясистую, бурого цвета щеку.- Упустил из клетки такого дивного соловья!.."

Пение Антиги всем понравилось: даже самые набожные правоверные с довольным видом чмокали губами, распустили по лицам умиленные улыбки; Али-бек был на седьмом небе от счастья, - он воспринял выступление девушки прежде всего символически: этот молодой национальный талант, украсивший банкет, свидетельствует о неуклонном прогрессе мусульманства.

В это время Сабир постучал ножом по мелодично отозвавшемуся хрустальному бокалу, призывая осоловевших от вина и обильной пищи гостей к вниманию.

Встревоженный Али-бек с негодованием взглянул на Ахмед Кямала, а услужливый Гаджи Расул даже подскочил на стуле, так и завертелся: может, лучше насильно удалить из зала крамольника? И кто это по наивности или злому умыслу пригласил сюда богохульного поэта? Но сеид Мирмагомед Керим-ага спокойно провел выхоленной ручкой по своей шелковистой бороде, и ресторанщик с облегчением перевел дыхание. Вероятно, в этом-то и таится глубокий политический смысл: допустить в мусульманское общество бабиста, вольнодумца, отщепенца, как бы указав этим на неприступную силу, незыблемое могущество ортодоксального шариата!

Заложив правую руку за грудь сюртука, Сабир сказал мягким тоном:

- Милостивые государыни и милостивые государи! Дамы и господа! Ваше святейшество! Внимательно, очень внимательно слушал я речи ораторов, стихи поэта и особенно, как вы сами догадываетесь, выступление глубокоуважаемого господина Гусейнзаде Али-бека. Мне они весьма понрави-

лись, но только одного я не понял и понять не смог: где же я ныне нахожусь - на родной азербайджанской земле, в Баку или среди турок, в Стамбуле? Господин Али-бек, это, в сущности, общеизвестно, немало потрудился на Кавказе, обильно печатался в "Каспии" и "Фиюзате", читал лекции в медресе "Саадат", выпускал книги и брошюры, но вот что странно: все его благие порывы так порывами и остались, никак не отразились в жизни нашего кавказского общества. Но это и объяснимо: господин Али-бек не понимает нас, мы не понимаем его... Мы не раз слышали от него и от его поклонников, чаще всего выходцев из Стамбула, что османский язык и османская литература имеет многовековую историю, свою классическую традицию. Ну, а мы-то что же, пришли в двадцатый век с пустыми руками? Значит, у нас нет ни самобытной культуры, ни родного, уходящего корнями в народные толщи языка? Так, что ли?.. Сомневаюсь, что среди присутствующих найдется смельчак, поддерживающий такую антинародную, антинациональную тенденцию. А если мы твердо сознаем, что у нас за плечами тоже есть неисчерпаемо богатейшая культура, если владеем родным гармоническим, мелодичным языком, способным передать все оттенки человеческих чувств, то чего ж нам принижаться, выступать в роли младших братцев-несмышленышей, умолять кого-то об опеке? Давайте говорить просто. Однажды Мирза Джалил сказал: "Боимся писать просто, говорить просто, ибо сочтут невеждами". Как я уже отметил, невеждами нас считать немыслимо: мы - наследники отечественной, достигшей классических высот культуры. Но просто говорить все же необходимо, хотя бы потому, что я отношусь с глубоким уважением к османской литературе и османскому языку и вправе требовать взаимного уважения.

Вы, господин Али-бек, упомянули об обществе "Нешрилисани-тюрки", поставившем перед собою благотворительные цели. Устроителям этого всеблагого общества надо было бы сперва научиться правильно писать хоть свое название по-тюркски, а потом уж опекать и поучать других. Иначе смеяться станут, как уже смеются теперь!

Здесь Ахмед Кямал-бек, мой высокочтимый коллега, с гордостью говорил, что книга Али-бека "Сиясет вэ фюрусэт" переводится на арабский и фарсидский языки. Конечно, это нам приятно, мы счастливы. Но сначала надо перевести бы сие выдающееся произведение на азербайджанский язык, чтобы сограждане Али-бека познакомились с образом его мыслей и либо отвергли его домыслы и витиеватые софизмы, либо согласились с ними.

Не выдержав, Гаджи Расул потряс над своей взлохмачен-

ной головой сжатыми кулаками.

- Безобразие! Прекратите! - сдавленным голосом крикнул он. - Как попал сюда этот шемахинский мыловар?

Ахмед Кямал тотчас поддержал возмущенного ресторанщика, стукнул в сердцах по столу:

- Господин Таирзаде, постыдитесь! Ваши претензии неуместны в столь высокопоставленном обществе!

Уязвленные до глубины души гости швыряли в лицо Сабиру оскорбления, ехидные замечания:

- Разрешили неучу толковать о науке, эх!..

- К нам проник тайный агент бабистов!

- Вон, во-о-он!

- Ваше святейшество, да вы-то хоть вмешайтесь в этот непристойный балаган! - слезливо обратился Гаджи Расул к сеиду.

Блаженнейший Мирмагомед Керим-ага слабым, но властным мановением руки утихомирил разбушевавшиеся страсти и сказал осуждающим тоном:

- Жаль, что здесь нет господина Солтан Меджида Ганизаде, некогда поручившегося за благонадежность и благовоспитанность внука Гаджи Таира.

Сабир весело, раскатисто рассмеялся:

- Святой отец, вы утвердили меня смиренным служителем шариата, собственноручно выдали диплом на право преподавания.

Мирмагомед Керим-ага страдальчески поднял глаза к небу, вздохнул.

- Господь отпускает нам грехи вольные и невольные, но обязывает нас же исправлять свои ошибки.

В публике послышались злорадные смешки: "Вай, диплом-то отберут, турнут из школы".

Сабир не изменился в лице; не дрогнул его полнозвучный, металлически сильный голос.

- Разве я здесь, святой отец, выступал против шариата? Нет, нет, именно во имя шариата, во имя богоспасаемой мусульманской нации, во имя справедливости говорю вам: устремляющие взор свой в сторону Стамбула свершают злое дело, являются недоброжелателями родной культуры и родного языка! Да зачем азербайджанскому рабочему и крестьянину далекий Стамбул, когда у него есть прекрасная, как божий рай, родина, своя земля, своя песня, своя поэзия? Наш путь, господа, лежит не в прошлом, не в истории, не к турецким пашам и вельможам, а в будущее. Этот путь предначертан в Европе Марксом, а в России Лениным. Мирза Джалил на чистейшем азербайджанском языке указал нам на значение освободительной борьбы русских рабочих, призвал

нас поддержать лозунг: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Я, господа, говорю просто, и, следовательно, я невежда, но еще великий Сзади вспоминал, что учился приличию у невежественных простолюдинов. Послушайте ж теперь меня... Господин Али-бек уезжает на чужбину. Счастливого пути! Но мы-то остаемся здесь, со своим народом, и нам надлежит тревожиться о судьбах своего народа, а не о судьбах крохотной кучки стамбульских литераторов. Значит, мы обязаны приблизиться к народу, нести в народ, в деревню, в рабочую массу грамоту, знания. Станет народ образованным, осознает свое могущество и уже без моей помощи, без твоей, друг Али-бек, найдет верный путь к счастью. Не скрою, что этот путь лежит не через Стамбул и не через Мекку... А тебе, друг Али-бек, желаю всяческого благополучия и вдохновения. Не отрекайся только от родины - погибнешь!- с беспощадной искренностью предупредил Сабир, поклонился и вышел быстрым, твердым шагом, оставив в зале воющих, опьяненных ненавистью, стучащих каблуками, выкрикивающих ругательства гостей.

А этим же вечером Баку сердечно провожал в путь иного знаменитого странника, но без заздравных тостов, без звона бокалов, без ликования и торжества, а украдкой, потайно, в обстановке строжайшей секретности, Из Тифлиса прибыла шифрованная телеграмма, и бакинский полицмейстер с ног сбился, вызывая к себе чинов жандармерии, полиции, железнодорожной охраны, приставов и околоточных, шпиков и осведомителей.

Путник направлялся в Астраханскую губернию, и, конечно, удобнее всего было бы ему пересесть в Баку на ближайший пароход и плыть морем.

Но полицмейстер решительно отклонил этот легкомысленный проект и сказал подчиненным, что он лично возблагодарит всевышнего лишь тогда, когда поезд, увозивший странника с Кавказа, отойдет от перрона бакинского вокзала.

Приказано было также ничего не сообщать бакинцам о кратковременном визите в город таинственного путешественника, дабы не возбуждать брожения в умах, любопытства и проявления пылких симпатий, но хлебопек Мешади Гусейн каким-то чудом прослышал об этом событии.

Отправив в медресе последнюю партию вкуснейших хлебцев, чуреков, сдобных булок, он сказал Бан-далы:

- Ну, сегодня будет заваруха!

- А что такое? Опять на промыслах готовится забастовка? - заинтересовался парень.

- Да нет, - мастер улыбнулся. - Полиция боится не только

забастовок. - Плотно закрыв на засов дверь, Мешади Гусейн прошел в кладовку и через минуту вернулся оттуда с фотографической карточкой.- Вот, гляди, кого полиция боится!

На Бандалы смотрел умными, проницательными, полными спокойствия и мужества глазами широкоплечий мужчина средних лет, в черном пиджаке, в низкой каракулевой папахе; по виду его можно было принять за учителя.

- Кто это, кто?

- Путешественник.

- Друг Гусейнзаде Али-бека? - простодушно спросил Бандалы.

- О-о, совсем из другого стана! Дай Али-беку волю, так он, пожалуй, разорвал бы этого человека в клочья. Слышал сказку про "Бахадура и Сону"? Таирзаде рассказывал. Так вот, эту чудесную сказку о любви мусульманского юноши и армянской девушки написал этот самый мужчина, и зовут его Нариман Нариманов.

Бандалы изумился:

- А мне говорили, что Нариман - доктор. Из Шемахи к нему привозили больного, так он, как Логман, осмотрел, прописал все лекарства и даже ни копейки не взял за прием. Бесплатно лечит бедняков. Это тот самый Нариман?

- А, конечно. - Мешади Гусейн говорил вполголоса: пекарня опустела, рабочие разошлись по домам; печь дышала жаром нагретых кирпичей. - Нариманов и доктор, и учитель, и писатель, но прежде всего революционер, один из ближайших учеников Ленина. Потому-то он пострашнее властям любой забастовки! Доктор лечит одного больного, Нариман хочет излечить весь народ от социальных язв. - Лицо мастера омрачилось, опустив голову, он тяжело, протяжно вздохнул. - А сейчас Нариман отправляется в ссылку.

- А разве выручить его нельзя? - И Бандалы, вспомнив свой удачный побег, воскликнул, дерзко сверкнув глазами: - Мы его спасем!

- Нет, парень, нет. - Мастер, подумав, добавил мягким тоном: - Может быть, позднее... Ты сегодня вечером свободен? Так приходи на вокзал, к билетным кассам, когда стемнеет, ровно через час после призыва моллы.

Бандалы не терпелось порасспросить Мешади Гусейна, ведь толком-то юноша ничего не понял, только почувствовал, что начинается какое-то необычное, из ряда вон выходящее дело. Но мастер умел быть и разговорчивым и молчаливым, и откровенным и сдержанным, замкнутым. Открыв дверь, он велел:

- А теперь уходи. Значит, у билетных касс.

- Дело-то доброе, мастер? Хлебопек безобидно усмехнулся:

- Вполне. Божье дело.

Шел мелкий, подобный влажной пыли, почти невесомый дождь; его и глазом-то было невозможно заметить, - будто сырой, холодный туман прилип к домам, окрасив стены, карнизы, крыши в черно-серый мокрый цвет.

Поток озябших, промокших, угрюмых пассажиров, вливавшийся в двери вокзала, подхватил, увлек за собою Мешади Гусейна и Бандалы; мастер шагал с невозмутимым видом, юноша непрерывно оглядывался, так вертел головой, что заныли шейные позвонки. Они благополучно миновали густой кордон городовых на площади: стражи законопорядка, сдувая с усов ртутные дождевые капельки, расхаживали молча, печатая по камням тяжелый строевой шаг, подозрительно всматриваясь в лица прохожих.

Но ведь каждого не остановишь, не спросишь, зачем пришел на вокзал. Один уезжает, другой встречает родственников, третьему захотелось опрокинуть чарку именно в вокзальном буфете.

До прихода тифлисского поезда оставалось с полчаса.

Верные друзья шепнули Мешади Гусейну, что в арестантском вагоне следует в Астрахань Нариманов. Его ссылали не только царские власти: роковую роль тут сыграл и некоронованный "король нефти", "отец нации" Тагиев. Слухи о его зверской, средневековой расправе с инженером Бехбудовым уже просочились в газеты, и уверяли, что к этой статье руку приложил Нариманов. Разъяренный "король" знатно отомстил своему бывшему стипендиату: упек в ссылку, а заодно и принялся крошить и ломать вообще всех карабахцев, урезал средства на школу, на благотворительное общество, закрыл газету, отказался напрочь от услуг Али-бека... В бакинских гостиных шепотком передавали, что "король нефти" отправил турецкому султану Абдул Гамиду драгоценный подарок и взамен с благодарностью и божьим благословением получил строжайший наказ свирепо расправляться с богохулами, бабистами, крамольниками, вероотступниками и уж конечно с бунтарями-революционерами.

Теперь "отец нации" мог вздохнуть спокойно: Нариманов был за решеткой.

Полиция превыше всего страшилась демонстрации интеллигентов: ведь Нариман Нариманов был известным писателем, имя его, книги его пользовались признательностью и успехом.

Но то ли банкет в честь отъезжавшего Али-бека склонил

к себе сердца, то ли назойливый, однообразный, холодный дождь нагнал уныние, но прилично одетых, в шляпах и с зонтиками людей на вокзале нынче не замечалось, а чины полиции на ссутулившихся, дующих на застывшие руки мастеровых и внимания не обращали.

Наконец-то устало дышащий, окутанный клубами пара и дыма, гремящий локомотив протащил мимо перрона мокрые от дождя вагоны тифлисского поезда. У красных и синих вагонов первого и второго класса толпилось немного людей, зато в хвост, там, где стояли вагоны третьего - для простолюдинов, бросились неизвестно откуда вынырнувшие грязно, скромно одетые мастеровые. Полицейские не удивились: так, собственно, и полагается, но вдруг толпа хлынула мимо пассажирских вагонов и остановилась перед самым крайним, арестантским, окна которого были прикрыты мелкой сеткой металлической решетки.

Тотчас пронзительные свистки бичами хлестнули по людям, затопали чугунные сапожищи по асфальту перрона, но уже раздались дружные приветственные возгласы:

- Слава сыну седого Востока Нариману!

- Слава провозвестнику революции! Полицейские оттаскивали рабочих, толкали, уговаривали, орали:

- Расходитесь, господа, честью просят!.. Смотри, хуже будет. Ну, убирайся отсюда, голодранец!.. А в морду не хочешь?.. Господа, не нарушайте порядка!.. Освободи платформу, босяк!..

Сомкнувшись плечом к плечу, рабочие прижались к стенке вагона, отталкивали цепкие руки городовых, защищались.

- Мы требуем свидания с заключенным! - твердо заявил Мешади Гусейн. - Это вполне дозволяется законом.

- Подождите, всему свое время, - властно отрезал усатый полицейский.

- Ждать невозможно, поезд сейчас тронется.

За тусклым, грязным стеклом, за плотной решеткой появилось бледное, утомленное лицо Нариманова, он через силу улыбнулся, поднял руку, посылая привет бакинским друзьям.

- Отойди назад!.. Господа, не разрешается!.. Вон отсюда! - надрывая луженые глотки, вопили и перепуганные и обозленные стражники.

Мешади Гусейн с достоинством сказал:

- Примите, пожалуйста, передачу. Это тоже дозволяется... Вот продукты, папиросы, теплое пальто, зембили с фруктами, сладости. А это юмористический журнал "Молла Насреддин" самого безобидного содержания; веселые

картинки, стихи.

Растерянный проводник с пистолетом на ремне покорно забрал в охапку все подарки, унес в вагон.

По движению губ Мешади Гусейн понял и громко повторил слова Нариманова:

- Живой или мертвый, я с вами! Привет бакинским товарищам. Победа близка!

Догадливый начальник железнодорожной охраны велел отправлять поезд раньше времени, без звонков и свистка, - вагон внезапно дрогнул и как бы нехотя, будто стараясь продлить встречу, пополз мимо перрона.

- А где Сабир? - уловил по шевелящимся губам Нариманова Мешади Гусейн и изо всей силы крикнул:-Все благополучно, не беспокойся! Береги себя, милый!

Порывистый, увлекающийся Бандалы уже забыл про карточку в руках мастера и сейчас ждал, что в окне покажется похожий на легендарных героев древности удалой атаман в лихо заломленной папахе, с горящим отвагой взором. Но нет, Нариманов и здесь был именно таким, каким его запечатлел фотограф: учтивый, невозмутимый, с размеренными движениями, в крахмальной манишке с галстуком; волосы аккуратно зачесаны к затылку, лоб высокий, благородной формы, с залысинами; усы густые, коротко подстриженные, маленькая округлая бородка. Лицо его выражало болезненное напряжение. Бандалы не знал и знать не мог, что в Метехской крепости у Нариманова окончательно расшатались нервы, загудели застарелым ревматизмом ноги, что ему было трудно и ходить и стоять. Путник улыбался растроганно, благодарно; его взволновало до глубины души участие бакинцев, он понимал, чем они рисковали... Бросив на друзей прощальный взгляд, Нариманов поднял вверх крепко сжатый кулак: будьте стойкими в борьбе, не поддавайтесь унынию!

Красный фонарик на буфере последнего вагона уплывал в темноту; монотонно гудели рельсы; городовые выталкивали рабочих с перрона, наподдавая для острастки и кулаками, и сапогами; брань так и сыпалась.

Заметив, что два самых мордастых, плечистых полицейских направились к нему, Мешади Гусейн с проворством, неожиданным в пожилом человеке, пригнулся и нырнул под стоявшие в тупике товарные вагоны; опять забуравили тьму свистки, раздались бешеные крики: "Держи, держи!", но беглец, уже перемахнув через забор, очутился на площади, смешался с толпой.

Бандалы не тронули, в сумятице ему удалось проскользнуть в буфет третьего класса, а там бочком-бочком пробраться и к выходу.

"Так вот он какой, Нариман! - думал парень, шагая под непереставаемым, мелко сеявшимся дождем.- Сильный... Решетки, охрана с револьверами,- видно, и в заточении он страшен полиции".

Завернув за угол, Бандалы вплотную столкнулся с запыхавшимся Сабиром и понял, что тот торопится на вокзал к поезду, чтоб хоть издалека увидеть Нариманова.

- Опоздали, - сказал Бандалы.

Сабир с тяжелым вздохом опустил голову, долго смотрел на мокрые камни тротуара.

- Меня задержали городовые, - объяснил он. - Да нет, ничего особенного не случилось, "выясняли личность", а потом... поезд, как видно, уже тронулся,- отпустили, даже откозыряли.

Он горько скривил губы, пожал парню руку, и туман прикрыл Сабира плотной дымкой, сочившейся сыростью завесой.

Глава одиннадцатая
ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Гений прост и понятен, как истина.

Н. Чернышевский

Мешади Гусейн по поручению профсоюза хлебопеков выехал в Тифлис: накопилось много неотложных дел, да и полезно было на время исчезнуть с глаз бакинской полиции...

Узнав об его отъезде, Сабир приготовил детям посылочку и написал шурину в Кюрдамир, чтобы тот вышел к поезду и взял у Мешади Гусейна сверток, передал с попутчиком Биллур-Нисе.

Приятно было Сабиру заботливо, аккуратно упаковывать посылку: вот сахар, чай, сладости, а это ботинки сыну, жене и дочерям - платья... Он живо, зримо представил, как соберется вокруг стола семья, с которой он так долго разлучен, как обрадуются детишки отцовским подаркам.

Птица с нетерпением ждет срока, когда поднимется в самостоятельный полет, уверенно расправит крылья птенец, - так и Сабир жаждал увидеть подросшего, поумневшего, стройного, как молодой тополек, сына.

Жене он написал:

"Дорогая! Не беспокойся обо мне, здоровье идет на поправку, место учителя во всех отношениях хорошее, занят весь день: утром учим детей, по вечерам -взрослых рабочих. Не имел до сих пор возможности поехать в город к Джаруле; вероятно, он обижен... Дай бог во время зимних каникул свидеться: приеду дней на десять. А скоро, глядишь, и смогу вас взять к себе, станем жить вместе. Целую тебя и детей. Передай привет всем, кто не забыл Сабира".

Перевязав бечевкой сверток, он решил заодно послать с Мешади Гусейном и весточку Мирза Джалилу: давно уже испытывал Сабир потребность откровенно побеседовать с другом и наставником, излить свою душу. Разумеется, почте и почтовым цензорам он доверить искреннее послание не мог бы."Дорогой брат Джалил!

Первым долгом молю господа бога о Вашем здравии и благополучии. Я был счастлив узнать, что Вы отдохнули в Шуше, в красивом городе с благоприятным климатом, очаге поэзии и музыки. Если Вы соизволите заинтересоваться нашим самочувствием, то спешу сообщить, что, слава богу, все мы - бакинцы - пока здоровы. На днях мне удалось присутствовать в весьма интересной и необычной для представителя "Моллы Насреддина" компании.

Это был банкет в честь Гусейнзаде Али-бека, покинувшего наш благословенный город и отправившегося обратно в Стамбул. На вечере присутствовали видные интеллигенты-мусульмане, духовенство и даже иранский консул.

Гости вместе с вкусными яствами были вынуждены отведать и горькую иронию "Моллы Насреддина". Ваш покорный слуга тоже удостоился произнести тост и подсыпал в блюда изрядную порцию перца. Будто в пчелиный улей бросили камень. Вопли протеста вознеслись к небесам. Крайне жаль, что Вас не было с нами...

К сожалению, при выходе я был остановлен "архангелами", опоздал к отходу тифлисского поезда и не смог хоть взглядом попрощаться с известным Вам врачом и писателем.

Бог даст, и мы скоро увидимся, и тогда я Вам расскажу кое о чем поподробнее. Деньги, собранные тавризским патриотам, передаст Вам Мешади Гусейн. Мы уверены, что Вы примете соответствующие меры... Благоволите передать мои искренние приветствия уважаемой Гамиде-ханум и детям.

Всегда Ваш верный друг и почитатель

Алекбер Таирзаде Сабир".

В дом № 24 по Давидовской улице, где помещалась редакция "Моллы Насреддина", вошел бойкой, развязной походкой щеголевато одетый, низкорослый господин с настороженно бегавшими глазками.

Передав сторожу визитную карточку, не обращая ни малейшего внимания на любопытные взгляды сидевших в огромной комнате сотрудников и посетителей, господин, сдвинув на затылок папаху, с глубокомысленным видом молчал, опираясь на трость с набалдашником из слоновой кости.

Распахнулась дверь редакторского кабинета, Мирза Джалил, в наглухо закрытом сюртуке, не улыбаясь,

замкнутый, сказал:

- Милости прошу, почтенный Гусейнзаде Али-бек!

Журналисты и посетители рты разинули от изумления; даже, когда дверь кабинета опять закрылась, некоторое время переглядывались, не решались слова вымолвить. Но спустя минуту языки развязались, посыпались со всех сторон замечания, реплики, возгласы, правда произносимые из вполне объяснимой предосторожности шепотом.

- Каким образом стамбульский благовестник попал сюда? Не ошибся ли адресом?

- Чему вы удивляетесь, ведь он же поссорился...

- С кем поссорился?

- С "отцом нации". Его превосходительство Тагиев пинком вышвырнул Али-бека из Баку!

- Да нет, господа, тут все дело в приказе его величества турецкого султана. Именно он прислал Гаджи срочное предписание заткнуть глотки кавказским журналистам.

- Разве власть султана простирается на Кавказ? Здесь же повелителем является, если мне память не изменила, царь-батюшка.

- Кавказ мусульманский? Мусульманский. Значит, и удивляться нечему.

- Позвольте, позвольте, - горячился какой-то шустрый юноша. - Если журнал "Фиюзат" закрыли по распоряжению султана, то как же Али-бек осмелился поехать в Стамбул, в вотчину того же самого султана?

- Значит, там ему гарантирована щедро оплачиваемая служба.

- А зачем писателю служба? - не унимался юноша. - Писателю надо писать книги.

- Писать бы он мог и здесь, да читателей что-то не находится...

- А вы, уважаемый, уверены, что оттоманцы жаждут читать книги Али-бека? Мне лично кажется, что никому не осилить белиберду, называемую "Меджнун вэ Лейлан ислам".

- Но, господа, господа, в Стамбуле же нет "Моллы Насреддина", а это кое-что да значит!

- Голос "Моллы" и там услышат.

- Короче говоря, не задерживай путника, добровольно собравшегося в дальнюю дорогу.

Что ж привело поспешно выехавшего из Баку Али-бека в редакцию ненавистного ему журнала? По правде сказать, он и не собирался останавливаться в Тифлисе, - в пути надумал. От тамошних друзей он скрыл желание навестить Мирзу Джалила. И это вполне понятно: приличествовало бы в первую очередь совершить визиты в управление кавказского

Шейх-уль-ислама, иранскому генеральному консулу, помолиться в Джума-мечети, а если попросят, то и прочитать там проповедь при огромном стечении молящихся и паломников.

Но Али-бек кичился своим решительным характером и, вдруг махнув рукой на все приличия и церемонии, направил стопы свои к человеку, с которым всю жизнь вел ожесточенную, полную ярости и фанатизма, борьбу, которого не признавал и предавал анафеме и в бакинских салонах, и в стамбульских дворцах.

Неужели он простил "Молле Насреддину" ехидные насмешки, подлинные издевательства, которыми тот встречал проекты Али-бека по реформе азербайджанского языка и алфавита, его философские трактаты, его статьи и стихотворения в газете "Каспий" и журнале "Фиюзат"?

Ведь всем же известно, что Али-бек называл тифлисских журналистов, группировавшихся вокруг Мирза Джалила, скрытыми бабистами, а "Молла Насреддин" открыто писал, что бакинские литераторы, преклонявшиеся перед "отцом нации" Гаджи Зейнал-абдином Тагиевым, - приказчики с позолоченными перьями. И как можно скрыть, что правоверный мусульманин Али-бек считал тифлисцев космополитами, отрекшимися от своего народа и религии, а "Молла Насреддин", наоборот, именовал некоторых бакинцев коммивояжерами купцов и банкиров. Ни для кого не секрет, что Али-бека читали высокопросвещенные интеллигенты, меценаты, священнослужители, а "Моллу Насреддина" - оборванные нефтяники, крестьяне из горных аулов. Стамбульский златоуст вопил во все горло: "тюркизм!..", "исламизм!..", а "Молла Насреддин" говорил: "народ", "родина", "труд".

Но у порядком понаторевшего в стамбульских дворцах, перенявшего там искусство интриги Али-бека был точный расчет. Открывать его своим тифлисским друзьям он не собирался, а осуществить был намерен во что бы то ни стало.

Слава "Моллы Насреддина" гремела по Востоку, в любом уголке мусульманского мира, от Ирака до Калькутты, читали, запоминали, перепечатывали его фельетоны, стихотворения, карикатуры. Следовательно, неудобно было при встрече с тамошними литераторами, журналистами не упомянуть как бы мимоходом: "Я был в редакции... Я посетил Мирза Джалила..."

А ведь теперь, когда "отец нации" перестал выплачивать из собственного кармана дотации богобоязненным газеткам и журнальчикам, тираж "Моллы Насреддина" неминуемо возрастет, - с этим посчитаешься!

Кроме того, на широчайшие круги кавказцев визит Али-бека к Мирза Джалилу - как его там ни назови: визитом

вежливости или визитом дружбы - произведет самое благоприятное впечатление, а ведь путнику, лишенному ныне вспомоществования "отца нации", надо и об этом заботиться...

Не последнее место в планах Али-бека занимало и то, что, по его мнению, не все сотрудники "Моллы Насреддина" были вероотступниками: с такими, как Омар Фаик Нейманзаде или Алигули Гамкусар, пожалуй, можно бы и столковаться, намекнуть, что в Стамбуле благосклонно примут к печати их новые произведения. У Омар Фаика как будто там есть родственники? Значит, можно отвезти и поклон, и посылочку... Конечно, высокопоставленные представители стамбульского духовенства соответствующим образом оценят рвение Али-бека: увел от богохульника Мирза Джалила двух талантливых сотрудников.

Короче, надо идти... И Али-бек пошел.

Изящно играя тростью с набалдашником из слоновой кости, полусогнув в приливе почтения стан, он говорил мягким, ласковым, как бы мурлыкающим тоном:

- Многоуважаемый Мирза Джалил, на Кавказе, да, пожалуй, и на всем Востоке нет журнала, который осмелился бы соперничать с вашим изданием и по тиражу, и по степени влияния на общественную жизнь...

- Мы не печатаем душеспасительные проповеди, как вот эти газеты, - объяснил настороженный, по-прежнему замкнутый редактор, похлопав ладонью по пачке закрытых, почти закрытых и уныло ждущих закрытия из-за полного отсутствия читателей бакинских газет. - Мечеть - это мечеть, газета - это газета, и наивно было бы смешивать такие понятия.

- Не смею оспаривать вашего суждения, - покорно опустил глаза Али-бек. - Но чем же все-таки вы объясняете такой успех журнала?

Мирза Джалилу был неприятен приход Али-бека. Смотреть на исконного противника, как на солдата, бросившего винтовку и поднявшего вверх руки, он, конечно, не собирался. Ясно, что в Стамбуле Али-бек постарается немедленно вооружиться самым зловещим и самым коварным оружием и снова бросится в схватку. Что же знаменует этот внезапный визит: перемирие, отступление, тактический маневр, разведку? Разумеется, это разведка.

Но гостя нужно принимать хоть внешне-то радушно, вежливо, и Мирза Джалил сказал:

- Вообще-то никакой особенной славы у нашего скромного издания нет. Да, братья-мусульмане любят читать "Моллу Насреддина", видимо, потому, что он написан

простым, понятным каждому языком.

- Вы правы, ах, как вы правы! - умилился Али-бек мудростью собеседника. - Конечно, все, что написано трудным, непонятным, витиеватым языком, не нужно народу.

"Почему ж ты сам-то пишешь не по-азербайджански, а по-турецки, широко применяешь классические, вернее ложноклассические, средневековые выражения? - подумал Мирза. - И даже гордишься этим, призываешь кавказскую интеллигенцию следовать твоему примеру! Эх, лицемер!.." Вполне справедливо Мирза Джалил считал творчество таких благовестников, как Али-бек, сплошным трюкачеством; помимо страстного желания подзаработать, у этих строчкогонов была еще одна цель - похвастаться эрудицией, невиданной якобы в веках образованностью.

Тем временем Али-бек заливался соловьем:

- Достопочтенный господин редактор, писать просто, ясно, понятно самое высшее и труднодостижимое словесное искусство!

Пряча в усах недоверчивую улыбку, Мирза Джалил сказал:

- Нам лестно мнение такого ценителя изящной словесности.

- Клянусь аллахом, я говорю искренне! - воскликнул Али-бек, рисуя на полу тростью замысловатые, как его собственные метафоры, узоры. - Простота стиля вашего журнала требует от автора и в первую очередь от редактора выдающегося таланта и мастерства. На это не каждый способен!

Мирза Джалил выразил посетителю сдержанную благодарность.

- Надеюсь, что вы и здесь, в Тифлисе, и на чужбине не откажетесь от такой оценки, памятуя, что она скажется самым благотворным образом на воспитании азербайджанской литературной молодежи.

- А, конечно, какие могут быть сомнения! - подтвердил гость, но в голосе его послышалось замешательство.

Помолчали.

- Видите ли, почтеннейший, - начал вкрадчиво Али-бек, тщательно обдумывая каждое слово, чтобы не попасть впросак, - мы переживаем такое время, когда мусульманским писателям все же приходится прежде всего заботиться о содержании, сути, значении своих произведений, а потом уже о форме и даже языке.

"Мудрость как раз и требует простоты стиля", - подумал Мирза.

- К сожалению, в кавказской прессе важнейшие фило-

софские творения нашего века не находят достаточной поддержки и содержательного анализа, - продолжал, постепенно воодушевляясь, собеседник. - А ведь историей доказано, что ни одна нация, не обогатившись глубокими философскими идеями, не способна была сделать хоть шаг по пути прогресса и цивилизации.

Со смиренным видом попросив прощения, что он вмешивается в дела журнала, Али-бек посоветовал печатать в "Молле Насреддине" помимо сатирических произведений также статьи философского содержания. Это не только не повредит, но, наоборот, приведет к повышению тиража, к проникновению журнала в зарубежные мусульманские страны. Нужно помнить, что философию ислама усердно распространяли даже иноверцы, в частности граф Лев Николаевич Толстой.

"Толстого-то мы бы охотно печатали, да цензура не разрешит, - подумал Мирза Джалил. - А вот тебя все равно печатать не станем, даже открыв философский отдел".

- Кого же из современных философов вы имеете в виду, когда говорите о расширении журнала? - спросил он решительно и тотчас же извинился, что перебил высокопросвещенного собеседника.

- У мусульман и в прошлом и сейчас немало глубокомысленных философов и исследователей, - ответил Али-бек разочарованным тоном; он-то надеялся, что Мирза Джалил добавит: "Кроме, конечно, вас", но тот почему-то промолчал. - Я могу обратить ваше благосклонное внимание на труды доктора Санаи Джами, Фазили Дербенди, не говоря уж, разумеется, о гениальной воспитательной философии великого Саади. Да и сейчас в исламской печати вдохновенно трудятся Рза Тофик, Раджиязаде, Зиякой. Мы пытались по мере сил на страницах "Фиюзата" раскрыть смысл их выдающихся трактатов, но, на беду, не хватило ни времени, ни средств. - При этих словах Али-бек смущенно закашлялся. - Вы, господин Мирза, сделаете благое дело, если опубликуете в "Молле Насреддине", имеющем неограниченно большой круг читателей, хоть некоторые из их произведений. Вот послушайте! - И, закатывая от восторга глаза, он прочувственно продекламировал:

Я, философ Рза, не ведал дня сомнений,
Всю деревню прадедов учил смиренью.

Какая мудрость! Какое дивное цветение разума! - восхищался Али-бек.

- Простите, -остановил его Мирза Джалил,- но где же нам черпать религиозные воззрения - в Коране или у современных философов?

- Коран - первоисточник, кладезь истины, божьего откровения, а философы являются скромными, но все же необходимыми толкователями и комментаторами,- без запинки ответил Али-бек.

"Мы бесстрашно боремся с религией, - насмешливо произнес в душе Мирза, - а ты потчуешь все тем же: тысячелетней давности мракобесием".

Когда он сердился, то обычно вставал с кресла, расстегивал, а затем застегивал на все пуговицы сюртук. И сейчас Мирза сделал то же самое. Принудив себя к спокойствию, опустившись в кресло, он сказал:

- Мы, почтеннейший, учимся у ашугов, которые ведь тоже были философами, наставниками, мудрецами, но убеждали людей со смехом, весельем, музыкой, обходились как-то без проповедей в мечетях. И нельзя ж отрицать, что ашуги всегда были ближе к народу, чем приближенные к дворцам шахов и султанов звездочеты, провидцы, витии.

Спешивший к трону турецкого султана Али-бек злобно скривился.

- В этом отношении мы желали бы подражать великому Мирза Фатали, - плавно продолжал Джалил.

- Но мусульманскому обществу важнее всего ныне не творения былых писателей, какими бы гениальными они ни были, а голос современников, движущих прогресс, человеческую культуру, - попытался возразить гость. - Люди всегда следовали и следуют за философами или полководцами, таков уж закон истории.

Мирза Джалил с недоумением пожал плечами:

- Кто же с этим будет спорить?.. Но у нас уже есть, есть великие философы-современники, которые поседели в борьбе за счастье народа! Они хотят переделать жизнь, а не заниматься схоластическими проблемами рая и ада. Общеизвестно, что Мирза Фатали считал глубоко никчемными религиозные верования, открыто, смело писал об этом полсотни лет назад. Если мы сейчас станем тратить силы на распространение книги "Джами Аббас"1, то какая же от этого будет польза народу, хотел бы я знать? Ведь кавказцы ежегодно отдают семнадцать миллионов рублей чалмоносным моллам и ахундам.

Сколько же школ и больниц можно было б содержать на эти деньги! Мы в тяжелые дни нынешнего века продолжаем учить бедноту только религиозным обычаям и правилам, а надо бы ее обучать кое-чему другому, более существенному, - подчеркнуто серьезно сказал редактор "Моллы Насреддина". - Недавно я проходил мимо армянской церкви и услышал, как священник, обращаясь к молящимся, восклицал: "Гайранык,

гайраныk!.." Оттуда я завернул во двор мечети и узрел, что молла с амвона тоже учил правоверных терпению и вере в загробное блаженство. Я направил стопы к православному собору: иерей в золототканой ризе благостным голосом возглашал призывы к долготерпению. Да что же это? Неужели и наш "Молла Насреддин" обязан подхватить такие фарисейские проповеди? - гневно спросил Джалил. - Нет, наш журнал создан не для этого, ведь он возник по велению народа, времени; мы тут ничего, почтеннейший, не приду-мали, не сочинили... В течение многих - лет зрел, наливался гнойник в груди общества, - наш журнал призван, как хирург, рассечь его, обезвредить! Подобно набату, мы должны пробудить народ от вековой спячки. А вы призываете нас к проповеди долготерпения!- с грустной иронией сказал Мирза Джалил. - В сущности, хорошо, что вы привели здесь стихи Рза Тофика: "...Учил смиренью". Среди сотрудников нашего скромного журнала есть, к счастью, величайший философ и поэт современности, и вот что он однажды написал...

Откинувшись на спинку кресла, Мирза Джалил внятно прочитал:

Пусть гибнет земля от бесчисленных бед,
Пусть огненной лавой зальется весь свет, -
Любезный, ты спи, одеяльцем согрет,
Дитя, не волнуйся, терпи - мой совет!
.....
Пусть ханы и беки усилили гнет,
Пусть знать нищете ничего не дает,
Пусть бедный совсем обездолен народ, -
К чертям! По степям пусть за долей бредет!
Тебе горевать, подниматься? Ну нет!
Дитя, не волнуйся, терпи - мой совет!

Али-бек интересовался только своими произведениями, любил одного себя, потому сейчас спросил с безучастным, скучающим видом:

- Чьи же это стишки?

- Сабира.

Вспомнив банкет, дышавшую презрением и насмешкой речь Сабира, Али-бек почернел; на его кукольном, с мелкими чертами личике появилось злобное выражение.

- Простите, высокоуважаемый... Не отрицаю, что у вашего сотрудника есть кое-какие способности, но считать его поэтом, а тем более философом решительно отказываюсь!

Мирза Джалил не удивился: разговор приобретал ясность; ограничиться изъявлениями вежливости было бы непростительно.

- В моих глазах Сабир как раз является и поэтом и

философом. Он учит мусульман, как им жить сейчас, в настоящее время. Его творчество нужнее народу, чем действительно великие и действительно бессмертные сочинения Саади, Сенани и Хайяма. Он говорит, что освобождение придет не от философов, а от всенародного единения. Когда крестьянин возьмется за дубинку, научится распознавать врага...

- Простите, господин редактор! - Али-бек с достоинством встал, выпрямился. - В таком тоне я беседовать не намерен. Стишки вашего Сабира - чистейшая крамольная прокламация.

- Вероятно, Сабир воспринял бы ваши слова как высшую похвалу! - улыбнулся Мирза Джалил. - Вы изволили заметить, что люди всегда следуют за полководцами и вождями. Это, конечно, так, но все знаменательные события истории зависят от участия народа, - опровергать это было бы бессмысленно. Философы от Корана, от шариата надавали нашим братьям столько сладких обещаний, что вконец испортили им желудок. Теперь люди нуждаются в горькой пилюле правды. Дай им волю, так они философию долготерпения немедленно похоронят на кладбище, да еще придавят могилу мельничным жерновом. Нам, несчастным мусульманам, нужны не Александры Македонские, не Санаи, не Фазили Дербенди, а Сабиры, патриоты Тавриза, матросы броненосца "Потемкин". Не обижайтесь, высокочтимый господин Али-бек, но скажу напрямик. В статье "Свобода в любви" - а я ее перечел не однажды - вы призываете к примирению всех враждующих сторон. Попробуйте же, примирите макинского хана, у которого десять тысяч десятин, с макинским крестьянином, не имеющим даже аршина земли для свершения намаза. Если вам это удастся, то мы сочтем себя побежденными. А пока что будем верить, что высшая человеческая свобода проявляется не в любви, а в борьбе. Таков путь "Моллы Насреддина", таковы и убеждения Сабира. Мы со своего пути не свернем. Вы же избрали себе дорогу Стамбула. Что ж, каждый вправе поступать согласно велениям совести. Но не забывайте в изгнании слова старого "Моллы Насреддина"!

И он поднялся, показав этим, что тягостная беседа закончена.

"В изгнании!.." Али-бек услышал лишь этот безотрадный приговор. У него хватило выдержки отвесить низкий поклон и с горделивым видом прошествовать мимо притихших сотрудников и посетителей; трость резко стучала; маленькие глазки прославленного путешественника растерянно метались, будто мыши, угодившие в западню.

- Господин, господин! - Редакционный сторож на цыпочках вбежал в кабинет. - Здесь Мешади Гусейн, из Баку,

от Сабира!..

Мирза Джалил глубоко вздохнул, словно открыли окно и в комнату ворвался студеный сквозняк; на его замкнутом, угрюмом лице появилась сердечная, просветленная улыбка, с какой он обычно встречал лишь вернувшихся с гуляния своих детей.

- Да где же он? Ну, веди, скорее веди!

И распростер руки, принял в объятия смущенного хлебопека.

- Как Сабир?

Глава двенадцатая
РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ

Когда ему ясно представилась возможность

освобождения...несправедливость этого положения показалась ему еще жесточе и ужаснее, чем прежде, и ему страстно захотелось не только освобождения,

но и наказания тех, которые устроили и поддерживали эту жестокую несправедливость.

Л. Толстой

Сабир знал, что директор школы Ахмед Кямал поклялся отомстить ему за возмутительно безнравственную речь на банкете в честь Али-бека, и хладнокровно готовился к стычке.

В бакинских салонах, в благотворительном обществе, в союзе мусульман-учителей Ахмед Кямал с негодованием рассказывал, что этот шемахинский мыловар не знает ни турецкой литературы, ни турецкого языка, преподает на простонародном кавказском диалекте... "Подумайте, говорит детям о Гасан-беке Зардаби, о сеиде Азиме, упоминает даже о некоторых русских и армянских литераторах!"

Однако хлопоты и старания пока что не были вознаграждены. Солтан Меджид, слушая директора, с досадой морщился:

- Это наш поэт, наша гордость! Ему нужна педагогическая помощь, учите его методике. Ведь Сабир пользуется всеобщим уважением, а это, конечно, имеет положительное значение в воспитании школьников.

Ахмед Кямал решил прибегнуть к обходному маневру, собрал кое-какие порочившие Сабира материалы и неожиданно вызвал в школу инспектора.

Ко всему был готов поэт, но, увидев торжественно вплывавших в класс во время урока директора и инспектора с жесткими, торчавшими вверх, как у немецкого кайзера, усами, обоих в глухих сюртуках, в фесках, вздрогнул, и мелок в его руке провел по доске рваную, извилистую линию.

Дети встали.

- Продолжайте, пожалуйста, продолжайте,- с ледяной

любезностью разрешил инспектор. - Мы посидим вот на задней парте, послушаем.

И он, вопросительно подняв правую бровь, покосился на Ахмед Кямала. Тот в знак согласия выпятил губы. И с незабываемым сознанием собственного величия высокопоставленные деятели народного просвещения проследовали к задней парте, именуемой школьниками "Камчаткой".

Сабиру пришлось бы туго: он собирался говорить старшеклассникам о тифлисской группе передовых азербайджанских писателей, о Мирза Джалиле, о "Молле Насреддине", но вдруг в коридоре задребезжал, так и залился трезвоном медный звонок в руке школьного швейцара.

Ахмед Кямал и инспектор с удивлением переглянулись: до конца урока оставалось добрых двадцать минут, не меньше, но уже мальчики, которым даже присутствие начальства не помешало остаться мальчиками, вскочили, загалдели, засмеялись, с треском захлопывали учебники, прятали в парты тетрадки и пеналы.

Усы инспектора угрожающе запрыгали, он поднялся, кашлянул и громовым басом, заглушившим детский гомон, объявил:

- Идите домой, уроков сегодня больше не будет. Директор, бросив на Сабира свирепый взгляд, добавил:

- Педагогический совет. Прошу, господин Таир-заде...

"От кого это мне пришло избавление?" - подумал, бодро улыбнувшись, Сабир и, собрав тетрадки, оставленные для проверки, поспешил в директорский кабинет.

Счастье, каким не так-то щедро баловала его судьба, Сабир нашел здесь, в Балаханской школе. Ведь в Шемахе он оставался квартальным учителем, занимался с детьми по просьбе родителей: захотели они - послали сына учиться грамоте; передумали или недосчитались деньжат, - глядь, паренек уже пасет овец на яйлагах. Теперь все изменилось: Сабир был на государственной службе, преподавал не пяти-шести подросткам, а целому классу, а по вечерам и промысловым рабочим, уставшим, изнеможенным вахтой, но жадно стремившимся к знаниям. Без труда он мог чередовать прописи и арифметические задачки с беседами о морали, об общественном долге каждого человека, о политических событиях в России и за рубежом. Вплотную, лицом к лицу, он находился сейчас со своими читателями и мог донести до их сердец то, что порой даже не воплощалось в стихотворениях. Особо внимательно, заботливо он относился к нефтяникам, ведь их жизнь ему была досконально известна, да, в сущности, и сам Сабир жил все годы ничем не лучше рабочих: вот даже семью до сих пор не сумел перевезти сюда,

- все денег не хватало... Как радовался поэт одобрительной улыбке учеников, тишине в классе, напряженному, сосредоточенному вниманию, вопросам; в эти благословенные минуты он думал: "Да, поэт, горек твой хлеб, но ты не обменяешь его ни на какие блага мира!"

Конечно, его прислали в школу преподавать шариат и фарсидский язык, заниматься с учениками углубленным, подробным изучением таких высоконравственных трудов, как "Джами Аббас", "Нисаб-Шаресул", "Телим-Шерияе", "Тесфири курани-шариф"; еще звучали в его ушах наставления священнослужителя: "Верните ж на путь истины детей ислама, впавших в пагубное неверие!"

На этот раз Сабир разрешил себе стать забывчивым: с дерзкой беспечностью уклонился от выполнения своих непосредственных обязанностей.

Директор предложил ему неукоснительно составлять конспекты особо ответственных уроков, - Сабир и на это пошел, но почему-то утвержденные Ахмед Кямалом планы пылились на подоконнике...

Теперь наступила расплата.

Собственно, Сабир и раньше подозревал, что за ним следили, не спускали с него внимательных глаз, подмечали каждое неосторожное или чересчур смелое словцо.

Он утешал себя, что без официальной опеки не обойтись, что директорский и религиозный надсмотр не помешают ему осуществить заветную мечту, переполнявшую его сердце, расцветавшую с каждым днем. А кому ж не известно, что перед восходом светлого солнца небосвод обязательно покрывается плотными, но скоротечными тучками.

Значит, вопреки надзору директора, священнослужителей, инспекторов и начальников всех рангов, не считаясь с учебной программой, он обязан нести в гущу бакинских рабочих знания, он должен воспитать их детей стойкими, мужественными, дальнозоркими, - это дело жизни Сабира, а вероятно, и его жизненный подвиг.

Теперь он часто с благодарностью вспоминал слова Мирза Джалила:

- Во всем, буквально во всем нам надлежит учиться у русских рабочих. Они, пройдя революционную закалку девятьсот пятого года, обрели величайшую силу: Николашка и царские власти перед ними трепещут!.. К сожалению, на Кавказе рабочие-мусульмане еще опутаны религиозными суевериями. Следовательно, всеми средствами - и газетами, и каждым номером "Моллы Насреддина", и стихом поэта, и спектаклями национального театра - мы должны стремиться встряхнуть, разбудить спящего глубоким сном рабочего:

придется вылить ведро холодной воды на голову - вылей! А когда он проснется, потянется, привстанет и услышит гром демонстраций, увидит рядом старшего друга - русского рабочего, то уже сам запомнит, какое нынче число, почем фунт хлеба и фунт лиха... Нам, писателям, не дано вооружать людей винтовками, но зажечь в их сердцах пламень борьбы, развеять их трогательно-наивные мечты о рае и райских гуриях мы способны!

В вечерних классах собирались рабочие самых различных возрастов и политических настроений; Сабир догадывался, что кое-кто уже связан с подпольными социал-демократическими кружками; во всяком случае, когда он однажды повторил на уроке слова газеты "Такамуль": "Мы защищаем права рабочих и бедняков. Мы будем бороться против гнета и насилия. Мы за бедных и обездоленных... Царь является самым крупным помещиком России. Он защитник помещиков и богачей", - то многие из его учеников с удовлетворением переглянулись: значит, вспомнили...

К Сабиру обращались со всевозможными вопросами, просьбами: жизнь, и жизнь суровая, порой мучительно-отвратительная, то и дело врывалась незваной-непрошеной в уютный класс.

Гариб, неуравновешенный, порывистый юноша, совсем недавно пришедший на промыслы из деревни, как-то раз спросил:

- Мирза, почему в конторе нашего промысла не принимают заявлений на азербайджанском языке? И что это такое: "туземный" язык? Ведь мы же говорим по-азербайджански, а не по-туземски.

Все ученики повернулись к парню; послышались то насмешливые, то предостерегающие замечания:

- А что может сделать господин учитель?

- Таково предписание властей.

- Это все старается канцелярия наместника его величества!

- Да ведь в конторе-то такие же, как я, азербайджанцы!- с отчаянием выкрикнул Гариб, топнув ногой.

- Нет, не такие, - негромко, но отчетливо сказал с самой задней парты Мешади Гусейн. - Они - приближенные "отца нации", у них высокие оклады. Это мы с тобой "дикие азиаты", и у нас с тобой "туземный" язык, шалтай-балтай! - Голос хлебопека прозвучал тоскливо, и все примолкли.

Шел урок арифметики, и Сабир минуту назад не ждал, что ему самому придется ломать голову над решением столь трудной задачки.

- Наш родной язык, друзья, - подумав, сказал он, -

богатейший, прекрасный, древний, то он нежно-сладчайший, то титанически-громоподобный. И мы имеем полное право говорить и писать на нем. Собственно, это право было дано уже в манифесте царя, да теперь кое-кто из угодливости делает вид, что никакого манифеста не было и в помине!.. - Он вспомнил Али-бека, его наглые разглагольствования о "кавказском диалекте", о превосходстве турецкого языка, и судорога презрения свела его тонкие, плоские губы. - Но вы, друзья, не относитесь только с недоверием к русскому языку: его знать тоже полезно и... приятно! Да, приятно! - твердо повторил Сабир. - Но и свой родимый язык любите, цените и берегите, ведь язык - душа народа.

Ему стало уже безразлично, подслушивает ли кто из прислужников Ахмед Кямала у двери, легчайший хмель вдохновения вскружил ему голову, и, по привычке заложив правую руку за борт сюртука, Сабир мерно, звучно прочитал:

Вам дали свободу - хвалите господ,
Но бедное слово свободу все ждет.
Едва лишь почуют беду господа -
Ни крошки свободы не станет тогда!..

Прочувствованная тишина класса взорвалась рукоплесканиями, но Мешади Гусейн, бывший по-обычному настороже, тотчас вскочил, громко застучал по парте:

- Товарищи, товарищи, у нас как будто урок арифметики! Вернемся к решению задачи.

Сабир не обиделся: он чувствовал, что слушатели его полюбили, но хлебопек, конечно, им был ближе, роднее, что ли, и повиновались они ему без колебаний. И в самом деле, рисковать судьбами вечерних классов неразумно. С трудом взяв себя в руки, Сабир вызвал к доске Гариба, велел повторить вслух таблицу умножения.

Но и младшие классы, где днем Сабира окружали беспечно-веселые, несмотря ни на что, ребятишки, тоже приносили поэту отдохновение, бодрость, мужество.

Однажды он попросил школьников, двенадцати-тринадцатилетних подростков, написать сочинение: "Моя мечта".

К концу урока на его столике скопилась пачка то криво, то косо, то прямо, но всегда с величайшим старанием исписанных детскими руками тетрадок.

"Самая большая моя мечта - еще хоть раз повидать отца. Уже два года он в ссылке".

И подписи даже нет: то ли забыл от волнения, то ли побоялся.

Надыр написал: "Я ничего на свете не хочу, а хочу иметь такую форму, как у гимназистов".

"Я хотел бы поскорее вырасти и пойти добровольцем в

войска Саттархана".

И по почерку, и по решительности юного характера Сабир узнал Хуснеддина.

"Я хотел бы учиться всю жизнь и стать таким, как наш учитель Мирза, чтобы мои стихи и мой портрет печатались в газетах".

"Я желаю поскорее вырасти, чтобы пойти на работу. Мой отец калека".

Вечером Сабир перечел эти то наивные, то печальные, то дерзкие сочинения и словно биение пламенного сердца всего своего народа услышал в тишине опустевшей, погрузившейся в забытье школы. Счастливого пути, мальчики! Эй, вы, мечтавшие стать воинами Саттархана, и поэтами, и кормильцами семьи, Сабир благословляет вас в дальнюю дорогу.

О юные светила ночи, растите скорей!

Вам суждено озарить отчизну сиянием лучей.

Пусть ваши трепетные, самые чистые и самые искренние мечты расцветут ярко-лазоревым цветом и воплотятся в жизни. Пусть слово "свобода" и песни революции будут вашими первыми и последними, навсегда запомнившимися уроками. Не отрекитесь только от своих пламенных идеалов, не согнитесь под гнетом горя, которое уже сейчас омрачает ваши сочинения. Жизнь беспощадна к малодушным. Победу завоевывают лишь сильные духом.

Сабиру вспомнился вчерашний разговор с преподавателем рисования Валерием Костиным.

Обычно этот "бессловесный", как прозвали Костина, учитель, неприметно, бесшумно, будто украдкой входивший в школу, лишь издалека раскланивался с Сабиром. Костин отличался крайней молчаливостью, словно был убежден, что на уроках рисования можно обойтись и без разговоров со школьниками, - ведь здесь линия и цвет говорят сами за себя. Ни с кем из преподавателей Костин не дружил. По секрету передавали, что его за какие-то тяжкие грехи исключили из университета. Во всяком случае, Ахмед Кямал и инспектор не спускали с безобидного по виду учителя настороженных глаз. В перемену Костин одиноко стоял в конце коридора у форточки и курил.

Дети обожали этого высокого, вечно задумчивого, с курчавыми волосами, в выцветшем стареньком пиджачке наставника, считали его чародеем. Они прощали ему даже смешную привычку постоянно высовывать кончик языка. Когда Костин склонялся над тетрадками и поправлял рисунки учеников, то карандаш, зажатый его белыми, тонкими пальцами, похожими на пальцы девушки, вышивающей

какой-то нежный многоцветный узор, приобретал таинственную силу и власть. Стоило учителю лишь слегка, чуть-чуть коснуться волшебным карандашом тетрадки, как на бумаге возникали чудесные птицы, свирепые звери, дивные дворцы, дремучие леса. И дети благодарно смотрели снизу вверх сияющими от восторга глазенками на своего учителя, как будто в такие минуты понимали и оправдывали его молчаливость.

Но вчера, вопреки своим привычкам, Костин не только поклонился Сабиру, но и подошел к нему. Заметно было, что учителя что-то тревожило. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что Ахмед Кямала нет поблизости, Костин осторожно вынул из внутреннего кармана пиджака завернутую папиросной бумагой фотографию, протянул Сабиру.

- Вот. Отыскалась. Вы ведь его встречали.

Сабир развернул бумагу, и в упор на него глянул смелыми, умными глазами тот, кого он недавно не застал на бакинском вокзале. - Да разве вы с ним знакомы? - вспыхнув от радости, спросил Сабир.

Костин ответил, будто не расслышав:

- Давно хранится.

- Значит, вы его знаете?

- Известный писатель. Такой же, как вы, знаменитый.

- Я эту карточку никогда не видел. Откуда она у вас?-не очень деликатно допытывался Сабир.

С мягкой, восхищенной улыбкой Костин объяснил:

- Он был моим студенческим товарищем. Прозвенел звонок; пора идти в классы. Глубоко вздохнув, Сабир хотел вернуть портрет, но Костин настойчиво отвел его руку, кивнул:

- Возьмите! - и размеренными, твердыми шагами направился в класс.

Сабир, спохватившись, что и ему надо начинать очередной урок, взял с подоконника стопку ученических тетрадок, журнал. Так, значит, Костин - друг Нариманова. Теперь понятно, за что его изгнали с позором из университета. Недоучившийся врач. Революционер. Вероятно, и сейчас, и здесь, в Баку, этот угрюмый, замкнутый молчальник не покинул своего боевого поста, - друзья Нариманова не робкого десятка, их не запугаешь ни тюрьмой, ни ссылкой. И этот неожиданный, а потому еще более счастливый подарок, этот портрет, свидетельствует, что друзья Нариманова во всем и всегда доверяют Сабиру, считают его своим.

Сейчас, вечером, вынув из ящика стола карточку, как бы желая удостовериться, что Нариманов смотрит на него с дружбой и сердечным участием, Сабир прошептал:

Да здравствует свобода!- вот клич родной земли.

Тебя я не увижу - делам моим внемли!..

Слезы текли по его впалым щекам, - что бы ни случилось с Сабиром, но Балаханскую школу он не забудет никогда.

Он вошел в кабинет директора, где уже удобно, плотно расположились в креслах Ахмед Кямал и инспектор; у окна стоял какой-то незнакомый господин с брезгливым выражением на узком лице, небрежно кивнул в ответ на учтивый поклон Сабира. Из жандармского управления, что ли? Пожалуй, из управления кавказского Шейх-уль-ислама - это вернее...

Обменявшись понимающим взглядом с инспектором и желчным господином, Ахмед Кямал сказал притворно-вялым тоном, желая хоть этим-то подчеркнуть свое превосходство:

- Господин Таирзаде! Слушатели вечерних классов недовольны вашими уроками. Вы совершенно перестали разъяснять священные законы шариата. Кому это нужно, ворошить прошлое, рассказывать о пятом годе? Для чего вы говорите о тавризских событиях? Неужели вы хотите поставить первую, подчеркиваю - первую, школу несчастных мусульманских рабочих под угрозу закрытия? Мы не можем поверить в это!

Можно было в чем угодно обвинять Сабира, но все знали, что на его уроках ученики сидели не только за партами, но и на полу, стояли в проходах, у стены. Кое-кто из пожилых рабочих пропускал занятия: то задержался на вахте, то силы не хватило доплестись до школы. А вот на уроки Сабира все сходились... Да, все это знали, и Ахмед Кямал тоже знал.

- Если рабочие задают вопросы, то обязан же я на них отвечать, - пожал плечами Сабир.

- А вы так умело стройте уроки, чтоб не оставалось времени на дополнительные вопросы. И после звонка немедленно покидайте класс, - назидательным, неприятно-скрипучим тоном заметил инспектор; хладнокровие Сабира приводило его в неистовство. - Здесь вам не молитвенный дом, а школа европейского типа. Если тот или иной учитель не способен вести занятия на основе педагогической методики, то естественно, что он будет подвергаться и расспросам и даже насмешкам. Не забывайте, что рабочие еще хуже детей, во многих отношениях хуже! Они дерзки, непокорны, легко поддаются на всякие провокационные призывы.

Желчный господин у окна пристально вгляделся в лицо Сабира, будто сфотографировал, и спросил:

- Кажется, вы назначены сюда учителем шариата?

- Да, это так.

- А вместо шариата, значит, обучаете рабочих...

- Уроки шариата, господин, не имею чести знать имени, - это прежде всего уроки общественной морали и общественного поведения, - не дал ему договорить Сабир.

- Ах, вот как! Мы и не знали! - передразнил его Ахмед Кямал и завертелся в кресле, не в силах вынести внимательного и спокойного взора учителя.- Общественной морали и общественного поведения!..

- Конечно, - подтвердил невозмутимый Сабир, - конечно, морали и поведения. Я могу обучать и детей, и взрослых намазу, могу с ними прочитать книги пророка, но согласитесь, что на поучения двенадцати имамов и ста двадцати четырех тысяч мудрецов времени попросту не хватит!.. Вот и приходится рассказывать собственными словами, кое-что убавлять, а кое-что прибавлять.

- Ну, а что вы скажете о революционных песнях, которые исполняете с детьми на уроках? - побледнев от бешенства, крикнул Ахмед Кямал.

- Мы исполняем исключительно народные песни. А также религиозные, например суру Юсифа. Если дети наслушались от отцов и старших братьев революционных гимнов, то, вероятно, моей вины в этом нет, - напустив на себя оскорбленный вид, сказал Сабир.

Ахмед Кямал с трудом перевел дыхание и, плавно протянув руку к инспектору, будто подносил ему чашку кофе, сказал:

- Теперь, ваша милость, вы лично убедились в бунтарском еретическом характере преподавания учителя Таирзаде. Когда я вам раньше докладывал, так мне не верили! Вот теперь любуйтесь сами. - От волнения директор заговорил на каком-то смешанном турецко-фарсидском жаргоне. - Надеюсь, что хоть сейчас-то мои претензии будут удовлетворены.

- Господин директор, речь идет как будто обо мне. - Голос Сабира прозвучал словно издалека, холодно и твердо. - Тогда благоволите говорить на нашем родном, азербайджанском языке.

Сделав над собой усилие, Ахмед Кямал быстро сказал, на этот раз уже по-азербайджански:

- Я прошу господина инспектора принять соответствующие меры.

- В отношении меня, что ли? Так прошу напомнить господину инспектору, что я прибыл сюда по личному распоряжению почтенного Солтан Меджида и выполняю свои обязанности в точном соответствии с шариатом, а также учебной программой. Вы бы хоть мнением учеников

поинтересовались, прежде чем меня выгонять!

При этих словах господин у окна встрепенулся; углы его узких губ сложились в презрительную гримаску.

- Не забывайте и того, что наш директор - выходец из Турции, азербайджанского языка он не знает, вы сами только что увидели это... Народ ему чужд. Где тут ждать любви, - элементарного-то уважения к народу в Ахмед Кямале не замечалось... К .балаханским рабочим он относится, как англичанин к индусам. Потому и получается, что он толкует одно, а ученики понимают другое... Ему бы года два посидеть на парте в учительской семинарии!

Похожие на казачьи пики, усы инспектора зашевелились, подпрыгнули; Ахмед Кямал вскочил и принялся шагать из угла в угол.

- Слышите, слышите? - отрывисто выкрикивал он. - Вот они, плоды бабизма! Таирзаде, пишущий под псевдонимом Сабира, является озлобленным врагом государя императора. Его крамольные стишки в журнальчике "Молла Насреддин" вызывают гнев интеллигенции! Кто-то ввел в заблуждение господина Солтан Меджида, оказывающего пока что, - директор с открытой угрозой повторил, - пока что Сабиру благоволение... Хватит, хватит, хватит! - И Ахмед Кямал трижды стукнул каблуком по полу. - Пора изгнать эту подозрительную личность из рядов наших национальных просвещенцев.

- Господин инспектор, сейчас я думаю уже не о себе, - сказал Сабир усталым тоном. - Меня страшит судьба Балаханской школы. Ваш покорный слуга стремился только к одному: принести посильную пользу нации.

- А я не стремлюсь принести пользу нации? - Ахмед Кямал обиделся; голосок его страдальчески дрогнул. - Но что, ваша милость, я могу поделать, если вот такие невежды, - выразительный жест направлен в сторону Сабира, - мешали мне идти в народ с глаголом правды. Как сказал поэт:

Священной правдой обладал я, о аллах,
Но на устах моих лежит печать молчанья.
Народу счастия желал я, о аллах,
Но осужден на вечное изгнанье!

Брови инспектора изумленно изогнулись крутыми дугами; даже молчаливый господин у окна закашлялся.

- Чьи это строки?

- Величайшего поэта Турции и всего мусульманского Востока господина Гусейнзаде Али-бека.

- Кем же недоволен, хотел бы я знать, турецкий поэт? "Отцом нации"?

Ахмед Кямал струхнул.

- Вообще-то он всем доволен, в этих стихах содержится намек на отсталость кавказцев; господин Али-бек призывает их к прогрессу и цивилизации.

- Простите, ваша милость, что вмешиваюсь в разговор, но Кямал-бек неверно излагает стихотворение,- мягко заметил Сабир и этим вызвал среди присутствующих полное замешательство. - В словах Али-бека тоже нет никакой священной правды.

- Вы сомневаетесь в истине данного классического произведения? Вся мусульманская интеллигенция привлечет вас к строжайшей ответственности! - пригрозил директор, пытаясь хоть как-то выпутаться.

- Не сомневаюсь, а уверен, что слова Али-бека лживы от начала и до конца. Конечно, Али-бек в достаточной степени образован, прочел массу книг, свободно владеет многими языками... Он и поэт, и врач, и философ, и публицист. Но азербайджанского народа он не знает и знать не желает, явился он сюда поучать и наставлять "диких азиатов", а они оказались вовсе не дикими, вот и попросили его убраться вон. И никто Али-бека к молчанию не принуждал, - слава богу, в России существует свобода печати, попечением государя императора, да продлит всевышний его дни, нам даровано право высказывать правду и в печати, и устно... Доказательством этому журнал "Молла Насреддин".

Едва Сабир упомянул о государе императоре, как горделивые следователи притихли; в них нарастало бешенство, но волей-неволей пришлось сдержаться.

- Общеизвестно, что на Кавказе не препятствуют деятельности "Моллы Насреддина", не трогают таких бедняков, как Гамкусар или же Сижимгулы! - продолжал он с воодушевлением. Али-бек уже отбыл на чужбину, но, как видно, споры не прекратились. - Действительно, кто же мешал сладкозвучному стамбульскому соловью? "Отец нации"? Наоборот, он вбухал тысячи в журнальчики и газетки Али-бека, от которых с отвращением отвернулись читатели. Нет, это прямо-таки непостижимое уму явление, - с удовольствием рассмеялся Сабир. - Если Али-беку мешали в Сальянах, то почему же он не высказал правду в Петербурге? Предположим, и там помешали, но ведь он переехал в Стамбул, в колыбель исламизма. А дни-то стояли какие!.. "Младотурки" боролись с деспотией султана, весь мир с замиранием сердца следил за событиями. Кто же там помешал Али-беку говорить правду? Султан? "Младотурки"? Ведь он не примкнул ни к одной стороне, отсиделся в укромном углу!.. Разве вы не знаете? Покинув Стамбул, Али-

бек примчался в Баку, получил из рук "отца нации" самостоятельный журнальчик "Фиюзат". И, представьте, опять бедняге не удалось вымолвить ни слова! Боюсь, что у Али-бека за душой нет никакой правды, что он изолгался и утерял разницу между тьмой и светом, между честью и бесчестием. Ни азербайджанские интеллигенты, ни рабочие, ни крестьяне в его молчании не повинны! Режут языки правдолюбцам, заливают горло свинцом, вбивают гвозди в голову как раз приспешники Солтан Гамида Истамбульского, Мамедали Тегеранского, Мучдеин Ага Гусейна Кязима, а такие "невежды", как я, к сему постыдному делу руки не приложили, каюсь! - И Сабир с издевательским видом поклонился: он уже понял, что приговор заранее обдуман и скреплен надлежащими подписями; защищаться бесполезно, выгоднее нападать. - Не знаю, не знаю, господа, какого волка испугался Али-бек и кого страшится ныне директор Балаханской школы. Полагаю, что людей с такими настроениями, с турецко-фарсидским наречием на устах, вместо дивного по красоте и гармонии азербайджанского языка, нельзя на пушечный выстрел подпускать к школе, и общеобразовательной, и духовной!.. Весь мир сейчас поднялся на борьбу за свободу. Господа, вы бессильны помешать и тавризским повстанцам, и ученикам наших вечерних классов. Народ с презрением отвергает ваши немощные угрозы! Так я думаю, таковы мои убеждения. Прощайте!

И, снова поклонившись, он вышел. Вернувшись в свою комнату, начал укладывать тощий саквояж: рукописи, несколько смен белья, единственный выходной, более или менее приличный сюртук и еще - рукописи, рукописи, рукописи... Пора возвращаться в Шемаху.

Он так и не узнал, что школьный швейцар, имевший среди слушателей вечерних классов немало закадычных друзей, увидев приближение опасности в лице усатого инспектора и Ахмед Кямала, догадавшись, что это не сулит Сабиру добра, схватился за звонок, - ведь больше у старика не было никакого оружия, чтобы прийти на помощь поэту.

А в кабинете директора продолжалось совещание, ч говорил на этот раз желчный, болезненного вида господин, так и простоявший все время у окна, а Ахмед Кямал и инспектор с кайзеровскими усами покорно, подобострастно слушали:

- Этот худенький шемахинский мыловар прямо-таки извергает пламень! Бесспорно, что его сюда прислали для политической подрывной деятельности. Беспокойство высокочтимого господина директора вполне оправдано.

Глава тринадцатая

МАТЬ

О фея свободы! С тех пор, как тебя полюбил,
Я знаю, что сердцу тобою лишь биться всегда:
За это не раз порицаем и руган я был,
Но руганью этой я буду гордиться всегда!
Сабир

Дом Мелекнисы тоже находился в квартале молочников, там, где жила тетушка Месьма, но еще дальше к окраине, у самого спуска к реке, вплотную к ивам, окружившим мельницу.

Мелекниса тоже вдовела, как и Месьма, но у нее не было детей; соседи прозвали ее "яловой". Она решительно ничего не умела делать: ни шить, ни жать, ни косить, ни доить коров, ни штопать носки. Целые дни Мелекниса проводила на базаре, - слонялась от прилавка к прилавку, приценялась к товарам, но покупала крайне редко, заговаривала со знакомыми и незнакомыми, но особо охотно, с ликующим наслаждением подслушивала... Лишь только собрались мужчины в кружок, завязалась увлекательная беседа, так Мелекниса уж тут как тут, навострила ушки; при самых интересных новостях плотоядно облизывалась, как кошка, учуявшая добычу.

Умудренные жизненным опытом старики без обиняков говорили, что это подслушивание и является службой вдовы, и притом щедро оплачиваемой службой. Иначе с чего бы и в зной и в стужу Мелекниса торчала на базаре!..

Тетушка Месьма не доверяла подобным слухам, и не потому, что считала ее не способной на такие дела, а потому, что у нее в голове не укладывалось, что царю Николаю понадобилась помощь Мелекнисы. А когда поверила, то царь представился ей исполинским пауком, раскинувшим паутину по всей необъятной стране, вплоть до Кавказа, до Шемахи, - попробуй-ка ускользнуть, обязательно запутаешься...

Горожане называли базарную сплетницу в знак презрения еще и "стражницей".

- Чего тебе понадобилось здесь, стражница?

- Ну-ка, уходи, стражница, не твоего ума дело!

Мелекниса делала добродушную улыбку, но сердце ее так и трепетало от злобы. Действительно, муж ее, рябой Микаил, всю жизнь провел на кухне пристава: служил то ли кучером, то ли денщиком, но однажды в недобрый час его послали на поиски бандита лезгина, и неповоротливый Микаил сорвался с горной тропы, разбился в пропасти. Нет, он был самым настоящим стражником, в мундире, с шашкой, даже с медалью, и когда Мелекниса шествовала рядом с мужем в мечеть, то ее так и распирало от гордости: грудь становилась похожей на зрелый шемпирский арбуз... Но по

причине полнейшей глупости Микаил не годился к несению службы: узнав о его о смерти, пристав плюнул: "Вот, доверили дураку..."

Мелекниса любила мужа: ведь он был таким покорным, молчаливым, безответным, - упав на его труп, корчилась в рыданиях, причитала на всю улицу. Однако теперь она терпеть не могла, когда ее называли "стражницей". В устах шемахинцев это было самое черное слово; если хотели особо старательно оскорбить человека, то обязательно говорили: "Да ты что, стражник?" - "От стражника слышу!"

Вдова и грозилась пожаловаться приставу, и слезливо упрашивала, и возмущалась:

- Да что у меня, имени нет? И чего вы хотите от покойника? Умер, - значит, все кончилось!.. У тебя, нечестивый, язык отвалится, если станешь называть по имени?

Но это уж так водится: если занозистое словечко попало на язычок людям, то они от него долго не отвыкнут. Наконец Мелекниса махнула на все рукой и перестала печалиться: можно жить и "стражницей", были б только в кошельке денежки.

Волоча подол то по пыли, то по грязи, она металась со свадьбы на поминки; ни одного скандала не пропускала; на дню ее можно было заметить и на почте, и в канцелярии пристава, и на дворе суда, и в аптеке, и в школе. Переселился в квартал молочников новый человек, - вдова являлась к нему первым визитером, знакомилась, выведывала. Пошли женщины полоскать белье у мельницы, а Мелекниса уже на бережку, поблизости, чтобы все услышать. Ведь дело до того дошло, что даже на обрезания, бесстыдница, начала шляться, куда испокон веков допускались только мужчины! "Да мне все шемахинцы словно родные детки, - шутила и оправдывалась Мелекниса, - чего же их стесняться? И чем мужчины лучше меня, грешной?"

Мужчины и плевались, и брезгливо отворачивались, и делали вид, что не замечают ее, но ничего поделать с нахалкой не могли.

В дни новруза, курбана, рагибие, мовлуда, ашуры1 Мелекниса всюду успевала. И вот что странно: она ведь не делала ни малейшего различия между шиитами и суннитами - и к тем, и к другим имела свободный доступ.

- Эй, стражница, объясни хоть когда-нибудь, кто ты, суннитка или шиитка? - допытывались любопытные.

- И-и, стоит об этом думать!.. - отнекивалась вдова. - Я со всеми мусульманами здороваюсь, ни от кого не отвращаю взора.

Пристальное внимание горожан вызывала беспечная,

обильная жизненными благами судьба вдовы: были у нее и новенькие платья, и чусты, и кофты, и туфли, и табак в кальяне, и дрова в очаге, и мясо в котле... Откуда? Наивные утверждали, что это наследство от мужа, что Мелекнисе положено пособие из канцелярии пристава; мудрые с сомнением покачивали головами и говорили, что она постоянно моет полы в квартире пристава, тоже вдовца. А чаще всего разгорались упорные пересуды:

- Много ли ей надо: обедает и ужинает по чужим домам!

- Табак-то в кальяне собственный? А за осьмушку надо полпуда ячменя отдать.

- Какой там табак! Собирает листья в лесу, сушит и крошит.

- Ошибаетесь, господин, если пошарить в ее кисете, так найдете табак даже не Варташева, а Сафарова!

Но Мелекниса не смущалась подозрениями и по-прежнему рыскала с утра до вечера и по базару, и по квартирам.

Каждодневно она заглядывала и к тетушке Месьме, хотя чувствовала, ой чувствовала, что хозяйка ее недолюбливает.

- Спаси, господи, от ее дьявольского глаза! - жаловалась Месьма приятельницам. - Стоит этой проклятой покоситься на меня, как места себе на нахожу. Ведьма, настоящая ведьма! Да падет божья кара на ее голову.

На вдову и это не действовало: вползала в калитку, здоровалась с невозмутимым видом, подсаживалась к столу... А когда тетушке Месьме соседки сказали, что Мелекниса даже у детей выпытывает, не вернулся ли домой Бандалы, тут-то всем и стало ясно, какова у "стражницы" служба, откуда у нее, проклятой, деньги.

Словом, при виде дородной, приземистой, похожей на тыкву Мелекнисы у людей портилось настроение. Если тебе перебежала дорогу черная кошка, то, конечно, на тебя нападет уныние, домой воротишься, нового дела уже в этот день не начнешь... Но ведь и черную кошку-то ты не тронешь, вот что самое удивительное, - даже камнем в нее не бросишь!

Вероятно, вдовушка понимала, что ее считают в городе и черной кошкой и слепым чертом от которого, как известно, все несчастия на белом свете. Но как раз это и сулило ей полную безопасность: черную кошку трогать не положено, так уж повелось. Со слепым чертом тоже связываться рискованно: как бы хуже не было.

Следовательно, Мелекнисе жилось великолепно. Как говорится, лучше не надо. Побродив по базару, заглянув и в мечеть, и на почту, и в школу, и к знакомым, она с беспечным видом заходила в лавку Кишмишева.

Хозяин при ее появлении морщился, будто заметил на стене над тахтой паука, но с покорным вздохом надевал очки, вынимал из конторки тетрадку, брал перо и лишь после этого вопросительно смотрел на вдову.

- В лавке Лалаева чабан Ахмед ругательски ругал Керим-ага, - свистящим шепотом сообщала Мелекниса. - Червивым мясом, говорит, батраков кормит.

- Эй, арвад, да ты ж об этом еще позавчера говорила, - кряхтел хозяин.

- Как позавчера? Быть этого не может! Только что слышала!

- Вот здесь же записано.

- Значит, опять ругал, - не сдавалась вдова.

- Ну, кому это интересно! - страдальчески морщился купец. - Ты бы узнала, где хоронится Бандалы. Ведь был же категорический приказ господина пристава. Иди, иди, расселась тут, вставай!

- Господи, ты всеблагий и милостивый! - молилась тетушка Месьма, - нет конца и края щедротам твоим, но для чего ж ты повелел, чтоб нынешний год был собачьим?!1 Ну, добро бы, собака-то порядочная была: охотничья или пастушья, а то ведь самая вшивая, базарная тварь!.. Кому это понадобилось?- Тетушка с возмущением развела руками.

- Бедный ребенок чуть не погиб из-за своего соловьиного голоса. Бандалы оклеветали и обрекли на скитания. Осталась я, господи, одна-одинешенька. За что такая кара? Будто я свергла с престола Мамедали-шаха.

Теперь, когда Месьме приходилось скрывать свое горе даже от близких людей, от закадычных кумушек, она доверяла боль сердца лишь самому всевышнему. Бесконечно таиться ведь тоже невозможно, - это словно речной паводок: рано или поздно, а сокрушит плотину... Так и Месьма: когда уж совсем было невмоготу, то тетушка становилась к намазу, и жалобы так и лились из ее уст. Внешне все было по-обычному: Месьма совершала салават, перебирала четки, но вместо молитвы шептала упреки всевышнему. В эти минуты старушка была смела до отчаяния, напрямик резала господу богу правду, не боялась анафемы. Горе, придавившее Месьму к земле, было столь безмерным, что никакие беды: ни мирские, ни загробные - ее уже не интересовали. Забыв обо всем на свете, она не зажигала лампы, ей было даже приятно, что в доме, на дворе темно, безмолвно.

Вдруг что-то загремело в сенях, хррр, - заскрипела дверь, и голос Бандалы заставил старушку вздрогнуть, съежиться: - Мама!

Плотно прижав ладонь к глазам, Месьма прилегла на

пол, забыв, где четки, а где намазник. Господь услышал ее мольбы. Открылись двери рая. Хвала твоему великодушию, святитель! Бисмиллах, бисмиллах... И если даже это не сам Бандалы, а тень его глаголет с небес, - Месьма все равно счастлива и видит в сем чуде знамение божественной справедливости.

-Не бойся, мама, это я, я, - прошептал Бандалы и сильными, мускулистыми руками поднял старушку с пола.

- Сынок! - простонала Месьма, прильнула к нему, с наслаждением вдохнула запах свежего, парного хлеба, которым пропиталась не только одежда, но и кожа сына, и теперь поверила: да, да, это настоящий Бандалы, живой Бандалы, не тень его, не призрак, не видение, он с нею, пришел... И, уже не пугаясь, что ноги ее святотатственно топчут намазник, тетушка шагнула к нему, еще крепче обняла: никуда не отпущу, никому не отдам свое сокровище, единственное и драгоценное. - Сынок!

- Тише, мама, ради бога, тише.

И Бандалы закрыл на засов дверь, отыскал каким-то чутьем в густой темноте руку, плечо матери, помог ей добрести до тахты, а сам опустился около ее ног на пол.

Прикосновение родных рук к ее худенькому, высохшему телу было до того блаженно-болезненным, что Месьма дернулась, словно от ожога, и душа матери возрадовалась, и она с трудом подавила в себе крик восторга. От рук сына, больших, мозолистых, шершавых, в руки Месьмы, в кровь ее струился поток радости и возрождения. О, руки сына!.. Когда он был ребенком, Месьма своим дыханием согревала крохотные, застывшие от стужи пальчики; сколько разноцветных варежек она связала первенцу, как терпеливо учила его руки держать ложку, юлу, ножик, наконец, карандаш. Из его рук она непрестанно вытаскивала занозы, бинтовала на них ссадины и царапины. А когда мальчик хотел возблагодарить ее, приласкать, утешить, то гладил нежными руками материнские щеки, веки, волосы, и Месьма боялась в этот миг пошелохнуться, чтобы не расплескать хоть каплю переполнявшего ее счастья. Когда сынок видел мать опечаленной, то щедро раскрывал объятия, подобно вьюнку, обвивался вокруг нее ручонками и лепетал: "Мама, мама!.." А едва Бандалы подрос, и злая судьбина послала его на поденщину батраком к бекам, и руки его огрубели, то мать, встретив сына вечером, садилась подле тахты и гладила, нежила его усталые, исстрадавшиеся, совсем еще детские руки, как бы желая поскорее влить в них успокоение. Паренек же смущался, отдергивал руки, просил: - Не надо, мама, оставь.

Если Бандалы уходил на заработки с артелью в дальнюю

сторону, то Месьма все-таки не оставалась одинокой: она узнавала в поднявшейся ниве семена, брошенные в пашню сыном; везли сено с лугов, - его накосил Бандалы; снопы, пирамидами возвышавшиеся на жнивье, были связаны и поставлены тоже его руками. Женщина несла с колодца чистую, хрустально прозрачную воду, а колодец-то копал ее Бандалы. Каменный забор у школы был выложен его руками. Вытянувшиеся, раскинувшиеся шатром деревья в пригородных садах были посажены тоже им, - на чужой земле, в хозяйском саду, а все-таки корни-то их бережно опустил в яму ее Бандалы.

Вот какой у нее сын, - вовсе еще молодой, а сколько уже наработал, построил, создал!..

Да если б Месьма за это время ослепла от горя, она все равно б узнала руки Бандалы - источник жизни, последнее прибежище от страданий.

- Дай же я прижму твои руки, сынок, к сердцу!

- Давно я не был, мама, рядом с тобой, не слышал твоего дыхания, твоего голоса. Как я соскучился по тебе! Только дома, у очага, с тобой я нахожу спокойствие.

- Ты бы лучше о себе рассказал. Где был? Надолго ли пришел?

- Пришел, вот и все. Ради матери через горы, через пустыни пройду. Ты же знала, что приду, ждала!..

- Милый, умный сынок! Ох, умереть бы, чем видеть твои муки. И Антига тоже... Нет, нет, с нею ничего не случилось, она учится, она приедет на каникулы, наверно. Да как-то все странно, смутно!.. Пусти, я зажгу очаг.

Месьма встала и случайно коснулась пояса Бандалы и поняла, что сын опоясан патронташем, - сердце ее замерло, пропустило удар, другой, а затем забилось тяжело, тревожно.

- Нет, не нужно, - строго сказал Бандалы, - мне достаточно и твоей душевной теплоты: согреюсь. Расскажи, как живешь. Мучают тебя, преследуют?

- А чего они смогут со мной сделать? - Тетушка Месьма заговорила смелее. - Вымокший до нитки путник дождя не боится... Как твои-то дела? Защитника нашел?

- Нашел, нашел, - беспечным тоном сказал парень, радуясь, что темнота спрятала его унылую усмешку. - Ты молись обо мне. Вздохи матери не останутся без божьего благословения.

- А чего ж мне теперь делать, как не молиться? Взоры постоянно устремлены к престолу всевышнего. Готова принести в жертву даже следам твоим на пыльной дороге всю жизнь свою. Зареклась - два месяца поститься и посетить все святые места, если ты станешь опять свободным.

- А я вполне свободен, свободен, - пошутил Бандалы.

- У меня много верных, испытанных друзей, которые помогают мне оставаться свободным... Есть же хорошие люди на свете, дай бог им здоровья!

- И врагу не пожелаю быть одиноким, - вздохнула Месьма. Кто-кто, а она-то знала, сколь тяжка чаша полного одиночества, когда даже близкие люди, стародавние соседи боялись бросить на нее сочувственный взгляд. - Дай хоть чаю согрею: ведь ты с дороги.

- Не надо, не надо, мама! Посиди со мной. Если б ты была всегда подле, то меня не взяла бы ни пуля, ни сабля.

Пожалуй, только сейчас Бандалы понял, как дорог ему родимый дом, увидел, что в матери имеет самого близкого и самого верного друга, только сегодня почувствовал всю преданность и любовь материнских объятий. Ему хотелось отблагодарить ее, - ведь мама ни в детстве, ни в юности не ведала ласки, внимания, даже самой обычной заботы: одни лишения выпали на ее долю.

- Если бы ты всегда была со мной, то я стал бы всесильным, как Наби, и расправился бы с царскими слугами.

- Ради тебя готова сесть на коня с винтовкой в руках!- улыбнулась Месьма. Ее тревожили слова сына: глаза матери, привыкнув к темноте, различили прислоненную к косяку винтовку с раздробленным прикладом.

А Бандалы устало опустил голову.

- Я виноват перед тобой.

- Не говори так, сердце мое.

- Виноват, виноват! - с усилием продолжал юноша. - Не был я тебе помощником, кормильцем. Э, будь прокляты эти времена! Горем твоим сделался! - Он говорил ровным тоном вконец отчаявшегося человека, будто не о нем самом шла речь. - Оклеветали, разлучили с тобой, с сестренкой, с шемахинскими полями. А я вот не смог бесконечно выдержать разлуки, - пришел!

Для матери самое главное было, что пришел. И, не слушая возражений и упрашиваний сына, Месьма приготовила чай, принесла овсяный чурек, яйца, лук, сумах, достала из сундучка сладости, бог весть сколько времени хранимые для детей...

За трапезой Бандалы рассказал матери, что ночевал в Маразах, на постоялом дворе; хозяйка чуть свет добежала до стражника, шепнула, что у нее приютился беглый каторжник, и парню пришлось, отстреливаясь, удирать через заборы и сады.

И в материнском доме он непрерывно озирался, при малейшем шорохе вздрагивал, будто ждал, что вот-вот

забарабанят в дверь кулаками. Вдова Месьма плотно занавесила единственное оконце, убавила свет в семилинейной лампе, часто выходила на крыльцо, как бы желая проведать кур в курятнике, но все-таки Бандалы не мог успокоиться.

Когда затих городской шум, и квартал молочников погрузился в тишину, и лунный свет выбелил каменные заборы и стены домов, он осмелился выйти из дому, сел на крылечке. Бандалы любил такое прохладное ночное безмолвие: ему иногда казалось, что самая радостная пора его юности выпала на безмятежно-спокойные шемахинские ночи... Вот овечка отбилась от отары, и чабан-подросток искал ее в посеребренном луной перелеске. Вот, засучив брюки до колен, чувствуя босыми ногами приятно захолодавшую после дневного зноя землю, он поливал хозяйский бостан, перепрыгивая через мелодично журчавшие арыки. Вот приказчик бека велел Бандалы стеречь намолоченное зерно, и, накрывшись полушубком, паренек лежал на ворохе соломы, прислушивался к пению сверчков. А в небе летели журавли, невидимые в сиянии луны, но до мальчика доносились их протяжные курлыкающие вскрики; улетали журавли в Багдад... Бандалы никогда не надоедало любоваться изморозью Млечного Пути, блеском золотоглавых звезд; он не замечал, как тяжелели, опускались веки, как он постепенно опускался в кратковременный сладкий предутренний сон. Очнувшись от скоротечного забытья, он сбрасывал потемневшую от росы овчину, подпрыгивал, плясал, кувыркался в соломе, чтобы размяться, и - счастливый - ждал первого луча благословенного солнца.

В те годы подросток Бандалы не боялся ни воров, ни разбойников, ни приказчика бека, а ныне, повзрослев, он шарахался от тени дерева или камня, ибо и эта тень была враждебна беглецу. Он всех сторонился, его преследовали не только пристав и стражники, но и ночные шорохи, стук каблуков запоздалого прохожего, злобный лай сторожевого пса... Тетушка Месьма не утерпела, тоже вышла постеречь первенца, сделала вид, что искала заблудившуюся курицу.

- Ох, проклятая! Глянь, куда залезла. Ну, погоди, попадешь на зуб хорьку или лисице. Киш, киш! Ныло, болело, истосковалось сердце матери, - решила выглянуть и на улицу, проверить, все ли там спокойно, а если какой-то неугомонный из соседей не уснул, то рассеять его подозрения. И с кувшином тетушка отправилась к колодцу, будто готовилась совершить предмолитвенное омовение, нараспев читая привычное: "Аллаху мясали Мэхэмэдэн, вэ али Мэхэмэд!"

А сын прислонился к искривленному тутовнику, провел

рукой по шершавому, словно мозолистому, с твердыми наростами стволу, как будто искал чего-то. И верно, он искал здесь памятку детства: когда-то, давно-давно, мальчик вырезал в коре ножом двуострый меч - знак доблести и боевого мужества. Пальцы Бандалы нащупали полузаросшую продольную впадину, похожую на шрам. Пройдет год-два, и кора сомкнется, словно размытый водой речной песок, и не останется никакого следа о прекраснодушном, пылком, обуреваемом благородными стремлениями мальчике.

- Эй, сын вдовы, выходи!

- Бросай винтовку! Сдавайся!

- Да если б ты извергал пламя, и то бы нас не осилил. Здесь находятся правительственные войска!

Маразинский стражник своевременно передал в Шемаху весть, что Бандалы объявился в родных краях, переночевал на постоялом дворе, был настигнут и скрылся, отстреливаясь. Пристав Исрафил-бек тотчас снарядил семь конных стражников и уже отдал приказ мчаться в квартал молочников, к дому тетушки Месьмы, но неожиданно раздумал, перенес операцию пленения беглого каторжника на ночь. Исрафил-бек считал себя хитроумным стратегом и рассуждал так: во-первых, нужно установить точное местонахождение преступника. Наверняка Бандалы прибежал в материнский дом. Если это подтвердится, то спешить уже не следует: парень давно не виделся с матерью, истосковался и теперь заляжет у очага, как медведь в берлоге. Во-вторых, ночью, да еще лунной, ловить разбойников удобнее и безопаснее: на улицах нет прохожих, никто не подвернется под пулю, а, наоборот, из засады можно без затруднений подстрелить Бандалы... В-третьих... Ох, приставу вовсе не улыбалось участвовать в перестрелке. Ведь пуля-то дура, летит, куда хочет. Как все суеверные люди, Исрафил-бек надеялся, что до ночи, может, все устроится само собой.

Он вызвал в канцелярию "стражницу" и велел Мелекнисе установить за домом вдовы самое неослабное и непрерывное наблюдение.

Польщенная столь ответственным поручением, "стражника" еще в сумерках залегла на крыше соседнего курятника, прикрыла свое бренное рыхлое тело тряпками, ветошью и замерла. Она не приметила, как парень прокрался в дом, но насторожилась, увидев, что тетушка Месьма слишком уж часто выбегала на крыльцо, с подозрительной деловитостью окликала кур, а было-то их у нее всего пяток... И вдруг дверь скрипнула, и на лунном дворе появился Бандалы. При виде высокого сильного парня Мелекниса беззвучно ахнула, ее прошиб холодный пот, от страха залязгали зубы, - пришлось

придержать подбородок рукой. Если б Баидалы сделал два шага к забору, к соседнему курятнику, то сердце "стражницы" лопнуло бы, как ошпаренный кипятком стакан.

Парень походил по двору, для чего-то обнял искривленный тутовник, прижался к коре щекой, словно к другу, постоял так молча и вернулся в дом.

Словно мышь, чудом вырвавшаяся из пасти змеи, Мелекниса скатилась с крыши и, спотыкаясь, побежала к приставу. Исрафил-бек внимательно выслушал ее задыхающийся шепот и, заботясь прежде всего о собственном благополучии, как и подобает набожному правоверному, спросил:

- У него оружие есть? Мелекниса растерялась.

- Откуда мне знать? Ей-богу, не видела.

- О, дура и дочь дуры! - застонал пристав, схватившись за голову. - Да это ж самое важное. Что, без тебя не знаю, что Бандалы дома? Куда же ему бежать, как не к матери!

А Бандалы тем временем спал крепким сном на тахте; так устал, так измучился, что хватило в парне силы только сказать:

- Ложись, мама! Если кто постучится, не открывай!

Едва голова коснулась подушки, едва Месьма прикрыла его ватным одеялом, - сын ровно задышал.

А Месьма не спала, ей доставляло наслаждение сторожить сына. Неподвижно она сидела на полу У тахты, боясь неосторожным движением нарушить отдохновение первенца, спугнуть его сон.

Вот заливисто, визгливо залаяла собака в переулке, и Бандалы встрепенулся, открыл глаза.

- Ты почему не спишь? Болит что-нибудь?

- Нет, сынок, нет, я здорова, благодарение всевышнему.

- Чем же занята?

- Свою думу думаю, деточка.

Бандалы сладко, как ребенок, почмокал губами и опять провалился в забытье. Может, потому он и спал так спокойно, что знал: мать не спит, настороже.

"Бедняжка, - думала вдова, - ведь ты с малого детства не знал покоя. Бывало, тащил из лесу вязанку дров, а вязанка-то больше тебя самого. Босые ноги в ссадинах, руки в занозах!.."

Однажды Месьме посчастливилось купить в рассрочку сыну новенькие чарыхи. Как радовался паренек! Сплел цветные шнурки, приготовил крепкие обмотки, все расспрашивал мать:

- Ну как, мама, красиво?

- Красиво, деточка, очень красиво, носи, мой красавец!

А самой плакать хотелось, с трудом удерживала подступившие к горлу рыдания: ведь это были первые чарыхи в

жизни девятилетнего мальчика и, как знать, может, последние...

В ту пору Бандалы был худеньким, хилым, часто хворал, и кое-кто из кумушек горестно вздыхал: "Не жилец на белом свете!", а вот поди ты, выровнялся, окреп, налился силой, похорошел: немало благонравственных девиц провожали его с балконов истомленными взглядами.

Внезапно вдова Месьма устыдилась, что столь откровенно восхищалась собственным сыном, возвела очи к небу: "О боже, сохрани всех детей мира, и в том числе моего Бандалы, от дурного глаза, от гнева бека, от клеветы шайтана, от порочных блудниц!" А за углом уже спешились стражники и, придерживая шашки, чтобы не бренчали, воинственно потрясая винтовками, надеясь хоть этим-то укрепить свое мужество, окружали по указаниям пристава покосившийся домик вдовы Месьмы.

"И что за напасть такая!" - размышляла вдова, не покидая сторожевого поста у кровати сына. - Кто, подлый, оклеветал сына? Я была всю жизнь бедна, но выкормила детей честным хлебом, - на чужое золото Бандалы и краем глаза не взглянет. Господи, ты свидетель, что мой сын плохими делами не занимался!.. Да лучше бы он не возвращался сюда, чем страшиться теперь любого прохожего. Ну, прятался бы там, где до сих пор находил убежище. Что за мука, - то тащат в полицию, то ведут в суд, то садят в тюрьму... Куда ж ему сейчас-то деваться: в горы бежать, к разбойникам?"

За окном оглушительно грянул выстрел, распоровший, словно удар грома, ночную тишину, и пристав Исрафил-бек заорал что есть силы:

- Эй, Бандалы, сдавайся! Выброс в дверь винтовку! Все равно не убежишь. Повинную голову меч не сечет.

И стражники, подняв вверх винтовки, тоже закричали грубыми, хриплыми, заунывными голосами; они стучали сапогами по камням, желая перепугать беглеца, а заодно и вдохнуть доблесть в свои трусливые души.

- Сдавайся, Бандалы, сда-а-авай-ся-аа!

Вдова Месьма с болезненным стоном так и повалилась ничком на пол, но сын уже был на ногах, будто и не спал, схватил винтовку; движения его были быстрыми, четкими, ловкими.

- Мама, ложись за очаг, там тебя не заденет ни одна пуля. За меня не беспокойся, себя храни.

Мать рвала на себе волосы, раскачивалась всем телом и причитала:

- О боже, о святой Аббас, спаси сына! О, мой Бандалы, воин с львиным сердцем, бьющийся с полчищами царя! О,

горе, горе!..

Стражник Чар Наиб, прославившийся свирепыми расправами с безоружными крестьянами, прозванный двуногим волком и всемерно старавшийся оправдать это название, ругался:

- Эй, сын вдовы, у мамки под юбкой спрятался?! Выходи!

Бандалы не откликнулся.

Опьяненный и бешенством и гордыней, Чар Наиб одним прыжком перемахнул через каменную ограду и, стреляя .наугад, зашагал по двору к дверям дома.

- Пожалей себя! - послышался спокойный голос Бандалы.

- Ишь, заговорила лиса, - рявкнул стражник.- Давай, давай, выходи! Я тебе сейчас покажу!

Меткой пулей Бандалы уложил его на месте, и когда пристав и стражники увидели, как старательно вытянулся на камнях Чар Наиб, раскинул руки и отдал господу богу свою волчью, злую, не ведавшую сострадания душу, то рассвирепели, подняли бешеную стрельбу, а Исрафил-бек гаркнул во всю силу легких:

- Убейте этого пса!

В соседних домиках не зажигали света, и казалось, что жалкие хибарки бедняков от страха зажмурились, но уже столпились в воротах любопытные: все мигом узнали, что беглец Бандалы выслежен и окружен, - кто сочувствовал всем сердцем герою и проливал слезы над судьбой его и матери, кто, желая выслужиться перед приставом, давал всевозможные советы, как полегче и побыстрее поймать крамольника, кто попросту увлекся необыкновенным событием, но все-таки нашелся смельчак, крикнул, прикрыв на всякий случай папахой лицо:

- Эй, Кябля Исрафил, нечестно нападать на одного с целым войском! Ты бы еще пушку привез.

Пристав огрызнулся:

- Прошу не соваться не в свое дело! С врагами царского престола мы шутить не намерены!

А шальная пуля, пронзив жалобно звякнувшее оконце, уже оцарапала руку вдовы, и Месьма украдкой слизывала кровь, прятала руку за пазухой, чтоб только Бандалы не заметил, не расстроился и не дрогнуло его верное, могучее сердце.

"Без тебя, сынок, все равно жить не стану, - думала Месьма. - Помирать, так вместе!"

И, собрав последние, быстро гаснувшие силы, плотно сжав губы, чтобы не вырвался стон, мать подавала Бандалы воду, вытирала пот с его лица. А Бандалы, не отрываясь от

винтовки, лихорадочно думал, как же спасти мать. Себе он уже не ждал пощады. Попросить пристава выпустить ее из дому? Да, так поступали в старину, но говорят, что раньше и подлецы были благороднее нынешних полицейских... Как знать, может, Исрафил-бек пристрелит собственноручно на глазах сына старушку? Бандалы стало так страшно, что он на миг закрыл глаза.

Неожиданно стрельба прекратилась, и в наступившей тишине особо громко, властно прозвучал гневный голос Сабира:

- Остановитесь! В каком это Коране написано, что беззащитная женщина должна находиться под пулями? Эй, бессовестные!.. Господин Исрафил-бек, вы же мусульманин.

- Прошу не мешать, как я есть при исполнении служебных обязанностей, - вспылил пристав, но из ворот, где толпились горожане, послышался недовольный ропот, и ему волей-неволей пришлось изменить тон. - А вам бы, господин учитель, чем защищать бунтарей и врагов царского престола...

- Я защищаю женщину! - с достоинством, отчеканивая каждое слово, чтобы его все услышали, сказал Сабир.

И шагнул вперед, сознавая свою мощь, свое влияние даже на ненавидящих его, пошел прямо на пристава, на стражников, и те расступились, опустили винтовки, присмирели, смотрели на поэта с плохо скрываемой яростью и смятением.

Взмахнув белым платком, Сабир бесстрашно вошел во двор, огляделся, - чем хладнокровнее он держался, тем растеряннее чувствовали себя полицейские, - и толкнул дверь дома.

Через минуту он вывел оттуда, как малую дитятю, Месьму, в чадре, спотыкавшуюся, будто ослепшую, и крепко держал ее за руку, ласково утешая:

- Да не скорби, тетушка, вот увидишь, - все будет хорошо.

У трупа Чар Наиба он остановился, подумал и повелительно крикнул приставу:

- Господин Исрафил-бек, приличнее было бы сейчас, в момент перемирия, убрать тело мусульманина. Не подобает ему валяться как собаке, - ведь душа-то его предстала уже пред ликом бога!

Пристав посмотрел на стражников, те взглянули на него и, хотя не было произнесено ни слова, покорно положили винтовки на мостовую, толкаясь, непрерывно озираясь, пошли к трупу.

- Живей, живей! - командовал Исрафил-бек.

В это время осмелевшие, выползшие из-под ворот горо-

жане ахнули: на крыше дома появился всклокоченный, в разорванной рубахе, с винтовкой в руке Бандалы. Не колеблясь, он спрыгнул на ограду, камни посыпались из-под ног, и еще раз прыгнул, на этот раз уже в темный переулок. Там раздались испуганные вопли: "Держи, держи-и!", топот коня, запоздалый выстрел, и все затихло.

Через час вся Шемаха гудела слухами о чудесном избавлении сына тетушки Месьмы от Исрафил-бека. Нашлись красноречивые свидетели, собственными глазами видевшие, как парень, подобно быстрокрылой птице, перелетел через ограду и скрылся в предутреннем молочно-белом тумане.

И все-таки Бандалы не убежал.

Шальным выстрелом стражник подбил коня, и парень, перелезая через изгороди, прячась в садах, помчался к реке. Здесь было безмятежно спокойно, над водой клубился белесый парок, еле слышно шелестели деревья, и Бандалы подумал, что выгоднее всего тут и схорониться, дождаться вечера: на караванной дороге его все равно перехватят... Он спустился к мельнице и стал в тень неподвижного мельничного колеса, прижал к груди винтовку, - сюда никогда не заглянут.

И верно, стражники не заглянули. Нахлестывая коней, промчались к переправе; загудели доски настила под копытами...

А когда рассвело и Бандалы окончательно успокоился и за мать и за себя, к реке спустилась с медным, старательно начищенным кувшином девочка, зачерпнула студеной светлой воды и вдруг увидела стоявшего за колесом незнакомого человека. Она так испугалась, что выронила из слабеньких ручонок кувшин и полетела сломя голову к дому: только пятки босых ног засверкали.

- Мама, мама, там разбойник спрятался! - кричала она в беспамятстве, заливаясь слезами.

- Молчи, тсс, молчи, детка! - напустилась на нее мать, вытерла передником и слезы и подносом, строго-настрого запретила девочке хоть единое слово кому вымолвить, а сама, не чуя земли под ногами, бросилась к соседке...

Недаром в народе говорится: "Тетя узнала - весь свет узнал!" Безутешная Мелекниса толкалась и на базаре и по знакомым, жадно вынюхивала всякие новости, проклинала неведомых злодеев, помешавших Исрафил-беку выполнить верноподданнический долг. Услышав о спрятавшемся под мельницей разбойнике, она прикрыла на миг ладонью вспыхнувшие радостью глазки и, взметая подолом пыль, поспешила в полицию.

Там бушевал Исрафил-бек, подступал, размахивая кула-

ками, к стражникам, грозил:

- Десять шкур спущу!

Распахнулась дверь, ворвалась багровая "стражница" и, забыв о секретном характере своей службы, взвизгнула:

- Бандалы!.. На мельнице!

В полдень по городским улицам ехала, надсадно скрипя колесами, арба, вокруг, горяча лошадей, гарцевали конные городовые, они вскидывали и ловко ловили винтовки, дабы окончательно и бесповоротно устрашить жителей, а в арбе лежал, прикрытый попоной, мертвый Бандалы. Не так-то много оставалось У него патронов, а место у мельницы ровное, как стол, и когда окружили мельницу стражники и подняли беспорядочную стрельбу, то юноша понял, что близок срок его гибели. Он дорого отдал жизнь, опрокинул верной пулей одного полицейского, ранил другого, но уже окрасились его кровью речные струи, и, слабея, теряя сознание, он сполз по траве к воде и бросил в омут винтовку.

У мстительного Исрафил-бека хватило смекалки надругаться над мертвецом, он распорядился бросить тело Бандалы на дворе полицейского участка и широко открыть ворота: приходите, убедитесь, как сурово карает царская власть отступников и бунтарей, как всесильны стражи закона.

Но - странное дело - никто не заходил во двор, самые любопытные устыдились, отсиживались дома, а на следующее утро пристав опять в бешенстве топал сапогами и проклинал Мехера и чистосердечно желал ему и детям его всяких бед.

- Где были твои глаза, бесстыжий? Дрыхнул всю ночь, как свинья? Откуда взялись эти цветы?

- Ваше благородие, святыми клянусь, глаз не сомкнул! - оправдывался стражник, искоса поглядывая на букет благоухающих, обрызганных росой цветов, возложенный на грудь юноши. Бандалы совсем не переменился, будто уснул, красивое лицо его выражало бесконечное спокойствие, и Мехеру показалось, что парень безмолвно просил: дайте вы мне отдохнуть, судьба отнеслась ко мне так несправедливо, так жестоко...

- Да что ж, ангелы усыпали розами государственного преступника? - горланил пристав. - Хорошо хоть, что тело-то не украли! О-о, собака! О, дармоеды! Ну, погодите, я вас приструню. - И, размахнувшись, влепил Мехеру оглушительную пощечину.- Постой! - задержал он норовившего убежать стражника.- Запрягайте в арбу быков и везите эту падаль на кладбище!

Часто мигая, держась за ноющую щеку, стражник показал на ворота, - пристав бросил туда беглый взгляд и замер:

язык прилип к гортани.

В черной чадре, твердыми шагами во двор ступила тетушка Месьма. Приподняв голову сына, она стряхнула с кожи соломинки и прикрыла лицо шелковым платком. Этот нарядный платок принес ей сын года три назад с первой получки у купца Рагим-аги. Ни разу Месьма не надела платка, берегла к сыновней свадьбе, для невестки, для богоданной избранницы. Теперь в последний путь она обряж'ала сына, трижды прижалась губами к его застывшим, тяжелым, словно чугунным, губам и опустила платок, словно завесу над всей его жизнью...

Если бы мать рыдала, валялась на земле, рвала волосы, то пристав и Мехер сочли бы, что все происходит согласно старозаветным обычаям, но их потрясало, поражало ледяное безмолвие тетушки Месьмы. А в ворота уже заглядывали, заходили горожане, сложив руки на груди, не поднимая глаз, становились вокруг арбы, и пристав, страшась наплыва чужих, ненужных ему людей, все еще не осмеливался рта раскрыть.

- Эй, бек! - негромко окликнула его Месьма, и пристав дрогнул, попятился. - Эй, Кябля Исрафил! Чем ты сейчас гордишься? Убийством моего сына? Бандалы дрался, подобно льву, за свою жизнь, за свое счастье. Он тебе, царскому рабу, ничем не помешал, ничем!.. Тебе бы, наихрабрейший Кябля Исрафил, ныне гордиться победой, но ты в поту, тебе страшно, а страшно потому, что знаешь: у Бандалы осталось много друзей... Я растоплю свое горе на огне мести и поднесу этот пламенем дышащий напиток к устам его друзей. У меня теперь остались бог на небе, а друзья Бандалы - на земле. Они отомстят,- опоясывайся скорей патронташем, созывай стражников, Кябля Исрафил! Скажу наперед: тебе нет спасения!

И скрипучая арба повезла по притихшим, почти пустынным улицам нераскаявшегося странника к месту последнего успокоения. Родная земля, на которой преследовали, мучили, терзали юношу, наконец-то сжалилась, выделила ему три аршина, и за это спасибо, кормилица! Горе Месьмы было таким безмерным, что как бы оглушило город, и жители не решались показаться на улицах, остерегались встретиться взглядом с отрешенным от всего земного взором матери. Постепенно и немногочисленные спутники, робко вобрав головы в плечи, отходили от арбы, разбегались, прятались в подъездах, по квартирам.

Впереди арбы ехал верхом на лошади стражник с величественным выражением на тупом, крепкоскулом лице.

Когда Месьма оглянулась, то увидела, что позади нее

шел Сабир.

Глава четырнадцатая
ДОПРОС

Жаль, что не на свободе перо поэта,-
Сколько б чудес свершило перо поэта.
А. Джаннати

Мирза Джалил был не в духе. Обычно он, получив из типографии сигнальный номер журнала, осторожно, как младенца, брал его в руки и любовался, вдыхал с удовольствием запах краски, переворачивал страницы, не раз, не два перечитывал самые удачные стихотворения, фельетоны, вызывал к себе сотрудников и советовался с ними: нельзя ли что-нибудь исправить, улучшить... Ведь он вкладывал в журнал не только талант, не только силу ума, мудрость, душевную проницательность, но всего себя - свою судьбу, свою жизнь.

Но нынешний номер Мирза Джалил взял брезгливо двумя пальцами, как грязную тряпку, и тотчас отбросил, - даже не заглянул, не поинтересовался.

Заметив, как расстроен редактор, Алигули встревожился: такого еще никогда не бывало...

Алигули был бесстрашным приверженцем и помощником Мирза Джалила. Он вырос в тишайшей Нахичевани и в молодости обошел весь Кавказ и Иран. Путевые впечатления юного поэта были до крайности однообразными: всюду свирепствовали помещики- и азербайджанские беки, и иранские ханы, и разбогатевшие немецкие колонисты, и отставные русские офицеры, правдой-неправдой захватившие отменный кус тучной, плодородной земли; всюду страдали и мучились, уповая на милосердие божие, крестьяне. Когда "засиял, подобно солнцу", задорный, боевой, смелый журнал "Молла Насреддин", Алигули вернулся в Тифлис, дабы согреть в его живительных лучах свою оледеневшую от горя душу.

Он не обладал законченным глубоким образованием, но любил поэзию, понимал ее, у него был тонкий, безошибочный вкус, и Мирза Джалил вскоре доверил ему читку всех .поступавших в журнал стихотворений.

В собственных произведениях Алигули открыто учился у Сабира богатейшему, брызжущему и гневной издевкой, и язвительной насмешкой народному языку, виртуозному мастерству поэтической формы, обдуманному пренебрежению к застывшим старозаветным стихотворным канонам.

Мирза Джалил полюбил своего неутомимого помощника, прозвал его "проказником" (и года не прошло, как это

наименование стало постоянным псевдонимом Алигули); зачастую давал ему темы для фельетонов. А веселый "проказник" буквально боготворил редактора "Моллы Насреддина", видел в нем великого борца против темноты и невежества, опутавшего крепчайшими путами мусульман.

Понятно, что Алигули не на шутку встревожился, увидев Мирза Джалила печальным. Редактор никогда не таился от своих сотрудников, делился с ними и радостью и горем, вместе они упивались счастьем народного признания, вместе стойко сносили поражения. Что же случилось сегодня? Какое новое испытание придется изведать кормчему журнала?

А может быть, Мирза Джалила мучает головная боль: последние дни он жаловался на постоянные мигрени.

Алигули кашлянул в кулак, чтобы привлечь к себе внимание, но редактор что-то записывал в карманную записную книжку и не откликнулся.

- Вчера был на дне рождения у одного закадычного приятеля. Странные речи там слышал, - начал издалека Алигули, бросая на редактора вопросительный взгляд.

Мирза Джалил захлопнул книжку, спрятал ее, но упорно молчал, будто не расслышал слов друга. Али-гули привык видеть его неизменно спокойным: даже в минуты невзгод и треволнений Мирза не терял самообладания, будто был закован в броню. Что же сейчас-то произошло?

Неожиданно грустное, безнадежно унылое выражение на лице Мирзы сменилось задорно насмешливой улыбкой.

- Чей же день рождения-то? Хозяина? Оказывается, он все слышал.

- Сына. Первенца. Десять лет исполнилось мальчику. И такой крепыш, ну прямо богатырь! - оживился Алигули.

- Это по какому ж летосчислению: Хиджри - мусульманскому или Милади - христианскому?

А для чего это знать Мирза Джалилу? Но вполне возможно, что он обдумывал очередной фельетон или рассказ? И Алигули с готовностью ответил:

- По Милади.

- Мне очень жаль детей, отмеченных по христианскому летосчислению, - вздохнул Мирза Джалил.

В этих словах таился какой-то подвох, и Алигули почувствовал это, с притворным огорчением заохал:

- Да, да, ты прав, почтеннейший, ведь, как и всякие иноверцы, они уже заранее осуждены на вечные муки ада.

- В летосчислении Милади скрывается какой-то зловещий рок, - серьезным тоном продолжал Мирза Джалил. - А если не рок, то страшная тайна.

- То есть как тайна?

- А вот и тайна... Послушай: я сам отмечен печатью Милади, рожден двадцать девятого февраля. И вот в этом-то числе уже заключено своего рода проклятие: праздную день рождения раз в четыре года. А! - Мирза покачал головой. - За что такое наказание? Все мои друзья ежегодно пируют и веселятся, лишь я, обездоленный, понурившись, думаю: куда ж подевался день моего рождения?

- Действительно, конец февраля у христиан какой-то странный, - согласился Алигули, и глубокая печаль отразилась на его смеющемся лице. - Ни с того ни с сего исчезает последний день!.. Но если вы, почтеннейший, перейдете в календарь Хиджри, то и вовсе запутаетесь. Наши благословенные месяцы: магеррам, сафар, рамазан, шаабан-убегают ежегодно на десять дней вперед. Ребенок родился зимою, а вдруг отмечают день его появления на белый свет летом. А в деревне многие седобородые мужики вообще не знают, когда они родились.

- Им и не нужно знать этого. Пусть празднуют дни рождения двенадцати пророков - имамов и ста двадцати четырех тысяч обыкновенных пророков,- с невозмутимым видом подтвердил Мирза. - На собственный день рождения риса для плова не останется. Разве не так? И вообще моллы, ахунды твердят людям, что им следует думать не о дне рождения, а о дне смерти, о райском блаженстве. Таков путь истины. - Редактор выразительно развел руками.- Следовательно, рис надлежит отдать священнослужителям: пусть они, постники, каждодневно вкушают плов! И, кроме того, в коловращении мусульманского календаря есть что-то от диалектики: история не стоит на месте, - значит, и летосчисление обязано соответственно меняться. Теперь я хотел бы узнать, что за странный разговор вы услышали в гостях?

- Странность его заключается в том, что мой сосед шапочник Джахангир неожиданно наклонился ко мне и прошептал: "Молла Насреддин" завтра обрадует нас прекрасным стихотворением Сабира о дядюшке Николае. Не так ли?"

Мирза Джалил искренне удивился.

- Откуда ж он узнал?

- Слухом земля полнится.

- Стихотворение прибыло в закрытом пакете и немедленно пошло в набор. Номер журнала еще не вышел. - Редактор задумался. - Ага, понятно! Сам господин цензор разгласил.

- Цензор? - Алигули усомнился.

- А конечно, цензор! Кому же еще распускать по

Тифлису сплетни? - Мирза уже натянул на себя броню и говорил холодным, каким-то колючим тоном:- Полюбуйся! -

И он перебросил другу через стол сигнальный номер журнала: там, где должно было появиться стихотворение Сабира "Допрос", красовался огромный, проведенный красными чернилами крест; перо разорвало бумагу, словно брызгами крови, окропило страницу.

- Позволь! А как же высочайший манифест о свободе печати?- возмутился Алигули, покраснев.- В былые годы и не такое пропускали! Разве не помнишь?

- Значит, манифест меняется, как наш мусульманский календарь, - рассмеялся с безотрадным видом Мирза Джалил. - Раньше было так, а ныне этак! У царя и его служителей развязались руки, вот господин цензор и рассматривает в микроскоп каждое слово Сабира.

- Но можно было бы исправить, - наивно предложил Алигули.

Мирза Джалил усмехнулся.

- Убеждения не исправляют по велению цензора, не улучшают и не дополняют. За убеждения, друг, умирают!.. Да разве поднялась бы у меня рука на великое творение Сабира? Перед этим погибшим стихотворением нужно снять папаху, как перед телом погибшего в бою солдата! - с волнением сказал Мирза.

- А как же быть с пустым местом? Что вы сюда поместите? - недоумевал Алигули.

- А пусть так и выходит. С крестом! - И в затуманенном взоре редактора мелькнуло душераздирающее горе. - Ахунды-то обрадуются!.. А читатели? - Он помедлил. - Читатели пусть благословляют деяния дяди Николая, его министров и чиновников, его цензоров! Чем круче, тем скорее.

Алигули не понял, но и не стал вдумываться, с навернувшимися на глаза слезами он разглядывал жирно-багровый крест, мысленно, про себя повторял пламенные слова Сабира, желая навечно запечатлеть их в сердце. И ему казалось, что из-за этого креста, как из-за тюремной решетки, еще яснее, отчетливее, громче донесся до него голос поэта:

Где же долгожданная свобода?
Ведь свершились чаянья народа:
Перед нами - высочайший манифест!
- О дитя! Гроза ушла на отдых!
О слепец! Уснула тень свободы,
Залил пламя высочайший манифест!

"Ох, распустил девятьсот пятый год татарскую интеллигенцию! И совершенно напрасно мы либеральничаем, будто в прятки играем,- думал цензор, и так и сяк, и от начала к концу, и с конца к началу, перечитывая стихотворение

Сабира. - Пора ударить кулаком по столу!"

И, глубоко обмакнув перо в чернильницу, он перекрестил страницу, будто ударил мечом, и кровоточащие раны покрыли рыхлую бумагу. Верноподданный слуга государя императора с облегчением передохнул, будто и впрямь намахался мечом в схватке, снял очки, бережно положил их на зеленое сукно стола, прищурился. "О, неблагодарные! Им разрешено издавать журналы, газеты, книги на местном диалекте, - казалось бы, в каждой строке должна возноситься хвала царю, а они-то, они..." - размышлял цензор, плотно потирая зябнувшие руки.

Подошел к окну, хмуро, неодобрительно покосился на цветущий, жизнерадостный, ликующе шумный мир. "Н-да, всему виною пятый год. В прошлом веке такие эксцессы не замечались. Спокойнее как-то жилось, А если не пресечь своевременно, то чем же все это закончится! И подумать страшно".

Бесшумно распахнулась высокая белая дверь, учтивый, полный какого-то непонятного цензору обаяния, Мирза Джалил появился на пороге.

- Разрешите?

"Черт тебя принес!" - скривился чиновник, но с крайне любезным видом показал редактору на стул и сказал:

- Прошу.

- Я осмелился зайти. Простите за беспокойство.

Пора печатать журнал.

- Журнал, журнал! - Цензор передернул лопатками.- Журнал "Молла Насреддин". Вовек не забуду вашего "Моллу".

Мирза Джалил понял, что эти слова не предвещали ничего отрадного, но и виду не подал, напомнил негромко:

- Завтра мы должны рассылать журнал подписчикам.

- Если бы в журнале печатались благопристойные и нравоучительные материалы, то, конечно, разослали бы,- хмыкнул чиновник, и опять его лопатки так и заходили под тонким сукном мундира.

- Стараемся по мере сил, - опустил глаза Мирза Джалил.

- По мере сил!.. - грубо передразнил его цензор.- Нет, господин редактор, нет и еще раз нет! Сил-то у вас достаточно, умом бог не обидел, но несомненно и то, что вы злоупотребляете свободой, дарованной государем императором кавказским туземцам. По настоящему-то этот номер надо было бы переслать немедля в жандармское управление, вот как! Священный долг каждого литератора - воспитывать в народе уважение к законам. Да, да! Хотел бы я знать, как высокопоставленные представители мусульманской общест-

венности и духовенство посмотрят на эти крамольные призывы!.. Надеюсь на одно: вы простодушно доверились своим помощникам, не просмотрели этого бунтарского стихотворения, не вчитались в него! - И чиновник с злорадной улыбкой показал на искромсанную крестом страницу.

- Нет, господин цензор, я прочитал еще в рукописи это стихотворение, - сдержанно, но с дрожью в голосе сказал Мирза Джалил.

- Может быть, вы не приняли во внимание тайный политический смысл этого материала? - упрямо допытывался цензор, и нельзя было разгадать: хотел ли он выручить или, наоборот, погубить редактора.

- К произведениям такой глубины, как стихотворение Сабира, нельзя относиться безучастно, - сказал Мирза; лицо его как-то внезапно одеревенело,- их надо либо принимать целиком, либо отвергать.

- Я выбрал второе! - заметил с торжествующим видом чиновник. - Господин редактор, вы повернули свой журнал на опасную стезю. Вы прислушиваетесь к советам социал-демократических кругов. Создается впечатление, что консультантом журнала сделался небезызвестный Нариманов. А ведь это прямое предательство интересов Российской империи...

Чувствуя, что все настояния останутся тщетными,

Мирза Джалил улыбнулся.

- Какие громкие слова! А речь-то идет о смешном стихотворении. Это беседа поэта с государственным чиновником, - читателю ясна мудрость представителя власти. - Он не верил сам себе и не интересовался, поверит ли ему цензор.

- Такие сме-еш-ные стишки ставят журнал под угрозу закрытия, - раздельно, твердо сказал цензор.-Над кем же вы потешаетесь, татарские интеллигенты?

- Здесь не Татария, господин цензор, а Тифлис; мы не татары, а азербайджанцы, - мирно сказал Мирза. - Это во-первых. А во-вторых, смеяться-то ведь действительно не запрещено. Смеяться присуще каждому умному человеку.

- Но сейчас в смешном положении оказался властитель пера, коим выведены буквы этой поджигательной проклама-ции, - вспылив, сказал высоким, срывающимся голосом чиновник и угрожающе выпятил тяжелую нижнюю челюсть.

- Не нужно бояться этих властителей пера, господин цензор! - со сдержанным волнением сказал Мирза Джалил. - Они любят свой народ, желают ему блага, по мере способностей и сил борются за его просвещение. Они - дети своего времени, и об этом не забывайте! Им дорог высочайший манифест как залог конституционных свобод, и, разумеется,

они протестуют против нарушения высочайшего повеления императора некоторыми местными...

Цензор не спускал с него недоверчивых глаз, глумливо улыбнулся, когда Мирза с неестественной бодростью похвалил манифест.

- Не сомневаюсь, что написавший это стихотворение настроен враждебно и против государя, и против своих же братьев-мусульман, - проворчал он.- Он настроен и против вас, господин редактор, против человека, который, не скрою, пользуется определенным положением и авторитетом во дворце наместника... Кстати, кто это такой Хоп-Хоп1, перед коим вы столь гостеприимно распахнули двери журнала?- как бы мельком, с подчеркнутой небрежностью спросил цензор.

- Собирательный псевдоним нескольких поэтов-сатириков,- покраснев, ответил Мирза: ради Сабира он покривил душой.

- Так вот этот псевдоним, господин редактор, и сеет семена раздора между государем и его подданными; советую задуматься над этим. Вместо того чтобы жить спокойно...

- Поэты-сатирики всегда были и будут врагами спокойной жизни, - сказал Мирза Джалил.- Таковы Гоголь, Некрасов, Салтыков-Щедрин. Мы, господин цензор, маленькая нация, делаем всего лишь первые шаги по пути просвещения, культуры. Естественно, что наши молодые поэты учатся у прославленных русских корифеев. Любой, самый прилежный ученик делает ошибки, без этого не обойтись. Ни Гоголь, ни Некрасов не упрекнули бы своих азербайджанских учеников за те или иные ошибки и промахи, а, вероятно, порадовались бы их успехам.

- Э, хватит, хватит! - бесцеремонно прервал его чиновник. - Я не раз шел вам на уступки, в чем сейчас сильно раскаиваюсь... Теперь пошлем эту страницу прямо в суд. Пусть следователи ищут Хоп-Хопа; это уж не моя забота. Ходатайствуя об издании журнала, вы взяли на себя определенные обязательства, даже в письменной форме; следовало бы попросить высокопоставленных мусульманских просвещенцев и священнослужителей проверить, как вы соблюдаете эти обязательства.

"Ну, если "Молла Насреддин" попадет в лапы ахундов, то будет еще хуже", - подумал Мирза Джалил и с покорным видом, не желая раздражать цензора, сказал:

- Наш журнал стоит на позициях культуры, просвещения и общественного единения. Ни в богохульство, ни в крамолу мы не впадаем. Да это вы, господин цензор, и сами великолепно знаете, но кто-то пытается вас ввести в заблуждение. Русские сатирические журналы, выходящие в Петербурге,

печатают куда более резкие произведения, однако...

- Однако их редакторов пачками сажают в Петропавловскую крепость, - поспешил утешить Джа-лила чиновник. - Уж я-то об этом знаю. Не желаю вам такой участи! - с фальшивым великодушием добавил он.

Нужно было спасать журнал, и Мирза Джалил разбитым голосом, с видом человека, прошедшего пешком весь день под палящим солнцем, попросил:

- Ваша заботливая снисходительность вселяет в меня надежду, что вы пойдете на уступки.

- Стихотворение необходимо изъять. Обязательно! Ни в какие переговоры не вступаю.

- Снять-то легко, а вот чем заменить?

- Найдите что-нибудь подходящее, веселенькое, безобидное. - И цензор пошевелил в воздухе пальцами.

- Времени нет. Пора печатать, а завтра утром рассылать подписчикам. Разрешите оставить в таком виде всю страницу.

- Белой? Пожалуйста.

- Нет, зачем же, пусть останется ваш знак. Крест!.. Увидев его в журнале, поэты, именующие себя Хоп-Хопом, конечно, призадумаются над своим поведением, поймут, что императорская цензура шутить не собирается. Это послужит лишь на пользу.

Цензор впал в мучительное раздумье. Редактору "Моллы Насреддина" он совершенно не доверял, но в то же время знал, что закрыть журнал и рискованно и неразумно. Мысленно он как бы стер со страницы бунтарское стихотворение, представил перед собою лишь один крест, выпуклый, начертанный сильной, властной рукой, и голова его закружилась от горделивого сознания, что наконец-то он нанес сокрушительный удар по инаковерующим, подстрекателям, ослушникам, удар, от которого они уже никогда не оправятся... Крест! Это умно придумано. Мусульмане, раскрыв журнал, с душевным трепетом воскликнут: "Упаси боже!" В их сердца прокрадется страх, а кому ж не известно, что верноподданнические чувства и питаются одним неизбывным страхом.

- Валяйте! - разрешил он таким скорбным тоном, словно приносил себя в жертву журналу. - Но все же покажите мне, как получится.

- Слушаю.

Цензор был чинушей и педантом, никогда не изменял своему слову и, проводив Мирза Джалила до дверей, немедленно распорядился переслать стихотворение Хоп-Хопа в жандармское управление.

А там без труда разгадали псевдоним: ведь на Сабира

скопилась уйма доносов. Из Баку сообщили, что учитель Таирзаде "осквернял нечестивыми речами священные основы шариата, занимался на уроках возмутительными рассуждениями об освободительной миссии тавризских повстанцев Саттархана". Кое-кто из приспешников Али-бека обращал благосклонное внимание властей на выпады Сабира против духовенства, семейной морали, а следовательно, и против общественно-государственного спокойствия.

Теперь к этим обвинительным материалам было присоединено стихотворение.

На следующее утро подписчики "Моллы Насред-дина" получили искалеченный, израненный номер: на одной из страниц красовался нагло блестящий, оттиснутый жирной иссиня-черной краской, огромный крест, а внизу прилепилась многозначительная подпись: "По не зависящим от редакции причинам..." Номер пошел по рукам: разглядывали, сочувствовали, бурно обсуждали, спорили и ссорились. К типографии "Гейрат" началось паломничество: боязливо озираясь, люди входили в печатный цех, подзывали наборщиков, печатников, показывали издалека, на одно мгновение, крест, спрашивали: а что же здесь было раньше?

- Стихи Хоп-Хопа. Слышали о таком? Ну и помалкивайте, расходитесь!

- Господа, господа, здесь казенное помещение, прошу удалиться.

- Э, осади, осади! Какие там копии? Копия осталась у автора. Нет, браток, я в тюрьму садиться не намерен, у меня дети... Я ничего не боюсь, мне бояться не с руки, но хранить запрещенные стихотворения тоже не собираюсь. Ищи на улице ашугов справедливости: они запомнили наизусть, в этом их профессия.

- Клянусь Хазрет Аббасом, не помню ни одного слова! Если ты мне свояк, то тем более скорее уходи!.. Долго ли до греха: вот-вот полиция нагрянет. Загляни вечерком домой.

- Это не стихи, это деловая расписка. Не веришь? Возьми почитай дома.

- Господа, это цирковая афиша, ради бога, уходите!

Но странное, уму непостижимое дело: уже через несколько минут в укромных переулках вокруг типографии толпились горожане. У всех на устах были слова Сабира: "Где же долгожданная свобода?"

Глава пятнадцатая
ТЕАТР САБИРА

Не прекрасна ли цель работать
для того, чтобы оставить после
себя людей более счастливыми,

чем были мы!

Монтескье

Сабир приехал в Тифлис проведать высокочтимого наставника и друга Мирза Джалила, излить душу в откровенной беседе, почерпнуть вдохновение в его немногословных, но неизменно мудрых советах.

Столь сурова, тяжка была жизненная ноша поэта, что лишь в кругу семьи, в сердечном общении с Джалилом он находил отдохновение; мирские заботы как бы покидали его в эти часы; яснее, отчетливее он видел цель своего творчества, своего поэтического служения народу, и легче дышалось, и широко расправлялась грудь, и прозорливым оком он улавливал на отдаленном горизонте слабое, пока что чуть-чуть брезжившее сияние зари.

По негласному, но твердо установившемуся обычаю, они навестили могилу Мирза Фатали Ахундова, возложили венок. В задумчивой тени дерев возвышался черный надгробный камень; надпись уже полустерлась, была еле различима, буквы выветрились под гнетом времени... Но сколько цветов! Роскошные венки и скромные букетики полевых цветов, собранные детскими ручонками. В зимнюю непогоду кто-то мастерил букет из разноцветной бумаги: от дождей краски полиняли, потускнели, но и этот дар безвестного поклонника благостен, - ведь в нем любовь к поэту... А рядом сосновые ветки; еще не испарился душистый настой смолы, еще не пожелтели густо-зеленые блестящие иглы. Вокруг могилы, раздвигая землю, выползла, оперилась, закурчавилась нежная травка, но тропинка, ведущая к надгробию, до того тверда, что гудит, как чугунная, под ногами; значит, не оскудел поток ценителей, паломников, чьи души благодарно отозвались на голос Ахундова... О, как щедро счастлива участь творца, и после смерти не изведавшего забвения!

Мирза Джалил и Сабир опустили на могилу венок и долго стояли в проникновенном молчании.

Скромна, издалека неприметна последняя обитель великого Фатали, а вокруг хвастливо, надменно возвышались мраморные, гранитные склепы, памятники над могилами князей, генералов, купцов, виноторговцев. Пышна позолота, затейливо вылеплены витиеватые узоры, массивные, прочно прилепленные буквы надгробных надписей красноречиво рассказывают потомкам о ратных подвигах, о мирских свершениях на благо престола и отечества, взывают к милости всевышнего.

Отойдя в сторону, Мирза Джалил кивнул на самодовольную, нагло вызывающую красу мрамора, гранита, позолоты и печально улыбнулся.

- О, если бы наш про-све-щен-ный народ ценил усопшего Фатали так, как его ценят другие народы!..

Сабир согласился с ним:

- Давно бы пора поставить ему величественный памятник. На беду, живые-то не обладают и крохой того благородства, которым отличался Ахундов.

Не повышая голоса, пристально глядя в лицо другу, Мирза Джалил медленно произнес, будто только что вспомнил:

Живые? С виду лишь. Ты назови, поэт,
Покойниками тех, в чьих душах жизни нет.

Несколько минут шли молча. У самой кладбищенской ограды Сабир, приостановившись, сказал:

- У нас в Баку несколько раз затевался разговор о памятнике, но...

- Но?

- Но каждый из имеющих деньги мечтает еще при жизни самому себе воздвигнуть если не изящный, то уж, во всяком случае, помпезный склеп, величиной с ханский дворец. И наивно верит, что в этом-то и заключается бессмертие. - Догадавшись о мыслях Джалила, он добавил: - Печать?.. Наши газеты охотно тискают портретики шансонеток и гадальщиц, но даже не упоминают имени Ахундова.

- И это вполне правильно, - с внешне бесстрастным видом сказал Мирза Джалил. - Если "отец нации" станет тратить деньги на памятник Фатали, то на какие же средства твой недавний благодетель и опекун Ахмед Кямал-бек отправится в Париж? Развлекаться на парижских бульварах ведь не дешево стоит! В берлинских игорных клубах тоже на слово не верят... Как известно, за изгнание тебя из Балаханской школы Кямал-бек получил заслуженную награду: крупную субсидию на поездку в Европу.

Сабир привык держать себя в руках: в самые трудные минуты жизни умел шутить и усмехаться. Это как-то помогало преодолевать невзгоды... И сейчас он плавно прочитал:

Кто может усомниться в нас в эти дни?
Мир прославляет нашу честь искони!

Поежившись, будто продувал сквознячок, он продолжал с напускным весельем:

- Ах, какие справедливые слова! И действительно, у нации, пророк коей помимо прочих достоинств обладал еще ровно четырьмя сотнями жен, честь никогда не растратится. Не веришь? Почитай душеспасительную газетку "Терчюман". Там черным по белому написано, что иностранцы, подтрунивающие над гаремом пророка, оскверняют честь нашей нации.

Мирза Джалил оценил выдержку собеседника, но не захотел продолжать в этом же ироническом тоне. Сняв папаху, он обернулся, бросил прощальный взгляд на могилу Ахундова и сказал со всей сердечностью, на какую был только способен:

- О великий сын седого Востока! Десятилетия прошли со дня твоей смерти, но потомки еще не очнулись от сладкого сонного забытья. Весь мир бурлит, столкнулись еще невиданные в истории силы общества. А у нас на устах все тот же молла Ибрагим Халил, все тот же молла Гамид, те же самые нухинцы... Да успокоит господь твою душу, прославленный Фатали! Будущее твоего народа, к счастью, зависит ныне не от моллы Ибрагим Халила и не от нухинцев, а от бакинских нефтяников и от наших братьев - безземельных крестьян. А вот когда они-то проснутся, то даже господь бог, спустившийся с седьмого неба, не отвратит своей десницей их карающих ударов.

- А зачем тревожиться господу богу? - Сабир с удивлением пожал плечами. - На земле есть богопомазанник, а у него Сибирь, тюрьмы, цензура, наконец.

- Погоди, как бы сибиряки-то не показали этому богопомазаннику… - И Мирза Джалил на этот раз просветлел, усталое лицо его озарилось улыбкой бодрости и мужества.

Он одарил столпившихся у кладбищенских врат бедняков щедрым подаянием.

Скрипя колесами по песку, подъехал фаэтон.

Прислонившись спиной к стволу широковетвистого карагача, Алигули с меланхолическим видом разглядывал прохожих, уделяя особо пристальное внимание женщинам и девицам, когда бесшумно подошедший учитель Мирза Рза положил ему на плечо тяжелую руку.

- Грузинками залюбовался?

- Чтобы опомниться от ругани собственной жены, приходится искать успокоения у иноверок,- отшутился Алигули, приветливо здороваясь с учителем.

- Вероятно, тебе, сотруднику "Моллы Насреддина", сейчас больше всего достается не от жены, а от Мамедали-шаха? Сбежав из Ирана в Одессу, он оказался поближе к вашему журналу.

- Нам достается и от шаха и от любого босяка,- с неподдельной удалью сказал Алигули. - Вся- разница в том, что шаху-то есть на что обижаться: то называли его сумасшедшим, то обжорой1, а босяки... Ну, босяки недорого возьмут, чтобы лаять на "Моллу", как собаки на новые ворота!

- У тебя скверное настроение, - заметил учитель. - С чего

бы?

- О; друг, сейчас начались такие времена, - вздохнул Алигули.- Я все повторяю слова Физули:

Напрасно трезвенника я искал средь пьяниц. Дом

Был переполнен опьяненными вином.

Он поднял указательный палец с таким видом, словно решал головоломную задачу, и повторил:

- Такие времена!.. А впрочем, пойдем ко мне, покажу интересный документик. Пригодится когда-нибудь историкам... Как ты помнишь, недавно "Молла" послал задушевный привет дагестанскому шейху Наджмеддину Эфендиеву. И что же мы получили в ответ?

Алигули пригласил учителя в дом, вынул из письменного стола голубой конверт. На вырванном из школьной тетрадки листке было написано крупными корявыми буквами:

"Эй, Молла Насреддин! Я лезгин, я тебе такой лезгилук сделаю, возьмем один иштук мозер сядем файтон из Касымкенда, поедем прямой Билиджи стансия, из Билиджи поедем Тифлис и скажем тебе салам алейкум... Я доставал мозер и стрелял два патрона такой собак как ты... заставил плакать мать Молла Насреддина".

Внимательно выслушав этот безграмотный, полный ярости и злобы бред верного мюрида дагестанского шейха, учитель одобрительно заметил:

- Такие письма свидетельствуют об исключительных заслугах журнала!

- Конечно, конечно, историкам-то об этом писать будет интересно, а вот каково нам - сотрудникам? А ну, как вправду лезгин купит револьвер и скажет "салам алейкум"? Да разве он один? Бесчисленные угрозы так и сыплются со всех сторон - и от иранского шаха, и от ахундов, и от босяков.

- Значит, вы на верном пути.

- Мирза Джалил тоже так считает, но и ему иногда приходится ой-ой как туго. А теперь еще цензура рассвирепела...

- Я, между прочим, тоже обижен на вашего "Моллу", - с хитрой улыбкой сказал учитель.

Алигули изумился, несколько секунд пристально рассматривал смеющееся загорелое лицо собеседника, затем сказал возмущенным тоном:

- И ты против нас! Спасибо. А мы-то надеялись...

- Да видишь ли, - как ни в чем не бывало продолжал Мирза Рза, - несколько раз я приглашал "Моллу" в деревню, говорил редактору, что такова настоятельная просьба крестьян. Но Мирза Джалил оставался непреклонным, отвечал, что страницы журнала красноречивее слов его сотрудни-

ков, - пусть, дескать, читают,.. Сейчас хочу сделать последнюю попытку, и ты должен помочь мне. Дело в том, что у нас в деревне скоро будет свадьба: мой приятель, такой же учитель, как я, женит сына. И вот он заявил, что самым желанным гостем на свадебном пиру будет "Молла Насреддин".

- Ты что, своего сына женишь? - подозрительно спросил Алигули.

- Ну, это неважно. Ты помоги мне уговорить Мирза Джалила.

- Так заодно уместно и Сабира пригласить.

- А разве Сабир в Тифлисе?

- Утром приехал.

Через несколько минут учитель и Алигули входили в просторный прохладный дом Джалила. Хозяин и Сабир читали только что принесенные из типографии, еще влажные страницы журнала, что-то исправляли, перечеркивали, советовались, и по их сосредоточенным лицам было понятно, сколь велико их душевное напряжение. Вероятно, Мирза Джалил был недоволен, что им помешали, но встретил вошедших приветливо, порадовал учителя сердечным словом, познакомил его с Сабиром. Мирза Рза почтительно поклонился поэту и сразу же, без излишних предисловий, сказал, что в школе постоянно читает ученикам стихотворения Хоп-Хопа.

- Теперь царем птиц является не гордый орел, а Хоп-Хоп, - засмеялся Алигули.

- Я счастлив с вами познакомиться, - сказал Мирза Рза таким взволнованным тоном, что сомневаться в его искренности было бы кощунством.

Сабир смутился.

- Наши отцы говорили, что лучше слышать легенды о герое, чем увидеть лицо героя.

- Нет, не могу согласиться с вами, я действительно давно мечтал о встрече, - горячо возразил учитель. - И сейчас прошу об одном: продлить эту долгожданную встречу, посетить нашу деревню, повидаться с моими учениками, как бывшими, уже повзрослевшими, так и нынешними. Все они без исключения поклонники вашего таланта.

И он рассказал о свадьбе.

У Мирза Джалила было много неотложных дел по редакции, да и Сабир торопился вернуться к семье, но они не решились отнекиваться, тотчас согласились - с такой мольбой смотрел на них старик.

Решили выехать утром в пятницу; Алигули обещал нанять фаэтон.

В Кызыл Каджылах весть о приезде "Моллы Насред-

дина" разнеслась по дворам с быстротою бурно-летящего ветра.

Вокруг одноэтажного низенького дома Мирза Рзы, с затененными разросшимися деревьями, чистеньким двориком, с балконом, занавешенным кружевами виноградных лоз, толпились крестьяне, школьники, парни, даже старики подходили, тяжело опираясь на посохи.

А в доме царила предпраздничная суматоха: в самую большую просторную комнату, пол которой был устлан стареньким паласом, где в нишах хранились скатанные валиками одеяла и тюфяки, а полки были заставлены медными блюдами и чашами, хрустальными, помутневшими от времени бокалами, внесли стулья; со стола сняли будничное термовое покрывало и постелили хрустящую от свежести скатерть с голубой волнистой каймою..

Всюду - и на подоконниках, и на широких перилах балкона, и на столах - благоухали букеты обрызганных ключевой водою цветов...

Когда взмыленные, тяжело храпящие от жары л усталости кони подкатили к воротам увязавший колесами по самые спицы в рыхлом песке фаэтон, дети поднесли желанным гостям цветы и фрукты на подносе, крестьяне сняли папахи, истово, в пояс поклонились.

Хозяин пригласил Мирза Джалила и Сабира пройти в прохладу комнат, умыться, отдохнуть, а в нарастающей с каждой минутой толпе завязывались жаркие разговоры.

- Вон, вон, гляди, в мерлушковой-то папахе, это и есть самый настоящий "Молла Насреддин"!

- Врать не надо, - укоризненно заметил какой-то мудрец.

- Это кто же врет, спрашивается?

- Сам догадайся, кто... Молла носит чалму. Не знаешь, что ли?

- Знать-то я все знаю, братец, но это ведь совсем другой молла.

- Это какой же?

- А вот такой...

- Молла и есть молла.

- Это молла газетчиков и стихотворцев.

В толпе одобрительно загудели, согласились.

- Даже такой молла обязан для порядка носить чалму,- не унимался недоверчивый зритель.

- Он не надел чалму из разумной предосторожности: проведали б Мешади о его прибытии, камнями б забросали.

- Послушай, да ты рехнулся! Где видано, чтобы свадебных гостей забрасывали камнями?

- Вот ты живешь, живешь и ничего-то не ведаешь!.. Мол-

лы и ахунды прокляли Сабира, и Хоп-Хопа, и "Моллу Насреддина", и всех их приверженцев, назвали газетчиков и стихотворцев вероотступниками.

- Не будь ребенком, разве почтенный Мирза Рза впустил бы таких грешников в свой богохранимый дом?

Страсти разгорались, неистовые спорщики уже кричали во весь голос, а кое-где и толкались, отпихивали друг друга, укоряли несогласных в наивности и глупости, - пришлось Мирза Рзе выйти на дворик, с возмущением замахать руками, зашикать.

- Друзья, завтра же свадьба, не омрачайте пересудами и ссорами сей светлый день! Мои гости утомлены дорогой, им нужен покой. Ради бога, разойдитесь, а утром милости просим на свадебный пир!..

Даже крепкобородые мужи, не говоря уже о юношах, привыкли с малых лет повиноваться строгому, но справедливому учителю и безропотно удалились.

Вернувшись в дом, Мирза Рза велел женщинам поторопиться с самоваром и ужином, а сам прошел к гостям, дабы осведомиться о их самочувствии.

- Высокопочтенный хозяин, - весело обратился к нему Мирза Джалил, - мы чувствуем себя в твоем доме уютно и непринужденно...

Учитель слегка обиделся.

- Друзья, что я слышу? Это ваш собственный дом, и вы, и только вы, здесь хозяева.

- А если мы хозяева, - шутливо улыбнулся Сабир, - то просим, нет, нет, предлагаем привести сюда жениха!

Старик расплылся в блаженной улыбке: какая честь!.. И быстро вышел, по-молодому звонко крикнул с порога:

- Надыр, Надыр!

Надыр был занят какой-то срочной работой, выглянул из сарая, - куртка в пыли, на шароварах повисли кудрявые стружки. Отец задумался: то ли велеть быстренько переодеться, то ли в таком виде представить жениха именитым гостям? Наконец Мирза Рза решительно тряхнул седой копною волос, взял сына за руку и повел, как маленького, в горницу.

- Ради бога, извините, не успел принарядиться...

А парень был молодецкой стати, чернобровый, черноглазый, с шелковистым пушком усиков, с пышными кудрями; румяное лицо дышало мужеством и жизненной силой.

Войдя в комнату, он застенчиво потупился.

- Сынок, мы не чужие, - дружелюбным тоном сказал Мирза Джалил, - и ценим сына нашего высоконравственного Мирза Рзы по уму, по сноровке, по душевному складу, а не по

одежде. Ты трудился, а труд - самое святое в жизни!

А Сабир задержал руку Надыра. Вдруг предстал перед его очами бедняга Бандалы, так и не дождавшийся своей свадьбы, так и не свивший своего семейного гнезда, погибший от пули царских приспешников. У Бандалы было чистое сердце, благородный характер, он не зарился на богатство и смиренно ждал счастья, но судьба жестоко обманула юношу.

И, задержав руку Надыра в своей руке, Сабир поцеловал парня в лоб.

- Сын мой, мы радуемся твоему светозарному счастью! Поздравляю, горячо поздравляю!.. В таких сильных, смелых, отважных людях, как ты, будущее нашего многострадального народа. Ты грамотен, и за это хвала твоему отцу и твоему учителю Мирза Рзе, одному из передовых азербайджанских просвещенцев. Пусть же и твоя семья будет во всех отношениях примером для деревни, не омрачай ее средневековыми обычаями и суевериями, религиозным фанатизмом, уважай и береги свою избранницу! Вам, молодым, легче, чем нам, - ведь вы увидите новый мир всенародного единения и процветания.

Мирза Джалил, с сердечной улыбкой любуясь взволнованным, земли не чуявшим от радости юношей, добавил:

- Мы просим тебя, Надыр, передать наши поздравления и самые наилучшие пожелания своей дорогой невесте. Мой мудрый друг Сабир выразил нашу общую заповедь: береги, цени, жалей любимую - верную подругу свою, мать твоих будущих детей.

А отец был на седьмом небе от переполнявшего душу его гордого волнения: то растерянно улыбался, то, наоборот, становился невероятно серьезным. От имени Надыра он попросил гостей разрешить жениху удалиться, дабы Сабир и Мирза Джалил могли отдохнуть в спокойствии.

- Мы заставили тебя краснеть, - с доброй улыбкой сказал Сабир юноше. - Прости... Обычно писатели всегда слегка бесцеремонные.

А в эти минуты в соседнем доме, в скромной комнатке с окнами в тенистый сад металась, словно горлица, семнадцатилетняя Фарида. Ей было и сладко и стыдно, и теснилось дыхание, - ведь ее свадьба совсем особенная, не такая, как все деревенские свадьбы: из Тифлиса пожаловали почетные, знатные гости, имена коих известны не только в Кызыл Каджылах, но и по всему Кавказу.

А вдруг да гости пожелают после свадебного пира познакомиться с невесткой Мирза Рзы? Фарида ахнула, положила руку на затрепетавшее сердечко. "Как же я предстану

перед поэтами? Нет, нет, ни за что в жизни! Сквозь землю провалюсь, как льдинка растаю, испарюсь дыханием".

Девушка вспомнила старинную легенду о кукушке. В одной деревне жила-была девушка, и однажды она причесывала длинные, волнистые косы свои, и через забор заглянул бессовестный прохожий. От стыда девушка не знала, куда деваться, и взмолилась господу богу: "Убей меня, всевышний, дабы я не ведала позора, или преврати в быстрокрылую птицу, и я улечу!.." И бог внял просьбе девушки, и превратил ее в кукушку, и она улетела с гребнем в рассыпанных косах, и вот уже века прошли, а одинокая кукушка с жалобным криком "ку-ку" носится по белу свету и призывает к себе жениха.

Густая листва тутовника за окном заколыхалась, послышался ласковый голос Надыра:

- Фарида, Фарида!

За перегородкой собравшиеся со всей деревни тетушки шумно тараторили и смеялись.

- Надыр, ради бога, уходи, как тебе не стыдно среди дня приблизиться к моему окну! - прошептала девушка, скрыв вспыхнувшее полымем лицо за кружевной занавеской.

- Фарида, радость-то какая, Мирза Джалил и Сабир только что беседовали со мною, попросили и тебя поздравить, чистосердечно пожелали нам счастья и благополучия!

Фарида сразу же поверила нареченному, но всетаки из приличия сказала:

- Поклянись.

- Клянусь своей жизнью, клянусь твоим здоровьем, клянусь твоей красотою!

- А я их увижу?

- Конечно.

- Нет, нет, я не смогу пойти, - перепугалась Фарида,- лучше сразу помереть!

- Но я же проведу тебя тайно, и ты посмотришь на "Моллу Насреддина", - успокоил ее жених.

- А они не узнают об этом?

- Никогда не узнают, и ты их увидишь близко-близко и услышишь их дивные стихотворения.

- А твой отец тоже не узнает?

- Отец завтра с ног собьется, угощая гостей.

- Спасибо, любимый, спасибо, но ради всех святых уходи скорее, - неприлично тебе торчать у моего окна!

Раскрасневшаяся, взволнованная девушка была сейчас еще краше, еще милее, чем обычно: губы, подобные лепесткам розы, полуоткрылись, черные глаза сияли, горевшие румянцем щеки стали похожими на спелые яблоки,

косы упали на высокую грудь. И парень, почувствовав, как сладчайшее головокружение отуманило его, ушел, - никогда еще Фарида не была ему так дорога и близка.

Столы были раскинуты на веранде и во дворе, прикрытом шатром зеленошумных деревьев.

На самом почетном месте восседали высокий, с отвислым брюхом Гасан-бек в чухе из верблюжьей шерсти и жилистый сотник.

Напрасно учитель уговаривал их потесниться,- вылупили глаза, с недоумением переглянулись, так и не поняли, с чего бы это пускать в красный угол каких-то тифлисских, подозреваемых в бабизме журналистов. Но Мирза Джалил и Сабир держались скромно, удовольствовались и вторым столом, тотчас завязали оживленную, перебиваемую шутками и смехом беседу с гостями: от ледяной чопорности Джалила, с какой он обычно являлся во дворец наместника или к цензору, не было и следа, а Сабир вообще был простым, ценил застольную откровенность и ни в грош не ставил церемонии.

Плов без особых затруднений принудил гостей к молчанию; сотник и Гасан-бек чавкали так смачно, что создавалось впечатление, будто кто-то шел по грязи в рваных сапогах. Бокалы непрерывно наполнялись пенистым, вполне дозволенным шариатом напитком, от которого раскраснелись лица гостей, дыхание становилось сиплым, глаза - блуждающими, речи - бессвязными.

Сабиру вспомнился банкет в честь Али-бека, и он подумал, что, несмотря на присутствие сотника и богача Гасана, здесь несравненно проще, милее, душевнее. С любовью и восхищением он смотрел на благообразные, изъязвленные глубокими коричневыми морщинами лица стариков, вслушивался в их степенные, мудрые разговоры, любовался, как неторопливо они поглаживали окладистые, аккуратно расчесанные бороды. А сколько силы и достоинства в молодых мужчинах: их движения быстры, взор сверкает смелостью и умом, они .с пренебрежением косятся на кичливых Гасан-бека и сотника, но встретили Мирза Джалила и Сабира с той подкупающей душевной деликатностью, которая лучше всяких слов и показывает величие народа.

Неожиданно по столам прокатился смех, радостные возгласы: на дворе появился ашуг, низкорослый, худенький, похожий на подростка, с крашенными хной длинными усами; сверкающий перламутром сладкозвучный саз на его груди был, пожалуй, побольше самого певца.

Все притихли.

Эй, люди! Лжи в моих сказаньях нет.

Продажным сделался весь божий свет.
Ищу добра, - его в помине нет.
Купец жиреет от народных бед.
Эй, люди! Лжи в моих сказаньях нет.

Едва ашуг умолк, тишина взорвалась одобрительными восклицаниями:

- Слава твоему голосу, брат!

- Продолжай, ради бога, продолжай, дорогой!

- Н-да, ни добра, ни чести действительно не осталось: все беки и моллы прикарманили!

Ашуг, полузакрыв глаза, упиваясь похвалами, быстро скользил по кругу, голова его склонилась к певучему сазу, он пел вполголоса, будто разговаривал сам с собой, позабыв о слушателях, и, вероятно, это-то и было самым пленительным. Зарокотали низкие, басовые струны, затем полилась, словно ручеек, так и брызжущая весельем мелодия:

Ой, холодно, ой, голодно народу моему.
А что тому причиной - никак я не пойму!
Молла слывет шайтаном, ахунды - не в чести.
А что тому причиной - никак я не пойму!
Благочестивых Мешади никак мне не найти.
А что тому причиной - вовеки не пойму!

"Да, вот это - настоящее, - думал Сабир. - Это и есть поэзия в самом высоком и благородном смысле, недоступная пониманию ни Али-бека, ни Ахмед Кямала. Приникни к этому роднику, и животворящая вода омолодит твое измученное сердце!.."

А гости смеялись, хлопали в ладоши, бросали певцу деньги и цветы, и денег было мало, а цветов - много, но бескорыстный и вдохновенный, как любой истинный поэт, ашуг от всей души благодарил слушателей за всякие приношения.

Неожиданно с конца стола раздался разгневанный голос Гасан-бека:

- Ашуг перешел все границы приличия! Не подобает мусульманам выслушивать подобные оскорбления священнослужителей!

Круглое и выпуклое, как тыква, лицо бека налилось кровью; от злобы и обильной пищи он дышал с трудом.

Мирза Рза попытался успокоить знатного и всесильного, во всяком случае в пределах деревни, гостя:

- Это безобидная шутка! Ну кто же обращает внимание на песенки ашуга? Национальный обычай, господин бек, да вы что, впервые на свадьбе?

- На такой впервые! - отчеканил разъяренный бек, навалился животом на стол, отодвинул его и вышел, стуча каблуками. На последней ступеньке он обернулся, будто

пересчитал гостей, запомнил их лица, подметил веселые улыбки Мирза Джалила и Сабира и, скривившись, удалился; кто-то из верноподданных на цыпочках обогнал повелителя, угодливо распахнул калитку.

Гости оживились, как бы расправили плечи; послышался насмешливый голос:

- Гасан-беку полезно проветриться!

И все рассмеялись, а самый нетерпеливый поклонник ашуга крикнул с мольбой:

- Продолжай, братец, ради бога, мы ждем не дождемся твоих новых песен!

"Самое чистое и светлое счастье поэта, - подумал Сабир, - когда народ вот с такой жадностью ловит каждое его слово!"

Ашуг поклонился, плутовское, задорное выражение на его смуглом лице сменилось грустью; зарыдали струны:

Эй, люди! Стонет вся земля, и камни слезы льют.
Как подати с тебя содрать, убогий сельский люд?
И плети пристав в ход пустил, свистит ременный кнут,
А если это не с руки, винтовки тут как тут.
Кочи и стражники спешат, привстав на стременах.
Эй, люди! Подати платить вам повелел аллах!

На этот раз никто не рассмеялся; руки крестьян как бы сами по себе, по своему велению сжались в кулаки, - не до рукоплесканий, не до хвалы, но ашуг привык и в предгрозовом молчании слушателей находить одобрение: поклонился.

Сотник не выдержал, первым нарушил тишину:

- Хозяин, кто привел сюда этого бунтовщика? - Сердитое выражение на его вялом, с нафабренными щегольскими усиками лице не сулило прощения ни певцу, ни учителю.

- Помилуйте, господин начальник!-Мирза Рза протестующе замахал руками. - Самая безобидная прибаутка. Испокон веков так повелось на свадьбах. Ашугу все можно извинить.

- Я спрашиваю, кто пригласил сюда этого крамольника?- повысив голос, настаивал сотник.

Мирза Джалил постучал ножом по краю стакана и, снискав этим всеобщее внимание, заявил не терпящим сомнения тоном:

- Мы его привезли из Тифлиса. Это ашуг справедливости. Я, я пригласил.

- Не потерплю! - с угрозой крикнул сотник, но чья-то чудодейственная рука уже поднесла ему полный бокал хмельной влаги, придвинула блюдо с душистым, благоуханным, как весенняя роза, пловом, и, как ни хотелось блюстителю законопорядка учинить немедленную расправу, не устоял перед соблазном... А когда отвалился от плова, то

ашуга на дворе уже не было, гости с благодушными улыбками переговаривались о мирских делах, и снова кто-то пошутил и кто-то засмеялся, и свадебный пир продолжался с прежним беспечным и жизнерадостным весельем.

В самой просторной комнате дома учителя было устроено возвышение из составленных вплотную столов; на этой крохотной сцене и должно было состояться театральное представление. Для почетных гостей принесли стулья, остальные гости сидели прямо на полу, стояли; на подоконниках повисли мальчишки.

Наклонившись к Сабиру, Мирза Джалил шепотом спросил:

- Как тебе понравился ашуг? Вполне в стиле Хоп-Хопа.

- Да, интересно, - согласился Сабир; он чувствовал усталость, хотелось побыть одному, как-то привести в порядок впечатления, а может быть... может быть, и написать новое стихотворение.

Тем временем на сцене появилась худенькая, с развязными манерами, густо накрашенная и напудренная дама с павлиньим пером на шляпе; минуту спустя с другой стороны вышел толстый, неповоротливый, с тупым, важным лицом Мамедали-шах1.

По зрительному залу пронесся оживленный гул.

- Тоже в стиле Хоп-Хопа, - шепнул Мирза Джалил.

- О нет, это уже полностью "Молла Насреддин", - сказал Сабир.

Дама, поддернув высоко подол платья, села на стул, закинула ногу на ногу; перстни с ослепительно сверкавшими драгоценными камнями унизывали пальцы ее рук.

- Эй, это пристав, что ли? - недоумевал кто-то среди публики.

- Какой там пристав, - убежавший из Ирана шах.

- А разве не учитель?

- Учитель Мирза и представляет шаха. Это театр, пойми, а если не понимаешь, так сиди и молчи!- напустились на непонятливого соседи.

Шах бочком-бочком подкрался к даме - отвислый его живот раскачивался, подрагивал, - поклонился.

Сжалься надо мной, мадмазель
В сердце страшный зной, мадмазель!
Я еще в Одессе мечтал
О тебе одной, мадмазель!
Нетерпенье шаха пойми:
Скрыть тревоги след я хочу!
Жить с тобой без бед я хочу!

"Мадмазель" так свирепо покачала головой, что шляпа

чуть-чуть не свалилась на сцену:

- Не пойду!

Глухо застонав, шах рухнул на колени, простер к ней руки, но упрямая капризно поджала губки:

Убирайся вон, Мемдели!
Весь в крови твой трон, Мемдели!
Не могу я видеть тебя,
Слыша бедных стон, Мемдели!
Потопил Иран ты в крови!
Я грозы тех лет не хочу!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

Эти слова произвели на публику потрясающее впечатление.

- Какая же это дубина? Баран!

- Бык, форменный бык!

- Трон-то его перевернулся вверх дном, вот и заметался!

- Тсс, братцы, шах и в изгнании остается шахом, - не выражайтесь.

А шах, завывая от гори, величественным жестом бросил к ногам неприступной красотки мешок с червонцами. Но и это не разжалобило ее сердца. Небрежно оттолкнув носком сафьянового сапожка жалобно звякнувший мешок с деньгами, она отрезала:

Ты - забытый всеми подлец.
Твой давно растоптан венец!
Современный деспот Немруд.
Где твоим злодействам конец?
Я с тобой, презренный стократ,
Изумлять весь свет не хочу!
Жить с дубиной? Нет, не хочу!

Раздались неистовые рукоплескания; зрители хохотали, топали ногами, свистели, выкрикивали ругательства и проклятия шаху.

Когда представление закончилось, Сабир и Мирза Джалил прошли в соседнюю комнату, где раздевались учитель и "мадмазель", которую изображал миловидный, с круглыми, пушистыми щечками ученик сельской школы.

- Замечательно, замечательно! - похвалил Мирза Джалил, пожимая руку учителю, потрепав по щеке радостно смутившегося мальчика. - И какой отклик находит каждое слово поэта в душах слушателей!

- Ну, они же видят на сцене не только иранского шаха, но и... Сами понимаете! В этом-то и состояла моя цель. Должен заметить, что и о похождениях Мамедали многие крестьяне узнали только из стихотворения нашего уважаемого гостя.

- А много ли поступает в деревню экземпляров нашего

журнала? - поинтересовался Мирза Джалил.

- Каждую неделю тайком привозим семь-восемь штук. Выписывать и получать по почте крестьяне опасаются...- Учитель многозначительно помолчал.- Каждый номер ходит из рук в руки, пока не развалится в труху. Грамотные сами читают, неграмотные слушают.

- А есть и недовольные "Моллой"?

- Бек и сотник, конечно, доходят до белого каления, а крестьяне в восторге. Вы, вероятно, и представить не можете, как действуют стихи Хоп-Хопа, да еще снабженные рисунками Азимзаде!

- Ну, почему же, - улыбнулся Мирза Джалил,-о представляю,

- Доктор, - а ведь он преподавал здесь до меня, - продолжал учитель, - всегда говорил, что деревенскому просвещенцу надлежит быть и адвокатом, и агрономом, и казием, и врачом. Это помимо основной-то службы!

Имя Нариманова не было названо, но все понимали, о ком идет речь.

- А где преподавал доктор?

- Да в этой же школе! - И Мирза Рза указал на приземистый глинобитный сарай с покосившейся крышей-

Мирза Джалил глубоко вздохнул.

Сабир не принимал участия в разговоре. С новой силой он почувствовал сегодня священную ответственность поэта и с удовлетворением сказал себе, что ни разу не свернул с тернистого пути. Судьба была карающей и немилосердной, - он стерпел, не согнулся, не оступился. Нищета из года в год преследовала по пятам и его и семью. Вот что самое мучительное - семью, детей. И все же он не отрекся от своего предначертания, не позавидовал счастливчику Али-беку. Всегда с Сабиром был его песенный дар, и он дорожил этим сокровищем, нужным народу, как хлеб насущный.

Вечер осенил деревню благодатью прохлады и тишины.

Если тебе придется бродить ашугом по свадьбам, то и тогда не жалуйся, не вырони из рук саза, не устрашись бека и пристава. Только что наимудрейший Мирза Джалил назвал певца "ашугом справедливости". Если так в народе назовут Сабира, то чего же еще желать поэту? Он был безоружным, и Кямал-бек изгнал его из Балаханской школы, и он был всемогущим, исполински грозным, ибо его вещие слова повторяли крестьяне. Он был одиноким, и прохожие отворачивались от поэта, как от зачумленного, но его стихотворения жили в сердцах многих, и там, где был читатель Сабира, незримо присутствовал Сабир. Крылья Хоп-Хопа преодолели пространства, преодолеют и годы. Дети запомнили наизусть

его слова: сожгите книги, втопчите их в грязь, в пыль, бросьте в костер, но дети, повзрослев, состарившись, перескажут стихи Сабира своим потомкам, и не оскудеет голос поэта, и время лишь умножит его деяния.

Мирза Джалил негромко напомнил, что фаэтон подан; отфыркивались невидимые во мраке кони; влажная листва излучала свежесть.

Попрощавшись с учителем, с крестьянами, Сабир дрогнувшим голосом попросил их не забывать поэта.

Глава шестнадцатая
В ПУТИ

Сметает горы мужество людей.

Сабир

Вернувшись из деревни, Сабир провел несколько дней в Тифлисе, наслаждаясь мудрыми беседами с Мирза Джалилом. Однако пора было возвращаться домой. Поэт и не подозревал, что в следующий раз он приедет в Тифлис смертельно больным, дабы выслушать из уст врачей безоговорочный и непреложный приговор - И теперь на перроне вокзала, среди суетившихся пассажиров, дальних гудков паровозов, лязга и скрежета вагонных буферов, Сабир испытывал и знакомую всем странникам грусть расставания, и странное возбуждение, будто отсюда, из Тифлиса, видел неоглядные просторы родной земли. Он оживленно беседовал с провожавшими его друзьями по журналу, по литературе, благодарил их за внимание. Весенний вечер был безмятежно ясным, безветренным; откуда-то издалека доносился запах влажной травы. Повторив с доброй улыбкой: "Напрасно беспокоились", Сабир вошел в вагон третьего класса, отыскал место у окна, устало опустился на скамейку.

Сидги положил на столик сверток с провизией; на перроне у открытого окна столпились провожающие; кто-то негромко заметил:

- Вечер прекрасный, какое ж тут беспокойство! Нам хочется еще хоть немного побыть с вами.

- Вот, дай бог, отдохнете дома, - мягко добавил Сидги, верно и преданно любивший поэта, - и с новыми силами возьметесь за творчество.

Увы, не суждено было сбыться этому чистосердечному предсказанию...

Сабир ответил и ему и друзьям стихами:

Вовек не расставаться б мне с тобой, Чтоб не встречаться лишь во сне с тобой. Но без разлук и встречам не бывать, - Без горечи поймешь ли благодать?

Опустив глаза, Сидги сказал убежденным тоном:

- Мы все же счастливее других, - ваша поэзия всегда с нами! Куда бы вы ни уехали: в Шемаху или на край света, мы не забудем ваших стихотворений. Значит, крылья Хоп-Хопа преодолеют любые пространства. Не так ли?

Сабир наклонил голову, а затем, бросив на друзей прощальный взгляд, сказал:

- Потому-то в самые суровые времена меня утешала духовная, неразрывно прочная связь с журналом. Каждый новый номер как бы переносил меня в редакцию, и я слышал голос Мирза Джалила, ваши молодые, полные мужества и задора голоса! Да, доля писателя в этом отношении благословенна. Мы всегда общаемся друг с другом, с читателем. Званием сотрудника "Моллы Насреддина" я горжусь превыше всего. Честное слово, уж если мне и нужны какие лекарства, то прежде всего очередные номера нашего журнала.

Друзья переглянулись: они-то знали, что здоровье поэта последний год пошатнулось. Заставив себя приободриться, Сидги пылко воскликнул:

- Не забывайте все же и о самых обыкновенных лекарствах! Журнал журналом, мы уж постараемся здесь оправдать ваши надежды, но...

- Да, да, - нетерпеливо прервал его Сабир: он не выносил соболезнований, крепился из последних сил. - До скорого свидания!

И в самом деле, гулко ударил станционный колокол, дробью рассыпался свисток обер-кондуктора, астматически тяжело, глухо вздохнул паровоз, Сабир едва успел пожать руки друзьям, поцеловал Сидги, и вагон вздрогнул, медленно, как бы нехотя, тронулся.

Облокотившись на опущенную верхнюю раму окна, Сабир скользнул прощальным взглядом по лицам провожавших; перрон с лихорадочно-возбужденным гомоном уплывал влево; мелькнули грязно-серые стены депо, рельсы, похожие на паутину, разбегались во все стороны; остались позади кривые улицы, полные смеха и песен гуляющих, и поезд вырвался в вечернюю прохладу полей.

Всей грудью Сабир вдохнул чистый, свежий воздух; он был растроган сердечными проводами. Да, вот это чувство единокровной близости сильнее всего. Лишь бы был журнал, - как к костру ненастной ночью, к нему будут стекаться странники, еще в юношеские годы принесшие клятву на верность поэзии. Они отвратили взоры от суетных соблазнов мира, обрекли себя на подвижническое служение литературе, ибо для них поэзия была олицетворением народа, душой народа. Если пришедшие однажды не увидят у костра Сабира,

то помянут его добрым словом, повторят его стихотворения. Лишь бы неугасимо пылал костер,- вот самое заветное желание Сабира.

Словно Млечный Путь в темнеющем небе, молочно светилась Кура, сейчас ей не было ни начала, ни конца; древняя река в вечернем безмолвии отражала не только одинокие звезды, но и всю историю Кавказа.

Взволнованный Сабир вообразил, что река струилась сквозь столетия; на ее берегах люди трудились, плакали, смеялись, сражались с иноземцами, возводили стены домов и храмов, слагали песни, легенды, молитвы; не только тающие снега и летние ливни, но и потоки людской крови и людских слез умножали бурные воды ее.

Забыв о соседях, не слыша монотонного стука колес, Сабир видел на берегах Куры Пушкина, Мирза Фатали, Вагифа, Чавчавадзе, Абовяна; все они были духовными наставниками и друзьями Сабира; судьба одарила их пламенными сердцами; из дальних деревень и городов пришли они сюда, дабы излить в своих дивных творениях бесконечное горе народа, скорбную жалобу народа. Эти правдоискатели повели за собой Сабира, и теперь, на склоне жизни, он может с уверенностью сказать, что ни разу не посрамил своих учителей, ни разу не уклонился от честного выполнения поэтического долга.

С переполненной любовью душой Сабир думал о бессмертных предшественниках и угадывал в их судьбах судьбы всего Кавказа.

- Привет уважаемому поэту, - послышался за его спиной негромкий, учтивый голос.

Сабир оглянулся и засмеялся от удовольствия, увидев седоусого добродушного учителя Мирза Рзу.

- О-о-о, здравствуйте, здравствуйте, какими судьбами?

- Сидги сказал, что вы здесь, в шестом вагоне, и я возблагодарил счастливую случайность, поспешил к вам. Но если я мешаю...

- Нет, что вы, садитесь, садитесь.

Пассажиры с любопытством смотрели в их сторону, и Сабир понял, что они давно уже узнали его, но не заговаривали, дабы не потревожить размышлений поэта, - он благодарно оценил их деликатность. Усадив учителя рядом, он развернул на столике сверток с провизией: здесь были хлеб домашней выпечки, сыр, ароматная травка рейхан, только что созревшая, твердая, как картечь, но так и брызжущая соком черешня.

- Единственное доступное нам занятие, - объяснил он Мирза Рзе, не утаив, что все это подарки Сидги.

- Если так, то разрешите присоединить и мои скромные запасы, - сказал учитель, и на столике появилось холодное мясо, бутылка самодельного темно-красного вина. - Но лучшим украшением пира будет беседа с вами, - добавил Мирза Рза, и слова его были до того искренними, что Сабир смущенно потупился.

Поэт и любил и умел слушать; ему было чуждо тщеславное желание самому находиться в центре разговора. Наоборот, он неизменно как бы отходил в сторонку, прятался в тени, разрешая собеседнику увлекаться. Учитель, поглаживая то правый, то левый ус, рассказывал о деревне, а крестьянская жизнь всегда интересовала Сабира, и потому он весь превратился во внимание, а через минуту начали поддакивать, делать замечания, возмущаться, спорить соседи - весь вагон загудел. Жилистый, тощий крестьянин, женщина с грудным ребенком на руках, мелкий торговец, почтительно-застенчивый парень, старик со свалявшейся бороденкой - все наперебой, теснясь у столика, говорили о своих бедах, и Сабир смиренно, безропотно собирал их стенания в свою и без того тягчайшую ношу.

Как-то само собой на столик легла школьная тетрадка, рука поэта сжала карандаш, как рука воина - булат, и Мирза Рза, тотчас подметивший священное уединение Сабира, предостерегающе поднял указательный палец, будто погрозил расшалившимся школьникам, и весь вагон притих.

- Если вас заинтересует это крохотное стихотворное назидание, своего рода притча, - очнувшись, сказал Сабир и подвинул учителю тетрадку, - то милости просим, почитайте. Это имеет кое-какое отношение к вашей благородной специальности.

Непрестанные толчки поезда сделали почерк Сабира почти неразборчивым, и Мирза Рза скорее угадал, чем прочитал; морщинистое, коричневое от загара лицо старика озарилось восхищением.

- Действительно, вы сочинили это для меня. Спасибо! Я пользовался баснями Крылова, но равноценных переводов нет, а в пересказе дети не все улавливают, - ведь в поэзии важны тончайшие языковые оттенки. Слава богу! -о воскликнул, повысив голос, учитель. - Школьные учебники чрезмерно сухие: они написаны без волнения. Почему бы не печатать таких произведений в педагогических журналах?

- О, если бы мне разрешили, то я заполнил бы один своими письменами весь "Мактэб",- с болью в сердце улыбнулся Сабир. - А потом ходил бы по деревням и раздавал номера журнала крестьянам. Если мы не принесем крестьянам просвещения, то кто же разбудит народ от вековечного сна?

В этот момент Сабир заметил, что в купе сидели только он и учитель, а остальные пассажиры молча стояли неподалеку, старательно притворялись, что им так удобнее. Ужасно смутившись, он пригласил:

- Пожалуйста, садитесь, в ногах правды нет, куда же вы отошли!

- Да благословит вас аллах!

- Ради бога, не беспокойтесь.

- Мы привычные.

- Садитесь, вам что говорят? - распорядился Мирза Рза с той естественной, а потому необидной для окружающих властностью, какая всегда появляется в старых учителях.

А когда пассажиры расселись по скамейкам, Мирза Рза приблизил к глазам тетрадку и то ли бессознательно, то ли с умыслом прочитал громко, с выражением:

Видали раз, как малый муравей
Большую муху по камням тащил.
Сказали: как для ноши для такой
Хватает слабых муравьиных сил?
Ответили: тут не в размерах суть.
Основы силы - труд, стремленье, пыл.
О сын мой! Будь подобен муравью:
В усердье он великое свершил!..
Сметает горы мужество людей -
Хочу, чтоб мужем ты на свете жил!..
Умри, чтоб имя - это ли не честь? -
Родной народ в сказаньях оживил!

Пока он читал, Сабир нетерпеливо ждал душевного успокоения, чтобы кровь перестала стучать в висках, чтобы отхлынуло давящее грудь возбуждение.

Слушатели не осмелились словами высказать поэту свой восторг, - лишь в их глазах Сабир отыскал взволнованную признательность. В ту пору простолюдины не умели еще аплодировать: выражали переполнявшие их чувства молчанием, вздохами, подталкиванием друг друга локтями.

- Замечательное стихотворение, замечательное! -сказал Мирза Рза. - Какая глубокая мысль! Да, народные учителя поблагодарят вас за эту басню.

- Я написал это начерно еще в Тифлисе. Почти совсем было готово, Сидги умолял оставить для очередного номера, но я не решился: были кое-какие длинноты, повторения, - сказал Сабир. - Если эта басня окажется нужной учителям, то чего ж мне желать, чего?.. Учитель - духовный отец подрастающего поколения нашего народа. Учитель - без преувеличения- факел просвещения. Нужно быть слепцом, чтоб не потянуться к его свету!

- А все-таки любому стражнику оказывают куда больше почета, чем учителю, - заметил застенчивый парень и, сам перепугавшись своей смелости, побагровел, опустил глаза.

- Без стражников тоже нельзя, - благоразумно заявил торговец.

"И поэтов уважают меньше, чем стражников", - подумал Сабир и, все еще испытывая прилив необычных жизненных сил, звучно, уверенно сказал:

- Придут годы, и люди обойдутся без полиции, но зато в каждой деревне будет школа, даже не одна- несколько школ. И тогда просвещенный, высоконравственный учитель станет в народе первым, человеком, - ему, и только ему, будут присуждены высшие почести.

- Разрешите, я перепишу себе на память ваше стихотворение, господин, - обратился к Сабиру наконец-то оправившийся от смущения юноша. - Я из Борчалов, - неизвестно для чего добавил он.

- И мне, и мне! У нас в селе тоже читают "Моллу Насреддина"... Пожалуйста, дайте и мне: разок прочту и на всю жизнь запомню, - посыпались со всех сторон просьбы.

Мирза Рза уже раскаивался, что затеял это чтение: как бы беда не стряслась, не ровен час - донесут, но Сабир успокоил его доброй улыбкой. Страшиться опасностей - не в характере поэта. Если людям сейчас же, немедленно нужно его стихотворение, то, значит, таково и есть веление судьбы. Давно уже Сабир преодолел страх - он повиновался призыву совести без наигранного удальства; это было естественным спокойствием солдата, не обращавшего внимания на посвисты вражеских пуль.

В вагоне стемнело, зажглась под потолком тусклая лампочка: напрягая зрение, Мирза Рза переписывал кудрявой арабской вязью все новые и новые копии желающим, а их не убывало, а, наоборот, прибывало, - приходили из соседних вагонов, проведав, что в поезде едет Сабир.

- Это подлинный гимн труду! - продолжал умиляться учитель, представляя себе, как войдет в школу и в сосредоточенной тишине прочтет детям это поэтическое завещание Сабира, зная, что они не проронят, не забудут ни единого слова.

Он сказал Мирза Джалилу, Сидги, друзьям, что все лето проживет дома, чтобы целиком отдаться семье и творчеству. А может, сперва творчеству, потом семье: это не так уж существенно. Он ощущал зрелость художника, был в зените мастерства; мучительно трудный внутренний процесс кристаллизации жизненных впечатлений .закончился, слова повиновались его замыслам и стремлениям, и вдохновение

каждодневно навещало убогую хижину Сабира.

Но болезнь подстерегала его и наконец настигла. Сабир не устоял, рухнул, и прокуренный пыльный вагон третьего класса, полный дорожных сплетен и пересудов, снова повез его в Тифлис.

На этот раз пассажиры не услышали стихов Сабира.

Глава семнадцатая

БОЛЕЗНЕЙ ТЯЖКИХ СОНМ

Болезней тяжких сонм расширил сердце мне, -
Я верил, что помочь должна мне в горе печень.
Но злобная судьба с надеждой не в ладу:
Коварная, моя разбухла вскоре печень!
Сабир

Был знойный летний день; шемахинские улицы опустели, одинокие прохожие невольно ускоряли шаги, чтобы укрыться в тени от непереносимого удушливого солнцепека; булыжные мостовые, каменные стены домов как бы отталкивали от себя жаркий воздух, и он сонно, лениво струился из переулка в переулок, мутный, серый, похожий то на туман, то на мельчайшую пыль. Лишь пчелам было шальное раздолье: порхали, кружились в шатрах алычовых, вишневых деревьев, опускались на венчики цветов, падали в траву, разматывая за собою клубок тяжелого, густого жужжания.

В этот день привезли из Тифлиса, вынесли из фаэтона, уложили в постель истерзанного страданиями

Сабира.

А как радовались родные, друзья, почитатели, когда поэт уехал лечиться; тетушка Месьма возносила всевышнему мольбы о его исцелении; шемахинские интеллигенты с надеждой говорили о прогрессе медицинской науки, буквально воскрешавшей приговоренных к смерти; на базаре, в чайханах, в мечети, по квартирам рассказывали, что попечением сердобольного Мирза Джалила Сабир помещен в Армянской больнице, где ему обеспечен неукоснительный надзор виднейших тифлисских врачей, что личный доктор иранского консула господин Гандемиров трижды ударил себя в грудь и обещал ровно через два дня поставить на ноги поэта.

- Если ты будешь пить мои лекарства, то мигом станешь молодец молодцом! - самонадеянно заявил доктор. - Только не забудь потом в стихах похвалить меня, а от гонорара за лечение я, конечно, отказываюсь.

Но чудодейственный самодельный эликсир господина Гандемирова лишь иссушил и обессилил Сабира.

Встревоженный Мирза Джалил собрал консилиум. Медицинские светила долго осматривали, мяли, щупали, допрашивали поэта, а затем, глубоко вздыхая, разводили

руками.

- Каков же вывод, господа? - преувеличенно бодрым тоном спросил Мирза Джалил.

Осторожно покашляв, обменявшись с коллегами многозначительным взглядом, самый почтенный, убеленный сединами врач, старательно пряча глаза, сказал:

- Необходима операция. С минуту все молчали.

- Да, нужна операция, - повторил доктор более твердо. - Ни самый тщательный внешний осмотр, ни всевозможные анализы, увы, не могут дать нам полную и ясную картину болезни.

Сабир откинул голову на низкую подушку: тронутая сединой бородка торчала вверх; голос его прозвенел полнозвучно, как рокотание саза:

- Ну, разрежете, посмотрите, а дальше, дальше-то что?

- А дальше закроем, зашьем рану и примемся лечить, - с натянутой улыбкой сказал доктор.

- Простите, господин, но мой живот - не портмоне, чтоб его то открывать, то закрывать! - не отрывая взора от прохладной белизны высокого потолка, сказал Сабир.

Врачи переглянулись, послышался робкий, вежливый смешок, а Мирза Джалил в отчаянии отвернулся, шагнул к окну.

Преклоняясь перед мужеством поэта, старец вполголоса заметил:

- Вы, господин Таирзаде, и здесь не выпускаете из рук оружия сатиры.

- Что поделаешь! - Сабир как бы виновато пожал узкими плечами. -Ведь это единственное оружие, какое мне вручила судьба. У честного солдата и после смерти не вырвать из оледенелых пальцев меча!

Наступило долгое молчание.

- Мы просим вас посоветоваться с друзьями, близкими...

- Нет! - Собрав остаток воли, Сабир сказал с необычным жестким спокойствием: - Нет, это бесполезно.- И любезно поблагодарил врачей за внимание, отзывчивость и добросовестность.

Весь день приходили друзья, знакомые; говорили они каким-то противно-свистящим шепотом, и это сильнее всего угнетало и раздражало Сабира; сперва он отвечал односложно, а потом и вовсе замолчал.

И любящие его, и равнодушно любопытные посетители с ужасом наблюдали, как он изменился: пожелтели, приобрели землистый цвет ввалившиеся щеки, кривящиеся губы подернулись белесым налетом, глаза горели лихорадочно-знойным огнем.

- Спасибо, спасибо, - кивал Сабир, выслушав и фальшиво-приторные и неподдельно-скорбные выражения сочувствия и утешения.

Он уже знал, что корабль его жизни готов к отплытию, паруса подняты, ветер попутный...

На кухне рыдала и причитала, ломая руки, Биллур-Ниса, проклинала врачей, упрекала мужа:

- Чтоб бог покарал этих бессовестных колдунов! Здорового, цветущего мужчину превратили своими снадобьями в полутруп. Ведь говорила, всю жизнь говорила: брось книги, не строчи всякую ересь, обрати взор к святыням, проси молитвенного заступничества у имамов!

Биллур-Ниса-ханум прикрыла дверь, но стены были тонкие, словно из картона, - Сабир услышал, и горькая улыбка последнего всепрощения тронула его запекшиеся губы.

К счастью, до него не донеслись из Джума-мечети злорадные речи Гаджи Ахунда. Потрясая бороденкой, священнослужитель исступленно восклицал:

- Божья кара поразила вероотступника! Так будет со всяким, кто осмелится издеваться над шариатом. Посмотрим, посмотрим, как он пройдет "мост справедливости"!1 Не миновать богохулу, огненной палицей его стукнут по голове в аду!

Из соседних деревень, с окраины шли паломники; чаще всего они не поднимались в квартиру, а стояли в гнетущем молчании во дворе, жадно ловили каждую весть: не лучше ли? Самые преданные, а порой и самые назойливые проникали к больному, пытались его развеселить, приободрить, с ухарским видом пересказывали ему свеженькие сплетни, и Сабир был благодарен им, но чувствовал странную отрешенность от этой земной суеты. И когда посетители вставали, то он не задерживал их. Изможденное лицо его уже заросло свалявшейся неопрятной бородой, и только в глазах, как вода в глубоком колодце, сияла холодеющая чистота жизни.

Столик у кровати, подоконник, стулья были завалены подарками, но Сабир отказывался от лакомств, а когда врач подносил лекарство, то покорялся, чтобы не обижать доброго человека, но в глубине души поэт знал, что обречен.

Ему доставляло исцеление, пусть кратковременное, чтение новых номеров "Моллы Насреддина". Если уставали глаза, просил близких читать вслух. Со страниц журнала он слышал голоса друзей, соратников, единомышленников, с которыми уже разъединила его судьба. Там, в журнале, трепетало, неумолчно билось, гремело, как призывный колокол, сердце поэзии, а Сабиру она была святее всего сущего.

Не отходил от поэта только сын: ведь он так редко бывал

вместе с отцом. А сейчас отец стал необычайно ласковым, кротким, и охотно раскрывал малышу объятия, и нежил, и голубил его, и немедленно согласился купить ему взаправдашнюю "железную ручку", ибо Мамед Салим до сих пор выводил каракули по бумаге камышитовой.

- Как у школьников! Настоящую!

- Конечно, настоящую, как у школьников.

- Пойдем на базар! - потребовал сын. Эту просьбу Сабир выполнить никак не мог.

- А когда пойдем на базар? - не унимался мальчик.

- Скоро, скоро...

Заплаканная Биллур-Ниса унесла Мамед Салима на кухню.

Тетушка Месьма, узнав о болезни поэта, не расплакалась, как ожидали соседки, - смерть Бандалы осушила все ее слезы, а прикрыла лицо чадрой и отправилась в поле, вверх по реке, на самые дальние луга. Собирала она на этот раз не валежник, а лечебные травы.

В былые годы тетушка зачастую приносила Сабиру салат, лук-пырей, холодянку, и поэт смиренно, подобно ребенку, вкушал хлеб с этими обрызганными ночной росой хрустящими травами и награждал ее за приношения добрым словом.

Но теперь Месьма смотрела на цветы, на травы оком знахарки и не сомневалась, что всевышний украсил землю зеленым душистым, благоухающим ковром только для того, чтобы люди находили здесь исцеление от всех недугов.

Склонившись, она бродила по лугу, пристально рассматривая каждую былинку, каждый венчик, каждый лепесток, и уверовала, что спасет друга и защитника обездоленных, но ее пугало, что пестрокрылые цветы, озарявшие мир сиянием, пчелы и бабочки, стрекозы и мотыльки, порхавшие в нежно синеющем просторе, то и дело сливались перед ее глазами в глухую, непроницаемую пелену, а это было недобрым предзнаменованием.

Вернувшись в город, навестив Сабира, бросив на него проницательный взгляд, тетушка почувствовала, что ее унес далеко-далеко караван горя, и безмолвно воззвала к богу: "О всемилостивый, сжалься!.."

Она старалась хоть как-то быть полезной: стряпала на кухне, подавала особо почетным гостям и врачу чай, ходила за водой. Воспользовавшись отсутствием Биллур-Нисы, тетушка пробралась к кровати больного и протянула ему стакан с густо-коричневым ароматным настоем самых чудодейственных, по ее мнению, трав:

- Сама собирала...

Сабир, ни единым словом не выдавший страданий своего судорожно сведенного, пригвожденного к койке тела, встретил тетушку таким взглядом, что у нее похолодело сердце.

- Разве ты не видишь, что я умираю?

С деланным спокойствием, отчеканивая каждый слог, вдова завела проникновенно и.громко о несказанных милостях всевышнего, но тут уж у Сабира не хватило выдержки: отвернулся.

Вернувшись на кухню, Месьма подумала, что у поэта слишком много хулителей и ненавистников, - потому-то и денег в доме вечно нет... А без денег чего ж надеяться на выздоровление! Анафемы Гаджи Ахунда тоже не сулили Сабиру райского блаженства.

Взяв кувшин, тетушка пошла за водой и на улице останавливала прохожих, рассказывала о болезни поэта; кое-кто отмалчивался, некоторые, утешая и ее и себя, говорили: "Да поможет господь!" Недолюбливавшие зловредного бабиста в тайне души ликовали, но, опасаясь народного осуждения, с неопределенным видом пожимали плечами.

Будто раненая куропатка, Месьма металась то туда, то сюда, даже вечером заглянула к известному знахарю и целителю сыну Гаджи Селима. Сморщенный горбун перво-наперво потребовал денег, затем порылся в сундуке, взвесил на маленьких, аптекарского образца весах щепотку какого-то едко пахнувшего лекарства и вручил вдове аккуратный пакетик.

Выйдя на улицу, Месьма не утерпела, развернула: от порошка несло запахом сена и серы. Поколебавшись мгновение, тетушка сдунула с ладони лекарство, вспомнив, что горбун был наипервейшим наперсником праведного Гаджи Ахунда.

Теперь перед глазами тетушки предстало бессердечное, тяжело вращающееся колесо судьбы. По воле безжалостного, сурового бога это колесо с каждым поворотом приносило Месьме чашу яда: и овдовела в молодости, и бедствовала с малолетними детьми, и лишилась Бандалы, и разлучена с Антигой... Ныне колесо с пронзительным, душераздирающим скрипом подносило к ее устам еще сосуд скорби: умирал поэт, единственный из всех людей желавший и ей, и Бандалы, и Антиге добра, поэт, слава которого была безгранична.

В детстве Антига пела песенку, вероятно не вдумываясь в смысл слов:

О боже, столько горя
Никто не перенес, как я.
Кровоточит душа от горя,
Но пред людьми беспечен я.

Сейчас-то и Антига поняла, что такое неизбывное горе, а Месьме страдания казались такими же естественными, как стужа зимой и жара летом.

Но гибель сына, болезнь Сабира были даже для многострадальной вдовы настолько несправедливыми, кощунственными, что она уже не видела в мире ни цветущих полей, ни плавно струившихся вод земных, ни хрустального купола неба, а одну бесконечную похоронную процессию.

В "Молле Насреддине" было напечатано письмо учителя Фридун-бека "брату Джалилу":

"Тяжелая болезнь нашего национального поэта Сабира, а также неимоверно тяжелые материальные условия его жизни сильно огорчили нас и заставили глубоко задуматься над тем, как мы охраняем нашу честь, как ценим труд и доколе станем пребывать в беспечности... Наш собрат по перу никогда не мог спастись от нужды и мучений, а теперь лежит больной, - мы же не намерены портить себе настроения и знать ничего не знаем о его бедности и недугах", Так весь Кавказ узнал, что близится к закату светоч мудрости и поэзии.

В городах и деревнях, в светлых салонах и хижинах простолюдинов, в мечетях и чайханах, в школах и на нефтяных промыслах люди говорили о Сабире, и почему-то так получалось, что разговоры превращались в размышления и споры о судьбах народа.

В поэте народ обрел свое величие, свое национальное возрождение и славил героя, который, не сломившись под ударами невзгод, отдал всю жизнь служению родине.

Ученицы Бакинской женской школы прислали подарок: вытканные на шелку слова Сабира:

Свободный поэт, я призван моею страной писать
О добрых делах, а также о славе дурной писать,
Сияющим - день, а полночь о- объятую тьмой писать,
Кривое - кривым, прямое - чертою прямой писать.

Прибыло и письмо от учеников Балаханской школы, бывших, питомцев Сабира:

"Дорогой господин учитель и наш великий поэт!

Мы желаем Вам здоровья и долгих лет жизни. В начале мая мы устроили утренник, на котором исполнили Ваши стихотворения и сценки. На нем присутствовали и наши родители. Все остались очень довольны. Послушали бы Вы, как награждали рукоплесканиями Ваши стихотворения! Поскорее поправляйтесь, приезжайте к нам, и мы будем снова учиться у Вас и читать вслух Ваши произведения".

Из Баку, Ашхабада, Тифлиса, Тавриза, Нухи, Дербента, Самарканда, Владикавказа, Ленкорани, Ростова-на-Дону, Киева шли телеграммы, письма с выражениями признатель-

ности, уважения, с сердечными пожеланиями здоровья, бодрости, творческого счастья.

Обильным потоком хлынули денежные переводы, и Сабир умиленно думал, что хоть не ему, так сиротам пригодится. А как было бы хорошо, если б эта помощь не опоздала!

Ему говорили друзья, что прислали деньги, душевные письма Абдулла Мамедзаде, и Курбанали Шарифов, и Юсиф Везиров, и Сидги Сафаров, и Яхья Гаджизаде, и учитель Джамиль-бек, и учительница Зах-ра-ханум, и Лев Финкельштейн, и какой-то неизвестный, и Валерий Сергеев, и Александр Бабаян, и поэт сопровождал каждое имя еле приметным движением ресниц, ибо осознал, что и без него будет течь неисчерпаемая, могучая, полноводная река жизни. Он чувствовал себя как бы далеко от ценителей его стиха и в то же время неразрывно близко, он не умирал, а словно растворялся в народе, чтобы остаться сокровенной частицей в душе каждого говорящего по-азербайджански. Он сокрушался, что не все сделал, не обо всем написал, ему бы год-два здоровья и вдохновения: ведь именно сейчас он взошел на вершину мастерства и поэтической зрелости.

Но уже не оставалось сил дышать воздухом родной земли.

И, простившись с сыном, женой, друзьями, близкими, почитателями, он отплыл от земной юдоли в океан бессмертия, как многопарусный, толкаемый ветрами корабль.

Это было 25 июля 1911 года.

"Пусть станет известно уважаемым читателям "Моллы Насреддина", что в городе Шемахе умер наш любимый великий поэт Мирза Алекбер Таирзаде Сабир.

Читатели, привыкшие встречаться на страницах нашего журнала с его стихотворениями, поймут, каким великим горем является утрата Сабира.

Мы выражаем свое глубочайшее соболезнование родным нашего единомышленника и друга.

Мы находим успокоение в том, что перед ликом смерти и шах и бедняк в одинаковой степени бессильны.

Литературное наследие Сабира - неисчерпаемо богатая духовная сокровищница, которая вечно будет принадлежать народу, озарять светом умы потомков".

Глава восемнадцатая
ГЛАШАТАЙ СВОБОДЫ

Когда я уйду - ты, что пела в крови,
Свобода, разлейся, как пламя зари!
Свобода великая, вечно гори!
Свобода-красавица, вечно живи!

Сабир

А жизнь шла своей чередой, и в одной из бакинских газет появилась басня Сабира "Муравей". Это стихотворение имело необычайный, уму непостижимый успех у читателей; печатная машина, гудя, выбрасывала новые и новые номера, а очереди перед газетными киосками не убывали. Горожане, купив газету, тотчас надежно прятали ее в карман и расходились по домам - то ли остерегались читать стихи открыто, при свидетелях, то ли решили, что произведение Сабира надлежит читать, как священное писание, наедине, дабы взоры любопытных и праздношатающихся не осквернили письмена.

Еще не знали о смерти поэта, и помыслы бакинцев были устремлены в сторону Тавриза, откуда приходили горестные вести о свирепых расправах царских казаков и пособников кровавого Гаджи Самедхана над разгромленными, обезоруженными повстанцами. Передавали, что, стоя у виселицы, повстанцы отважно встречали свой смертный час и шептали не молитвы, что было бы вполне естественным и понятным, а какое-то вещее заклинание, но никто из палачей не расслышал ни единого слова. Мгновенно же поползли слухи, что повстанцы перед ликом смерти проклинали духовенство, как известно, издавна ревностно служившее властям и, разумеется, на этот раз не изменившее своим обычаям. Однако многие правоверные с пеной у рта утверждали, что это грязная выдумка бабистов, что повстанцы в ожидании казни не нарушили заветов шариата, а попросту посылали последний привет друзьям. Но некоторые кавказцы не соглашались с этим и говорили, что герои Тавриза и умирая не усомнились в справедливости своей борьбы и приветствовали перед казнью грядущую свободу.

И вдруг в Баку и Тифлисе, в Гяндже и глухих деревнях с молниеносной стремительностью пронеслась весть, что повстанцы, покидая наш скорбный мир, повторяли стихи Сабира:

Трудись, борись за родину свою,
Покуда кровь не вытечет из жил.
Умри, чтоб имя - это ли не честь? -
Родной народ в сказаньях оживил!

И все, почти все в это поверили.

Конечно, отыскались недоверчивые мудрецы, коим в привычку вошло сомневаться во всем сущем. "Позвольте, - говорили они, - "Муравей" только что напечатан. Откуда повстанцы могли узнать слова поэта?" Но чистые сердцем люди возражали, что стихотворение Сабира написано уже давно и сперва ходило в рукописном виде, а затем, как песня,

как легенда, как сказание, перелетало из уст в уста и наконец докатилось до Тавриза.

Во всяком случае, и умудренные жизненным опытом скептики и прекраснодушные мечтатели вырезали из газеты басню и наклеивали в альбомы, а глядя на родителей, этим занялись и школьники; те же, кому не удалось приобрести номер "Хагигат", аккуратно, буква в букву, переписывали стихотворение:

Трудись, борись за родину свою,

Покуда кровь не вытечет из жил.

У Ахмед Кямала затряслись руки, когда он увидел у старшеклассников в тетрадках стихи Сабира, выведенные с каллиграфической ясностью, а услышав, как на утреннике восьмилетний мальчик, поощряемый рукоплесканиями родителей и гостей, прочитал с воинственным видом "Муравья", директор и вовсе перепугался.

- Это чуждые нравам мусульманского общества стишки! - бушевал Ахмед Кямал. - Это бесстыдное подстрекательство молодежи и детей к неповиновению!

Щетинистые, обычно торчавшие горделиво вверх усы директора намокли от пота и обвисли.

После унылых размышлений Ахмед Кямал решил, что поэты "Моллы Насреддина" подняли голову, осмелели, перешли в наступление только потому, что мечущий молнии на отступников богохулов Али-бек отбыл на чужбину. При Али-беке они остереглись бы столь явно призывать к бунту против властей светских, а равно и духовных. О-о, громовержец Али-бек мигом припугнул бы их!.. И, забыв о выполнении своих директорских обязанностей, Ахмед Кямал присел к столу и накатал стихи, выплакал в рифмах свое, неутешное горе:

Где ты, священный зодчий красоты?

К тебе в Стамбул летят мои мечты.

Ахмед Кямал остался довольным наспех содеянными виршами и с просветленным взором направился в учительскую, но там директора ожидали еще более горькие испытания.

Костин, этот "бессловесный", тишайший преподаватель рисования, человек не от мира сего, держал в руках все тот же номер "Хагигата".

- Вы же не владеете кавказским наречием, господин Костин, - ахнул директор.

- Да, к сожалению, азербайджанский язык знаю плохо, - согласился с невозмутимым видом учитель рисования.

- Зачем же вам этот грязный листок бабистов? Немедленно бросьте на помойку!

- Но здесь напечатано замечательное стихотворение Сабира.

"И этому поклоннику Сабира я плачу жалованье?"- ужаснулся Ахмед Кямал и, с трудом пересилив гнев, сказал:

- Ваше поведение, господин Костин, представляется мне странным.

- Не нахожу ничего странного, - пожал плечами учитель, - я люблю искусство.

- Искусство!.. - Ахмед Кямал с минуту смотрел на него молча. - Искусство? Я сам боготворю искусство, но что общего с подлинным, вдохновенным искусством имеет вульгарная побасенка!

- Через несколько лет это произведение будет печататься во всех школьных хрестоматиях, - твердо сказал Костин.

И, отвернувшись, дабы показать, что продолжать спор бесполезно, Костин аккуратно сложил газету, вложил ее в конверт с уже надписанным адресом.

Директор с безразличным видом заглянул через его плечо,- "Астрахань"... Эге, теперь-то все ясно! Так вот кому он посылает стихи Сабира - политическому ссыльному, возмутителю общественного благо-порядка, революционеру! Но где же жандармское управление? Неужели там сидят слепцы, коим не ясна эта бунтарская ниточка, тянущаяся от Сабира к Нариманову? Доколе терпеть такие подрывные интриги?

- Не из Астрахани ли получаете приказы и указания?-с саркастической усмешкой осведомился Ахмед Кямал.

- Но это письмо идет в Астрахань, - возразил Костин.

- Я директор Балаханской школы и полностью отвечаю за воспитание малолетних мусульман! - Ахмед Кямал выкатил грудь колесом, усы его зашевелились.

- Увы, Сабир давно уже уволен из школы,- вздохнул Костин, - следовательно, вы за его творчество никакой ответственности не несете!.. Если в русско-татарской школе Астрахани любят азербайджанскую поэзию, то, вероятно, вам-то этому и радоваться! Как видите, здесь нет ничего крамольного!

- Мусульманская поэзия, я имею в виду, конечно, турецкую поэзию, - внушительно заметил Ахмед Кямал, - гордится совсем иными творцами. Сабира нет среди них!.. Но сейчас не об этом речь. Занимайтесь, господин Костин, рисованием, рисованием, рисованием! Иначе...

- Понимаю,- кивнул тот, заклеил конверт и поднялся.- Я на почту схожу, - миролюбиво объяснил он директору, но в дверях остановился, видимо сообразив, что если увольнение неминуемо, то стесняться нет смысла. - Какая поэзия нужна астраханским школьникам, не нашего ума дело, господин

директор. Пусть они сами эти вопросы и решают. Лично я уверен, что "Муравей" станет когда-нибудь любимым стихотворением азербайджанских детей. Но это мое мнение, и я вам его не навязываю! - Костин с подчеркнуто учтивым видом поклонился.

На улице Костину стало легче; ускорив шаг, он направился к почтовой конторе, машинально отвечая на приветствия школьников и взрослых. Воздух был насыщен стойким тяжелым запахом мазута, но когда с моря налетали порывы свежего, соленого ветра, то в тени становилось прохладно.

Он вспомнил университет, молодого задорно-веселого Нариманова - и нежность залила сердце... В ту пору Костин вовсе не слыхал о Сабире, о "Молле Насреддине", но однажды Нариманов прочитал ему:

Колесо судьбы побежало вспять, - ты иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать, - ты иди, гляди!
Берегись, богач, а не то как раз попадешь в беду!
Пусть рабочий прав, - одного себя ты имей в виду!
И ни разу ты не давай ему отдохнуть в году!
Слава - славному, а нужда тому, кто с нуждой в ладу.
Колесо судьбы побежало вспять, - ты иди, гляди!
И рабочий мнит человеком стать,-ты иди, гляди!

Нариманов сперва пересказал другу по-русски содержание, а затем гневно, выразительно, в такт рассекая ударом ладони воздух, прочитал стихи по-азербайджански, и Костин был потрясен, как бы испуган величием этого потока бурных, страстных, непонятных ему и одновременно близких, будто им самим произнесенных слов.

- Ну как? - Нариманов бросил на него застенчивый быстрый взгляд, словно сам только что сочинил эти стихи.

Костин с облегчением вздохнул:

- Прекрасно!.. Революционная прокламация! Видимо, теперь такой и должна быть истинная поэзия. Но за такие стихи Сабиру не поздоровится!

- Э, ему не привыкать! Удары сыплются на него со всех сторон, но преследования, бойкот, оскорбления, насмешки лишь закаляют его разящий клинок. На Востоке Сабира прозвали поэтом бедняков. Пожалуй, в этом-то и проявилась сердечная признательность народа,- сказал Нариманов с тем искренним уважением, на какое только был способен.

- Пожалуйста, читай мне все новые стихотворения Сабира, - попросил Костин.

В этот момент он не подозревал, что вскоре его исключат из университета и сошлют в Баку, что там ему придется долго скитаться без работы и что лишь при помощи верных друзей он устроится учителем рисования и повстречается с великим

Сабиром в Балаханской школе.

У входа в почтовую контору ему бросилась в глаза группа взволнованных, бурно разговаривавших людей; у стоявшего в центре старика по щекам текли слезы.

- Что случилось?

- Умер Сабир.

Эти слова словно удар в сердце ошеломили Костина; он закрыл глаза, будто еще надеялся на чудо,- ослышался...

Но никакой ошибки не произошло.

Ахмед Кямал сидел в своем директорском кабинете и, высунув от усердия кончик языка, поспешно строчил донос на крамольного учителя рисования, когда без стука распахнулась дверь и, громко стуча грубыми, грязными сапогами, вошли Мешади Гусейн и двое рабочих.

- Простите, нам бы господина Костина, - обратился к директору, сняв картуз, мастер и, не дождавшись ответа, бросил взгляд на висевшее у окна расписание уроков.

- Костин сейчас придет, - ответил Ахмед Кямал; ему пришлось признаться самому себе, что при встречах с хлебопеком он всегда испытывал какой-то противный, ноющий, словно рана, страх. - Собственно, а что вам угодно? - спохватился директор и принял официально-высокомерный вид.

- Разве вы не знаете? - осторожно начал Мешади Гусейн.

Что? Что?.. Сердце Ахмед Кямала подпрыгнуло и учащенно забилось; его так и подмывало усмехнуться с мстительным торжеством, но извечный страх перед Мешади Гусейном и нефтяниками как бы сковал все лицевые мышцы.

- Собственно, а какое отношение... - пролепетал он костенеющим языком.

- У Костина есть портрет Сабира, - объяснил Мешади Гусейн, глядя поверх головы директора в открытое окно.

Будто повинуясь его взгляду, Ахмед Кямал обернулся и вздрогнул, съежился в кресле, - весь школьный двор был залит толпой: здесь были только что вернувшиеся со смены нефтяники в грязной, пропахшей мазутом одежде, женщины, забывшие в горе прикрыть чадрами заплаканные лица; необычно молчаливые подростки.

Вдруг толпа расступилась, и к крыльцу подбежал Костин; он громко шмыгал носом, без стеснения вытирал рукавом мокрые глаза и щеки.

Когда директор усилием воли заставил себя оторвать взор от грозной в молчаливом горе толпы, то убедился, что кабинет пуст: хлебопек и рабочие ушли.

Вдруг толпа простонала, будто из одной груди вырвался вопль скорби, - это на крыльцо Костин и Мешади Гусейн вынесли большой портрет Сабира.

Еще не оплела его траурная лента, - по-живому ясные, сосредоточенные, с затаенно-грустным выражением глаза поэта смотрели на людей с подкупающим выстраданным дружелюбием.

Портрет был набросан уверенно-властными штрихами карандаша; многие вечера отдал Костин труду, чтобы "бессловесно" выразить свое восхищение Сабиром.

Поэт улыбался, и добрая его улыбка как бы говорила притихшим в унынии людям: "Что ж, нам пришлось расстаться... Не жалейте меня, - ведь я был счастлив вашей любовью!.."

Лишь немногие, богатырски сильные люди способны переносить горе в одиночестве, молчаливо, и чуткий Мешади Гусейн понял, что толпа ждала от него ободряющего и утешающего слова, - стоять молча было невыносимо.

Рывком стянув картуз, мастер сделал шаг вперед.

- Товарищи, друзья! Весть о смерти Сабира камнем легла на наши израненные души. Сабир был нашим певцом, нашим защитником, нашим глашатаем. В его стихах мы находили самих себя, свою судьбу, свою жизнь, свои мечтания!..

Долгие годы общения с простолюдинами приучили Мешади Гусейна говорить задушевно, как бы размышляя вслух, - потому-то и ловили каждое его слово рабочие на митингах и подпольных сходках.

Сейчас он неожиданно замолчал и, круто повернувшись, посмотрел в сторону далекого, утопавшего в солнечной дымке города, и все собравшиеся послушно обернулись туда же, насторожились, будто впервые увидели темневшие на горизонте силуэты мечетей и дворцов нефтепромышленников.

- Они повинны в преждевременной смерти Сабира!- показал, протянув руку, Мешади Гусейн, и в его голосе прозвучала беспощадная жестокость. - Но мы с вами дождемся часа правосудия!.. Они ответят перед народом за свои злодеяния.

В кабинете директора поспешно захлопнулись оконные рамы, опустились тяжелые шторы.

- Всю жизнь Сабир призывал нас к свободе, справедливости, он верил в грядущее счастье народа!- продолжал мастер с безграничной уверенностью, словно идущей из самой глубины его сердца.- Враги ненавидели Сабира, и эта ненависть была заслуженной. Помните стихи?

Земля на краткий срок жилищем нам была.
Пусть ни один вопрос не разрешен земной,
Но с каждым годом был все шире стан врагов,

Затем, что жили мы лишь правдою одной!

Эта правда, которой жил Сабир, называется свободой. Воскликнем же над его отверстой могилой: да здравствует свобода!..

И тишина, похожая на тишину соснового бора перед грозовым шквалом, сменилась исступленно могучим, восторженным восклицанием, прозвучавшим как клятва на поле сражения:

- Да здравствует свобода!

На следующий день Костин получил телеграмму из Астрахани:

"Смерть великого поэта бедняков Сабира является тяжелой утратой для нашего народа.

Сабир во всех своих произведениях старался нанести удар по угнетателям, прийти на помощь обездоленным. В наше время не было такого второго поэта, который бы стоял так близко к народу, был так необходим революции.

Великий поэт будет всегда жить в наших сердцах.

Нариманов".

1957